

# ИСКАТЕЛЬ 6

ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ  СВЕТА 1988







# **ИСКАТЕЛЬ 6**

**ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ**

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ  
ЦК ВЛКСМ



**ВОКРУГ**  **СВЕТА**  
1988

## **В ВЫПУСКЕ:**

**Александр КАЗАНЦЕВ**

**2**

**ТАЙНА НУЛЯ**

Фантастическая повесть

**Димитр ПЕЕВ**

**71**

**ДЖЕНТЛЬМЕН**

Повесть

**ОСНОВАН В 1961 ГОДУ**

**№ 168**

**Выходит 6 раз в год. Распространяется только в розницу.**



**Александр КАЗАНЦЕВ**

# **ТАЙНА НУЛЯ**

Фантастическая повесть





## ПОСЛАНЕЦ КОСМОСА

Безоблачный день. По Москве-реке, которую все-таки берегли в заповедной части города у Ленинских гор, не заключив в трубу, по водной глади плыло множество аквавелосипедов. Чтобы сохранить речную воду чистой, был введен запрет на пользование в конструкциях судов любых двигателей. Река принадлежала лишь пловцам и аквавелосипедистам.

И вдруг синеву неба прорезала молния, не зигзагообразная, как в грозу, а прямая, и на миг застыла в воздухе, засияв в лучах солнца серебристым столбом.

Неведомое тело упало в реку, подняв клубы пара и вызвав неожиданную волну. Волна опрокинула аквавелосипед, на котором катались два мальчугана. От неумения плавать или со страха ребята стали тонуть, взывая о помощи.

Стройная девушка в красном купальнике, с развевающимися рыжеватыми волосами, катавшаяся на педальном скутере, бросилась в воду. Когда она подплыла поближе, ребяташки вцепились в нее, сковав ее движения. Все трое барахтались в воде, захлебываясь и мешая друг другу.

Увидев тонущих с огромной высоты метромоста, какой-то прохожий с ловкостью опытного спортсмена прыгнул с пешеходной дорожки верхнего яруса в реку.

Другой человек, следивший за событиями с набережной, — со спускавшимися на плечи локонами, одетый подчеркнуто элегантно, — бросился к спасательному взлетолету, дежурившему у цветника набережной. Тому, чтобы подняться в воздух, потребовалось какое-то время.

Прохожий, прыгнувший в воду, вынырнул около одного из мальчишек, схватил под мышки и поплыл на спине к берегу.

— Делай, как я, — крикнул он девушке.

Она сразу поняла его и тоже взяла второго мальчугана под мышки, перевернувшись сама на спину.

Взлетолет завис над ними. Он выбросил гибкую лестницу, и по ней спустился тот же элегантно одетый человек с растрепавшимися кудрями и протянул руку.

— Не беспокойтесь, — ответил из воды мужской голос. — Доберемся.

Через несколько минут все уже были на берегу.

Едва отдышавшись, ребята попросились на взлетолет, который мог доставить их на водную станцию, где остались ничего не подозревающие родители. Прилетевший на взлетолете человек стоял на берегу, приводя в порядок свои волосы.

— Надя, — сказал прилетевший, пряча гребенку в карман. — У меня душа чуть в пятки не ушла, — ведь все это происходило у меня на глазах.

— А вы? — девушка повернулась к своему спасителю. — Вы тоже едва не умерли со страху, спрыгнув в воду с такой высоты?

— Я просто не успел, — усмехнулся тот.

— Вы разденьтесь, — сказала девушка, отжимая свои мок-

рые, отливающие темной медью волосы. — Пусть одежда подсохнет на солнце. Как вас зовут?

— Никита Вязов.

— А меня — Надя Крылова. Я студентка-математик, синий чулок или сухарь, как вам больше нравится.

— Не верьте, бесстрашный прыгун, — вставил ее знакомый с длинными локонами. — Это ведь внучка знаменитого академика Зернова, надеюсь, вам известного.

— Кому-кому, а уж нам-то он известен, — загадочно произнес Никита Вязов, отжимая, как и Надя, свои густые, выющиеся светлые волосы. Скинув мокрую одежду, он стал похож на спортсмена — стройный, мускулистый, поджарый. Заметив изумительный взгляд девушки, Никита сказал:

— Из-за высокого роста мою настоящую фамилию Джандарканов переделали сначала в Длинорканова, потом в Долговязова и наконец просто в Вязова. По известной вам традиции двадцать первого века!

Надя рассмеялась.

— А это, — она повернулась к недавнему пассажиру взлета, — ученик моего дедушки, о котором он только что упомянул, молодой и многообещающий доктор физико-математических наук, профессор нашего университета Константин Петрович Бурунов. «Смещение бессеровских функций». Может быть, слышали?

— А как же! Проходили, когда нас готовили, — с подчеркнутой почтительностью отозвался Вязов. — Мы их «бесовскими функциями» называли.

— Как? Где проходили? — удивился Бурунов. — Надеюсь, не мимо проходили? Для какой же это цели, спрашивается?

— Для астронавигации.

— Ах вот как! Ну тогда понятно.

— Постойте, — прервала Надя. — Астронавигация? Космос? Тогда ответьте, что это было?

— Скорее всего обычный метеорит.

— Что? Метеорит в центре Москвы? Это невероятно!

— Видите ли, за сутки тысячи тонн космического вещества падают на нашу планету. В своем большинстве его частички сгорают метеорами. Остальные оказываются метеоритами. Чаше они попадают в океаны. И лишь немногие на сушу, обычно в малодоступные места.

— Сколько же времени этот несчастный метеорит носился в космосе, прежде чем свалиться нам на голову?

— А это смотря с какой скоростью он летал, — с хитрецей ответил Вязов. — Если с субсветовой, то время на корабле по теории относительности вроде бы стояло, а у нас на Земле текли тысячелетия. Вот и считайте, какой возраст у пришельца космоса...

— Во-первых, позволю себе заметить, — снова вставил Бурунов, — сомнительно, чтобы метеориты достигали в своем движении подобных скоростей. Во-вторых, еще более сомнителен пресловутый «парадокс времени», который вы упомянули. Не знаю, как вы там проходили теорию относительности, но...

— Не спорьте, — прервала его Надя. — Я не хочу, чтобы

он был просто метеоритом. Пусть это будет посланец из космоса!

— Так метеорит вроде и есть посланец из космоса, — заметил Вязов.

— Нет, не такой! Если бы он принес письмо с улетевшего звездолета! — погрузнев, сказала девушка.

Она вдруг увидела в своем спасителе совсем другого человека, не похожего на того, каким он старался казаться. Скорее Никита Вязов человек незаурядного ума и обширной эрудиции. Он говорил об астронавигации, о теории относительности, о последних разработках в математике как о совершенно обычном деле. За каждым его словом угадывалась ирония, направленная прежде всего на самого себя, и глубокий, порой неожиданный смысл.

Никита спросил:

— Так почему же вы ждете письмо со звездолета?

— Ах, Никита! Ведь все знают, что два года прошло, как улетел звездолет, а сигналы от него перестали приходить еще год назад. Дедушка почти уверен, что экипаж погиб. А я не хочу верить. Понимаете, не хочу и не могу, хотя во всем ему верила. Когда он... ну понимаете, когда он...

— Доказал, что лететь к звездам можно, — закончил за нее Никита. — Что скорость звездолетов может превышать световую и далекие звезды достижимы.

— Откуда вы знаете? — без всякого удивления спросила Надя.

— Понаслышке, — улыбнулся Вязов. — И даже о той самой Надежде Крыловой знаю.

— Какой той самой?

— О дочери командира звездолета Алексея Крылова.

— А я пока ничего о вас не знаю, кроме того, что вы прыгали с моста. Вы наверняка не такой, каким кажется. Вот вас куда-то готовили...

— Готовили для участия в спасательной экспедиции, которая вылетит на поиски пропавшего звездолета.

Надя почувствовала, что кровь бросилась ей в лицо. Так и есть! Она же догадалась, что это не простой человек! И, чтобы скрыть свое замешательство, непоследовательно сказала:

— И тот, кто должен спасти моего отца, безрассудно прыгает в реку! А если бы вы разбились?

— Не думал, цейтнот! Уж простите.

— А я? А я? — спрашивала Надя, всматриваясь в притягательную улыбку Вязова. — Что я должна думать? Один дал мне жизнь и не вернулся из космоса, другой спас и тоже летит в космос. Так кого же мне ждать?

— Обоих, — с поразительной уверенностью в голосе серьезно произнес Вязов.

А на Москве-реке появился электрический катер подводников. Акванавты один за другим бросались спиной в воду.

Поиски «московского метеорита» начались.

Космолетчик Никита Джандарканов-Вязов прибыл на заседание Всемирного Звездного комитета, когда там уже вовсю шла острая дискуссия.



— Научная позиция академика Зернова граничит с преступлением, — говорил профессор Дьяков, худощавый, уже немолодой человек с острыми чертами лица. — Его утверждение, что звездолет может превысить скорость света и достичь звездных далей, привело к трагическим последствиям — гибели экипажа звездолета «Скорость». Как известно, через год после старта, когда звездолет разогнался до субсветовой скорости, течение времени на нем замедлилось. Сигналы с него подавались ежедневно, но поскольку час, а потом и минута в его сутках по закону «сокращения времени» стали разны земному году, мы примем эти сигналы через десятки и сотни лет, а самих звездолетчиков наши потомки дождутся через тысячу лет! Из уважения к видеозрителям, следящим за нашей дискуссией, я объясню сущность «сокращения времени», как это делаю своим студентам в университете. Истинное Всеобщее Время отмечается углом поворота стрелки неких Вселенских Часов, но длина дуг конца этой стрелки и любой ее точки вплоть до оси вращения отмечает собственное время тел. Чем ближе точки к оси вращения, тем короче их дуги и тем более замедленное собственное время. В центре же вращения, где скорость движения тел равна скорости света, длина дуги равна нулю, а время неподвижно. Этого не принял во внимание мой оппонент...

Профессор Дьяков закончил свою обличительную речь, а позади, готовый сменить его, уже стоял академик Зернов.

Оглядев присутствующих членов Звездного комитета, ученых из разных стран, космонавтов и звездолетчиков, он начал, едва сдерживая гнев:

— Не могу... не могу спокойно говорить после выступления уважаемого профессора Михаила Михайловича Дьякова. Мне трудно передать свое возмущение теми вульгарными аналогиями, при помощи которых он пытался объяснить «сокращение времени», вытекающее из теории относительности Альберта Эйнштейна. Отнюдь не умаляя заслуг Эйнштейна, я буду говорить о его заблуждениях, с такой завидной, но бездумной настойчивостью отстаиваемых уважаемым профессором Дьяковым. Никакими экспериментами пока не доказано «сокращение времени». Я напомним, что, по Эйнштейну, сокращается не только время, но и длина тела относительно направления движения. Следовательно, если бы в полете оказался наш профессор Дьяков, то при достижении звездолетом световой скорости его лицо превратилось бы в блин. А если он повернется, чтобы взглянуть в боковой иллюминатор, то голова превратится в блин. А что будет происходить с остальными частями его тела при подобном повороте? Они будут то сокращаться до нуля, то расширяться до прежних размеров. Врачи рассмеются, если их спросить о здоровье такого поворачивающегося космонавта. Вот и получается, что рассуждения об этих сокращениях — несусветная чепуха. И все эти нелепости произносятся с трибуны, чтобы убедить готовых к полету звездолетчиков, чтобы они, когда их товарищи гибнут в космосе, из «теоретических» соображений отсиживались на Земле. Я закончу свое выступление мыслью, в истинности которой полностью убежден: «Спасатели должны спасать!»

## ДЕСЯТАЯ ЛУНА ДЖОНА БИГБЮ

Скутер рванулся, оставляя за собой седые усы бурунов и перистую, как в небе, дорожку.

У Нади захватило дух. Наслаждение было как при полете на дельтаплане или затяжном парашютном прыжке.

Промелькнул над головой метромост, с которого прыгнул «ее» Никита.

Надя сбросила скорость, развернулась, используя инерцию движения, и ее скутер ткнулся носом в песок насыпанного у подножия Ленинских гор пляжа.

Надя уже давно решила, что жизненным примером для нее должна служить великая Софья Ковалевская, ставшая математиком вопреки воле отца, вопреки неписаному запрету на высшее образование для женщин в России. Правда, Наде никто не мешал заниматься математикой.

Она прибыла на свидание с Никитой, но ждать сорок минут ей оказалось не под силу! Раздраженная, она села в скутер, чтобы умчаться при появлении Вязова.

Маховик уже пел на низкой ноте, показывая, что запас энергии иссяк. Наде пришлось поработать педалями, чтобы быть готовой к своему бегству.

Не меньше получаса она терпеливо раскручивала маховик. За это время с чисто женской логикой, едва ли схожей с математической, она успела оправдать провинившегося Никиту. Очевидно, он не просто опоздал, а решил уберечь ее от сближающих их встреч и возможной «тысячелетней» разлуки из-за проклятого «парадокса времени», ведь Никита сам сказал, что метеорит мог лететь с субсветовой скоростью; тогда время на нем стояло, а на Земле мелькали столетия. Он благородно отказывался от счастья, чтобы избавить Надю от горя.

Ей вдруг захотелось доказать, что никакого «парадокса времени» нет! Правда, опять получится не совсем по Софье Ковалевской: та отказывалась от личного счастья во имя науки, а Надя Крылова собиралась с помощью науки добыть свое счастье. Ну да пусть это простится ей!

На всякий случай подождав еще немного, она направила скутер обратно к водной станции.

Никита так и не появился на пляже. К этому времени он уже покинул Землю.

А еще утром он с особой тщательностью занимался своим туалетом, старательно расчесывал светлые, непослушные волосы, спадающие на плечи.

Это не ускользнуло от внимания его матери, Елены Михайловны, женщины чуткой и мудрой, воспитавшей сына без рано погибшего мужа-летчика. Худая и высокая, неторопливая в словах и движениях, она обо всем догадалась и, как бы продолжая разговор, спросила:

— И кто же она?

В тон ей Никита непринужденно ответил, словно не сообщал ничего особенного:

— Внучка академика Зернова, своими расчетами подготовившего наш рейс. Мы летим на поиски экипажа звездолета, которым командует ее отец, Крылов, чьим именем и назван наш спасательный корабль. Словом, тесная семейственность в беспредельном космосе.

— И что же? — с улыбкой спросила Елена Михайловна. — Она готова ждать тебя все четыре года, которые высчитал для вас ее дед?

— Видимо, так. Но пока она об этом еще не сказала.

— А это не мешает твоему полету?

— Помешать спасательному рейсу может только возвращение пропавшего звездолета.

В этот момент в браслете личной связи на руке Никиты прозвучал сигнал тревоги и послышался спокойный, но твердый голос командира звездолета «Крылов» Бережного:

— Вязову — в штаб перелета! Явиться по тревоге! Немедленно.

Бережной ждал Вязова у дверей штаба.

— На взлетолет. Летим на космодром. Вверху беда — придется выручать, — бросил он и зашагал, больше ничего не объясняя.

На околоземной орбите завершалась сборка спасательного звездолета «Крылов» и подготовка его к старту.

Едва поспевая за Бережным, Никита ломал себе голову: что там могло случиться?

И только во взлетолете Бережной кратко объяснил:

— Дикий спутник. Может произойти столкновение с «Крыловым».

— Как так? — удивился Вязов. — Ведь орбита стронтовой базы в космосе была свободна. Перепроверено десятки раз.

— Вот именно. Все учтено, кроме того, что может измениться в космосе. А этих лун Джона Бигбю целый десяток.

— Но их орбиты хорошо известны и давно изучены<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> В тысяча девятьсот шестьдесят девятом году в журнале «Икарус» американский ученый д-р Джон Бигбю сообщил, что им обнаружено на околоземных орбитах десять космических тел, которые не были запущенными СССР или США искусственными спутниками. Он исследовал их траектории, и оказалось, что все они сходятся в одной точке, из которой «осколки» начали свое движение восемнадцатого декабря тысяча девятьсот пятьдесят пятого года, видимо, составляя вместе одно тело, разрушившееся по неизвестной причине. Тогда же в космосе наблюдалась вспышка. Она не была сразу потухшей сверхновой звездой или метеором, не оставившим в атмосфере светящегося следа. Причину ее так и не установили. Советский ученый Сергей Петрович Божич высказал гипотезу, что восемнадцатого декабря тысяча девятьсот пятьдесят пятого года, за два года до запуска первого искусственного спутника Земли, на околоземной орбите взорвался чужепланетный космический корабль. Джон Бигбю не решился присоединиться к этому мнению, предпочитая более «естественную» причину образования обнаруженных им лун, но назвать ее не смог. В США нашлись ученые, принявшие гипотезу Божича, но никаких попыток исследовать в космосе загадочные луны Бигбю не было сделано. В условиях международной напряженности космос наполнялся все новыми объектами, в том числе военного назначения, и говорить об инопланетном посещении всерьез было не принято. О лунах Бигбю забыли. Но они продолжали существовать (здесь и далее прим. авт.).



— Одна из лун Бигбю сошла с орбиты и грозит врезаться в модуль звездолета. Нам с тобой, космическим спасателям, предстоит показать, чему нас учили. Дело, казалось бы, пустяковое — изменить орбиту блуждающего спутника, а от этого зависит чуть ли не вся грядущая история...

— Закрепим, командир, буксир и оттащим глыбу. Работы на несколько часов.

Пока продолжался этот разговор, космоплан вышел уже из верхних слоев атмосферы, переходя на первую космическую скорость и готовясь лечь на орбиту строительной базы, где собирался гигантский звездолет «Крылов».

В отличие от космических ракет, ценой перегрузки быстро выносивших космонавтов на орбиту, в космоплане невесомость пока не ощущалась. Двигатели работали, вызывая ускорение, равное земному, и Вязов даже мог встать с кресла и подойти к иллюминатору, не взмывая под потолок.

— Выходим на орбиту. Значит, скоро появятся наши нули на ниточке, — шутиливо заметил он.

— И кто это выдумал модули нулями прозвать? Не ты ли?

— У меня были к тому не только геометрические (дискообразные кабины ведь на нули похожи!), но и философские основания.

— Тоже скажешь, философские! — фыркнул Бережной.

— А как же! — вполне серьезно возразил Вязов. — Поскольку первый модуль использует вакуум, кванты которого по всем физическим показателям равны нулю, то модулю этому предстоит сыграть роль знаменателя, ибо нуль, разделенный на нуль, не равен нулю.

— Ну «занулил», мудрец доморощенный! Как на базе? Связь держишь?

— Так точно. Энергоблок вошел в резонансный режим высвобождения внутривакуумной энергии, а выйти из него пока не удается.

— Худо дело. Выходит, на нас с тобой вся тяжесть ложится.

— Да не такая это уж тяжесть — на космическую рыбку сеть накинута.

— Ну-ну, рыбак космический. Смотри, как бы у разбитого корыта не остаться! — проворчал Бережной.

Он получил с Земли указание, на какую орбиту при достижении определенной скорости вывести космолет, чтоб раньше Дикого спутника оказаться вблизи «Крылова».

Конечно, орбиты их не совпадали и находились даже в разных плоскостях. Но, как вычислили земные компьютеры, из-за происшедших перемен в движении Дикого спутника он должен встретиться с «Крыловым» как раз в той точке, где он и Дикый спутник могли оказаться одновременно. Вероятность столкновения была, принципиально говоря, чрезвычайно малой, но все же не равнялась нулю и снова, как и в случае с «московским метеоритом», грозила стать реальностью.

Звездолет состоял из двух дискообразных модулей по 50 метров диаметром. В переднем размещалась техническая часть с энергоустановкой. В заднем — жилая кабина и пост управления всей аппаратурой технического модуля. Модули, соединен-

ные тросом, передающим тяговое усилие, к моменту старта должны были разойтись на сотню километров. Эти сто километров избавляли экипаж от возможных вредных влияний внутривакуумной энергетики, а в сравнении с преодолеваемыми расстояниями такая длина буксира не имела никакого значения.

Правда, для посещения в пути технического модуля космонавтам требовалось воспользоваться скафандрами с реактивными двигателями и испытать двойное ускорение, чтобы нагонять разгоняемый с земным ускорением технический модуль<sup>1</sup>.

— Вижу «дикаря», — крикнул Вязов.

— Готовь скафандры. Пойдем на abordаж!

Погода, как и предвещали протянувшиеся в небе веером перистые облака, действительно начала портиться, и Наде пришлось поторопиться, чтобы успеть на пригородный взлетолет.

Оставив на водной станции скутер и переодевшись, она побежала к взлетной площадке у Речного вокзала.

Скорее к деду, в Абрамцево. Он-то вооружит ее такими аргументами, что Никите придется отбросить всякие мысли о «вечной разлуке» из-за «парадокса времени».

## ДИКИЙ СПУТНИК

Бледная до неузнаваемости, Наталья Витальевна стояла на крыльце дачи.

Надя испуганно бросилась к ней.

— Что с бабушкой?

— В забытии. Вызвали врача. Спасибо Константину Петровичу, он доставил его прямо с заседания Звездного комитета. Дед ничего не должен знать.

— Что он не должен знать?

---

<sup>1</sup> Еще в глубокой древности говорилось, что «природа не терпит пустоты», и представления о том, чем пустота заполнена, сменяли друг друга: небесная твердь оказывалась то жидкой средой с вихрями звезд (по Декарту), то, наконец, даже мировым эфиром, одновременно и сверхтвердым и сверхпроницаемым. Последняя гипотеза была поставлена под сомнение после опыта Майкельсона — Морли, доказавшего, что при движении Земли эфирного ветра нет; это послужило толчком для создания теории относительности с ее постулатом о предельной скорости света. И только после появления теории фундаментального поля ленинградского физика И. Л. Герловича (Протоdjаконов М. М. и Герлович И. Л. «Физические свойства кристаллов». М., «Наука», 1975) стало ясно, что вакуум материален, а физические свойства его квантов не проявляются потому, что те состоят из соединившихся частиц вещества и антивещества (протон — антипротон или электрон — позитрон), взаимно компенсирующих характеристики друг друга, но возбуждающихся и передающих это возбуждение в результате электромагнитного излучения. Эти представления, подтвержденные и другим видным физиком Судерманом, поставили задачу использования энергии возбужденных квантов вакуума и даже более — энергию связи самих элементарных частиц, состоящих, по Герловичу, из кольцевых электрических образований. Однако эта энергия связи, которую мыслилось высвободить с помощью резонанса, оказалась столь колоссальной, что использовать ее допускалось лишь в космосе для обеспечения звездолетов, получающих ее в пути из вакуума, отталкиваясь от него, как от материальной среды, без выбрасывания требуемых при реактивном движении огромных масс вещества.

— В космосе творится такое... Пусть Константин Петрович объяснит. Твой Никита вместе с Берсжным там... спасают...

— Мама! Что ты говоришь? Никита в опасности?

— И он там, и мы здесь... все в одном положении!

— Какая опасность? О чем речь? Ничего не понимаю. Я должна знать! — произнесла вышедшая из дома на крыльцо подруга Нади Кассиопея Звездина — по-южному яркая, смуглая девушка со смоляными волосами и большими серьгами в ушах. Она крепко держала под руку Бурунова, словно боясь отпустить его.

Вернувшись в дом, они остановились перед видеостереозкраном. Он походил на проем в стене. Казалось, что в соседней комнате, не отгороженной даже стеклом, находятся люди. Один из них — коротко стриженный, в очках с тяжелой оправой — говорил:

— Как уже сообщалось, спасатели Бережной и Вязов на своем космолане приступили к переводу блуждающего спутника на безопасную орбиту. Еще три космолана с другими спасателями вышли в космос с той же целью. Энергоблок звездолета «Крылов», несмотря на неизбежную отсрочку его вылета, выводят из резонансного режима получения внутривакуумной энергии.

— Резонанс в космосе? Это ведь не концертный зал! — реагировала на сообщение Кассиопея.

Бурунов только покачал головой:

— Вижу, вам, Кассиопея, неведомы тайны внутривакуумной энергии. А вам, Надя?

— Мне Вязов обо всем рассказывал. Лучше, чем в университете.

— В таком случае пусть Бурунов мне все объяснит. Ведь он профессор, а не штурман, — потребовала Кассиопея.

— Я готов, — поклонился молодой профессор. — Судя по сообщению, Земле действительно грозит серьезная опасность, — начал он. — Освобожденная энергия вакуума невообразимо велика и превосходит все известные виды энергии! Если костер сравнить с теплоэнергетикой, а лесной пожар с атомной энергией, то внутривакуумную энергию надо сравнивать с пылающим Солнцем. Потому использование ее допускается лишь для звездных рейсов на безопасном расстоянии от Земли и только при условии надежного регулирования процесса резонансного разрушения квантов вакуума. Если выделение энергии станет бесконтрольным, то на месте столкновения модуля звездолета с блуждающим спутником вспыхнет как бы сверхновая звезда, правда, масса ее не превзойдет массу земного шара.

— Который превратится в перегретую плазму, — горько добавила Надя, теребя свою косу.

— Ну, знаете ли! — возмутилась Кассиопея. — Если Сократ к концу жизни понял, что ничего не знает, то я его уже превзошла в этом!

— Нет, почему же? — вмешалась Наталья Витальевна. — Поняли же люди, что бездумно пользоваться внутриядерной энергией недопустимо. Надо только перенести это понимание на вакуумную энергию.

— Опасность велика, хотя маловероятно, чтобы модуль звезд-



долета и блуждающий спутник одновременно оказались в точке пересечения их орбит. Однако это возможно. Думаю, Бережному и Вязову не составит труда перевести космическое тело на безопасную орбиту, исключив его столкновение с модулем.

— Вижу! Вижу Дикий спутник в иллюминатор, — крикнул Вязов, взлетая при этом к самому потолку, где он ухватился рукой за поручень. В другой руке Никита держал электронный бинокль, приближающий далекие предметы почти вплотную.

— Через иллюминатор видишь или его иллюминаторы заметил? — спросил Бережной.

— Иллюминаторы пока не видно. Может, не тот бок?

— Не тот бок! Не тот бок! — проворчал Бережной. — А может, вовсе не бок, а спинка космической рыбки?

— Не знаю, как там с рыбьей спинкой, но звезда эта вроде бы с хвостом.

— Как с хвостом?

— Посмотрите сами, — и Вязов протянул командиру бинокль.

— Э! — воскликнул тот. — И впрямь рыбка в космосе. Что ж, собирайся на «рыбалку». Надевай скафандр и не забудь взять с собой линь вместо лески. Может быть, спиннинг понадобится?

— Да я вроде с гарпуном, — Вязов поднял, как перышко, тяжелый в земных условиях крюк и погрозил им кому-то.

— Добре. Для закрепления крюка захвати с собой электроэрозионный резак, заодно от Дикого спутника возьмешь пробу на память.

— Да уж помнить будем, — заверил Вязов.

Вязов не раз выходил в открытый космос и радовался, испытывая приятное ощущение свободного парения над земным шаром. И хотя такие выходы должны были стать для него будничными, они все равно давали ему сознание собственного могущества и победы над оковами земного тяготения.

Земной шар, который Вязов только что видел через иллюминатор, теперь можно было, не поворачивая головы, окинуть взглядом от одного его выпуклого и освещенного солнцем края до другого, затененного. Он походил бы на гигантский глобус, правда, без параллелей и меридианов, если бы пятна материков и морей не были такими «неглобусными», неземными, чужеродными. Местами эти пятна закручивались «спиральными туманностями» или разрывались проемами, через которые выглядывали настоящие земные континенты и океаны.

Крестник Джона Бигбю — осколок неведомого взрыва издали и впрямь походил на диковинное создание морских глубин, за туловищем которого тянулся прозрачный шлейф, золотистый из-за просвечивающих через него звезд.

Скафандр чуть вздрогнул, но космонавт не ощутил бы движения, если бы Дикий спутник не стал заметно увеличиваться в размерах, надвигаясь на него.

— Как заарканишь нашу вуалехвостку, — слышался в шлеме Вязова голос Бережного, — линь надежней закрепи.

— Не беспокойтесь, командир. Крючки закреплю под самые жабы.

— Не сорвалась бы!

— Так я ее не просто крючком поддену, а морским узлом линь завяжу. Еще одним взрывом не оторвешь. Только поднырнуть под «луну» придется. С той стороны, может быть, что и увижу, кроме гладкой стенки, как с этой.

— То, что стенка гладкая, тоже дорогого стоит.

— Есть! Вижу подходящее местечко. Выступ, а возле него выбоина, словно из нее кусок вышибли.

— Вышибли! Я посмотрю, как ты «пробу» вышибешь. Ангелы небесные здесь с кувалдами, что ли, летают!

Вязов проплыл под космической громадиной и оказался с другой ее стороны. Она выглядела совершенно темной — в вакууме ведь нет рассеянного света. И Вязов ничего не мог рассмотреть с внутренней стороны стенки, которая все-таки была вогнутой, в то время как с освещенной стороны — выпуклой!

Так что никаких деталей искусственного происхождения на темной части обломка Вязов просто не мог увидеть. Впрочем, их могло здесь и не быть! Кто знает, какую роль выполняла эта часть гипотетического звездолета, если верить, что осколок принадлежал ему?

Оставалось только скорее закрепить линь и взять «пробу».

Легкое прикосновение крюка вызвало, к удивлению Вязова, сноп искр. Но едва он включил резак, случилось что-то невероятное, похожее на электрическое замыкание. Дикий спутник содрогнулся, тряхнув скафандр Вязова. Затененная часть обломка осветилась пламенем, вырвавшимся из скрытых в нем дюз.

Вязов с замиранием сердца понял, что случайно включил дремавшие сотню лет реактивные двигатели (скорее всего рулевые) погибшего чужепланетного звездолета.

— Эй, Никита! Ты понимаешь, что делаешь? Зачем запустил двигатель своего скафандра? Прешь прямо на модуль звездолета!

— Это не мой двигатель, — доложил Вязов, — неизвестно отчего заработали двигатели звездолета.

— Эх, растяпа! Теперь никакой буксир не поможет. С Земли уже тревогу бьют, им все видно. Тоже «спасатели»! — гремел в шлеме Вязова гневный голос Бережного.

— Отсюда их не выключить, — имея в виду заработавшие двигатели, сказал Вязов.

— Сам вижу. Нестерова помнишь?

— Летчика? Еще бы!

— Иду, как он, на таран. Держись, Никита!

Бережной видел в передний иллюминатор, как надвигается на него Дикий спутник. Он успел развернуть космоплан, поставив его на пути космического пришельца.

Удар получился страшным. Эластичный пластиковый скафандр вместе с Бережным вырвало из кресла у пульта. Пробив переборку, он ударился о стенку кабины, прогнув ее так, что она дала трещины. Бережной потерял сознание...

Вязов, находившийся с противоположной стороны от ожившего обломка чужепланетного звездолета, тоже ощутил удар во всей его силе, чуть смягченный только пластиковым скафандром, и тоже потерял сознание.

## ИНФРАКРАСНЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

Когда Вязов пришел в себя, его тело ныло от ушибов. Голову после удара саднило, в глазах застыла какая-то мутная пелена, словно передняя стенка шлема потеряла прозрачность.

— Командир! — крикнул Вязов. — Георгий Трофимович! Ты жив?

Вязову только казалось, что он крикнул. На самом деле ему удалось издать несколько беспомощных звуков, но и они не попали в эфир из-за того, что вышла из строя радиоустановка скафандра.

Вскоре Вязов понял это. В горле першило, хотелось сплюнуть, но... некуда. В шлемофоне — ни звука: очевидно, сорвало антенну. Космическое безмолвие жило отдельно от шума и звона в ушах Вязова.

В глазах чуть прояснилось. Лобовое стекло шлема все-таки уцелело. Но где же это проклятое рулевое крыло инопланетного корабля? Что с космолетом? С Бережным? Превозмогая боль в теле, Вязов постарался развернуться, чтобы увидеть обломок с космолетом или модуль звездолета «Крылов».

Но не увидел ничего, кроме ярких немигающих звезд и ослепительного, в короне языков солища. И тут вдруг Вязов понял, что отброшен далеко от ожившего инопланетного обломка, от космолета Бережного, от модуля звездолета, что летит над Землей по круговой орбите и что крохотную точку — неметаллический скафандр, в котором-то и дюзы керамические, не обнаружить никакими локаторами ни с Земли, ни из космоса!

Кислорода осталось на считанные часы. Вязов успеет только несколько раз облететь вокруг Земли. Включить двигатели? Но куда лететь? Здесь не повернешь, как в воздухе рулем! Увеличение скорости изменит лишь орбиту, на которую вынесет скафандр, и ничуть не приблизит его к модулю звездолета или резервным космолетам, вылетающим вслед за космолетом Бережного. При этом в реактивных двигателях будет расходоваться кислород, а запасы его для двигателей и дыхания в скафандре общие. Любая попытка использовать двигатели только сократит ему жизнь.

Можно попытаться продержаться подольше, рассчитывая на то, что его поймут в прицел радиолокаторы, хотя шансов обнаружить с Земли затерявшийся в космосе пластиковый скафандр почти нет.

И в том и в другом случае положение Вязова выглядело безнадёжным.

Весь мир после того, как опасность столкновения в околоземном пространстве с Диким спутником миновала, был потрясен новой сенсацией.

Все началось опять с Мальбарской радиообсерватории при Кембриджском университете в Англии, где еще в прошлом столетии, в июле 1957 года студенткой Джосиан Белл и профессором Хьюшем были отмечены упорядоченные радиоимпульсы, даже принятые сначала за сигналы «маленьких зеленых чело-



вечков». Тогда они задержали на полгода осторожных английских ученых с публикацией сообщения, приведшего к открытию «пульсаров». Теперь к профессору Джорджу Хьюшу-младшему, занявшему место своего прадеда в радиообсерватории, вошла его супруга Джосиан Белл, которая была правнучкой той студентки, открывшей пульсары, и уже по семейной традиции подписывала свои научные труды именем прабабки, хотя формально и считалась миссис Джордж Хьюш по мужу, и обратилась к нему со следующими словами:

— Боюсь, почтенный профессор, я отвлеку вас от важных размышлений, но наша дочь Мэри, снимая показания самописцев большого радиотелескопа в инфракрасном диапазоне, обнаружила весьма странное послание из космоса, совсем не похожее на пульсар, открытый в прошлом столетии здесь, у нас же. Оно действительно очень напоминает разумный сигнал.

— Что? Опять «маленькие зеленые человечки»? — проворчал профессор Джордж Хьюш. — Право, уважаемая коллега, вам следовало бы избавиться от столь романтических наклонностей. Наука, подлинная наука должна быть критична и недоверчива ко всяким сенсационным сигналам «маленьких зеленых человечков». Извольте найти подобным сообщениям более естественные объяснения.

— И все-таки, уважаемый профессор Хьюш, у меня есть основания считать эту передачу из космоса делом рук разумного существа, хотя повтора ее не последовало. Впрочем, повторение давних сигналов и привело к заключению о существовании пульсаров именно потому, что сигналы соответствовали параметрам нейтронных звезд. Наш случай уникален, и я настоятельно советую вам уделить ему большее внимание, чем то, с которым вы относитесь к любым новым сообщениям. Нельзя считать строго научными поиски только естественных причин обнаруженных явлений, как вы только что рекомендовали, словно существование разума у вас, у меня или у инопланетных существ противоречит природе.

Супруги, несомненно, рассорились бы, что с ними случалось достаточно часто, если бы не их дочь Мэри, которая ворвалась в кабинет и с присущей молодости бесцеремонностью заявила:

— Я не знаю, к каким выводам пришли высокие научные авторитеты, но я сочла нужным вызвать корреспондентов лондонских газет для экстренного сообщения о своем открытии.

— Вы сошли с ума, Мэри, это настоящая профанация! — запротестовал возмущенный профессор Хьюш.

Но миссис Белл встала на сторону дочери. И, поскольку во всех семейных сражениях победа доставалась миссис Белл, вопрос в конце концов был решен в пользу Мэри.

Словом, в Мальбарской радиообсерватории при Кембриджском университете давняя ситуация не повторилась, и сообщение без задержки разнеслось по всему свету.

Стихийно возникший в Лондоне под председательством бойкой Мэри Белл-Хьюш комитет связи с «инфракрасными человечками», как с английским юмором называли предполагаемых авторов космического послания, обратился ко всем ученым мира с просьбой помочь в расшифровке загадочных сигналов.

В разных странах компьютеры были запрограммированы на расшифровку космического «ребуса».

Через день компьютеры сделали вывод, что «сообщение основано на двоичной системе и состоит из сгруппированных символов, из которых группы вторая и последняя, а также третья и предпоследняя идентичны».

Однако дальше этого дело пока не продвинулось.

## НАДЕЖДА

Компьютеры не были запрограммированы на интуитивное решение загадки.

Но два московских мальчика, школьники-радиолюбители, Саша Кузнецов и Витя Стрелецкий (кстати, едва не утонувшие после падения у Ленинских гор «московского метеорита», угодившего в реку), повторяя азы старинной радиотехники, обратили внимание на то, что принятые в инфракрасном диапазоне сигналы напоминают давно забытую после появления компьютерного радиотелеграфа азбуку Морзе. Если обратиться к ней, то можно прочесть космическое послание как русское слово «Надежда».

Это детское сообщение было принято с недоверием. Кто мог из космоса передавать в тепловом диапазоне русское слово, да еще по условной азбуке «допотопного» телеграфа?

Профессор Хьюш и другие скептики не хотели и слышать об этом, уверяя, что берутся при помощи забытых алфавитов прочесть заданное им слово не только по звездам, но и по огням ночного города!

Однако иначе отнеслись к вспыхнувшему спору между скептиками и романтиками науки во Всемирном Звездном комитете, который более суток тщетно разыскивал затерявшегося в космосе русского астронавта Вязова-Джандарканова.

При всей невероятности передачи в инфракрасном диапазоне русского слова «Надежда» оставалось неясным, как мог сделать это Вязов, если послание исходило от него.

Несмотря на это, Звездный комитет принял энергичные меры. Полученные по его запросу данные от профессоров Хьюша и Белл были сообщены пилотам находящихся в космосе кораблей.

Когда Никита Вязов включил реактивные двигатели, им руководило вовсе не отчаяние, а вполне обдуманная мысль. Как человек действия, он не мог сделать иного выбора.

Никита рассчитывал на то, что земные радиотелескопы, непрерывно исследуя небосвод в разных диапазонах волн, включая инфракрасные, заметят на околоземной орбите вспышки пламени реактивных дюз и расшифруют его послание. Ему помогло и воспоминание о полярниках, унесенных на льдине в океан. Они воспользовались мотком проволоки, который растягивали и сматывали по коду азбуки Морзе, и этот сигнал был принят радиолокаторами.

У Вязова не было проволоки или какого-либо металлического предмета, который отразился бы на экранах локаторов, но вы-

звать хотя бы один раз тепловую вспышку он мог, правда, уже не повторяя своего сообщения и перейдя на дыхание с задержкой. Двадцать секунд — замедленный вдох, снова задержка дыхания и двадцатисекундный выдох. Но и это было слишком частым дыханием. Нужно было еще растянуть его, как это умеют делать йоги.

Расчет Вязова оправдался: резервные космолеты по данным английских радиоастрономов все-таки отыскивали в необозримых просторах блуждающий на околоземной орбите пластиковый скафандр.

Еще не оправившись от пережитого им потрясения, Никита потребовал, чтобы его доставили к Дикому спутнику, продолжавшему свой путь вместе с остатками таранившего его космолета Бережного.

С Земли Вязову разрешили вновь выйти в открытый космос. Когда ему меняли скафандр, он постарался не выдать боли, которую испытывал при этом от полученных в столкновении ушибов.

На этот раз Никита сразу вышел к вогнутой стороне, которая теперь из-за разворота обломка звездолета после тарана была немного освещена, так что Вязов мог осмотреть чужепланетную технику с рулевыми реактивными двигателями.

Двигатели после тарана заглохли, но они, видимо, включались раньше при попадании метеорита в отсек управления и перевели Дикий спутник на другую орбиту. Вязов облетел вокруг обломка, изучил его, нашел пульт, которого так неосторожно коснулся. Он и теперь взял «пробу» именно здесь...

Все закончилось благополучно, и он вернулся на космоплан спасателей с трофеем, право получить который хотел непременно оставить за собой.

Девушка сидела над рекой, как мраморное изваяние, не сводя глаз с воды. И вот на поверхности появились сначала пузырьки, а вслед за ними показался и сам аквалангист — высокий, мускулистый, поджарый. Он снял маску и сел рядом с Надей, вертя в руках какой-то камень.

Девушка, сразу оживившись, радостно сказала:

— Все-таки нашел! — И в голосе ее звучала гордость за друга.

— Не мог не найти. Метеоритчики искали обычный метеорит, каменный или железо-никелевый, а я-то знал, что метеорит был двойным, потому и представлял, что надо найти!

Надя взяла в руку находку, прикидывая ее вес.

— И такой кусок мог отнять тебя у меня?

Они сели рядом на песок, рассматривая камень.

— А из чего он? Серебро, платина или какой-то сплав?

— Я, пожалуй, возьмусь точно назвать его состав. Это сплав редкоземельных элементов удивительной даже для нашего времени чистоты: церия — 67,2 процента (без трудно отделимой от него примеси металлов лантановой группы) — 10,9 процента, неодима — 8,7 процента, железа вместе с марганцем — 0,4 процента, причем без обязательных для земных условий окислов железа, как если бы сплав получался не в богатой кислородом

атмосфере. Следы урана без продуктов его распада говорят, что образцу не более 100 000 лет, но по торию и продуктам его распада можно определить возраст находки в сто семьдесят лет.

— Никита! Ты говоришь так, словно у тебя есть точнейшие аналитические приборы.

— Просто я знаю состав второго обломка Дикого спутника, обломок был отбит от него случайным метеоритом и вместе с ним упал в Москву-реку.

— А-а! Вот они где, голубчики мои, воркуют, — слышался знакомый Вязову голос. — Дивно дило!

Никита с улыбкой вскочил навстречу Бережному.

— Георгий Трофимович! Как же вас из госпиталя выпустили? После реанимации?

— Клиническая смерть — еще не конец. Меня не первого с того света вызволили. Черепную коробку шлем спас, а переломы вылечить — это для института имени Илизарова легче легкого. Конечности заново выращивают, не то что у меня. Соединяют по методу старого волшебника кость металлическими кольцами и заставляют ее зарастать на ходу. Вот поглядите, в каких «кандалах» медики выпускают нас гулять. Вы извините, — обратился он к Наде, здороваясь с ней и чуть приподнимая штанину, чтобы показать несложный аппарат из двух колец и винтов. — Вот, так и вернули меня к жизни. Чтобы мог сам важную находку сделать, не все тебе, Никита, ими хвастаться. Потому я, вместо того, чтобы лежать в палате, как в старину, подготовил для вас сюрприз!

— А у меня есть такая же старая тетрадь. Я ею уже не раз пользовался.

— Может, тебе пригодится и эта старенькая, как твоя тетрадка, газетка «Социалистическая индустрия» от 27 января 1985 года! Старина-то какая, но и для нас новости есть! Прочитайте-ка статью «Удивительная находка!» По составу — прямо проба Дикого спутника!

— Так ведь Никита тоже нашел...

— Да ну! — обрадовался Бережной. — А ну-ка покажи... Тогда сравнить надобно.

Он сел рядом с молодыми людьми, разглядывая остроугольный серебристый кусок. А Надя с Никитой читали старую пожелтевшую газету в пластмассовой пленке.

## УДИВИТЕЛЬНАЯ НАХОДКА

У костра на берегу сидели трое.

На севере в июле вечера стоят светлые — зори догорают медленно. И вода в реке Вашке у поселка Ертом казалась тихой, почти озерной.

Коренастый седой человек, встав на коленки, помешивал деревянной ложкой похлебку в котелке над огнем и степенно говорил:

— Вот наловим рыбки, завтра воскресную уху сварим, а нынче из консервов сойдет. На фронте их уважали. Я и у партизан варил, даром что сапер. А еще раньше так самого Леонида

Алексеевича Кулика потчевал, когда с ним за тунгусским метеоритом в тайгу ходил.

— Вы, дядя Крылов, за тунгусским метеоритом ходили? Это правда, что искали, да не нашли?

— А ты почему знаешь?

— Я всю информацию о тунгусском метеорите знаю. Что было можно, прочитал.

— Прочитал, прочитал! Читальщик прилежный, — проворчал старик. — Еще как искали. Я, Сережка, тогда вроде тебя мальцом был. В армию, как и ты, собирался. Нынче 1976 год идет. Почитай, полвека откинуть надо. Сынишка мой, Генка, через десять лет родился. Теперь в офицерах под Семипалатинском лямку тянет. А тогда, слышишь, в тайге в том месте леса не осталось. Повален весь был. Как будто ураган сверху налетел. Посередке деревьев, как телеграфные столбы, торчат. Только ветки с них как сдуло. А чуть подальше — сплошной лесоповал. Лиственницы лежат и корнями в одно место показывают, на болото лесное. Сначала думали, метеорит туда упал, пробил мерзлоту и остался в глубине.

— Знаю. Вы слой вечной мерзлоты пробурили, а из скважины фонтан воды вырвался. Значит, слой мерзлоты не был поврежден, и под ним ничего не оказалось.

— Ишь как шпарит! Будто сам там был!

— А чего там делать? — вступил в разговор третий рыбак, сплевывая в костер. — Пни горелые разглядывать, что ли?

— Говорят тебе, не пни, а стволы вывороченные упали, как солдатики после взрыва самолетной фугаски. Ну, ладно, берните ложки, рыбаки! Поспела похлебка.

Не торопясь, зачерпывая деревянными ложками, рыбаки опорожнили котелок.

Короткая летняя ночь спустилась на реку, блеск воды угас, отражения на ней пропали, запахло сыростью. Костер тлел и дымил, отгоняя комаров. Улеглись все под ветром, спасаясь от гнуса.

Наутро Иван Кузьмич Крылов с Сережкой Зерновым вышли в лодке на середину реки, а Федор Бурунов остался один, спросонья зло пиная камни на берегу. Наконец он нагнулся и поднял с земли какой-то металлический предмет, серебристый с виду, тяжелый, величиной с кулак, и крикнул Ивану Кузьмичу:

— Ну чего, дядя Крылов, тракторы твои тут не видели? Разваливаются они у тебя на ходу.

— А ну покажь! — крикнул Крылов с лодки.

Но Федор уже принялся отбивать своей железкой от большого камня грузило. К величайшему его удивлению, из-под железки брызнул такой сноп белых искр, какого он в жизни не видел. Даже Крылов с лодки заметил это.

— Эй, Федька, чего зря балуешься? — крикнул старик.

— Это ты со своим сосунком балуешься, а я грузило себе отбиваю.

Он ударил по камню еще и еще раз. И снова посыпались ослепительные снопы искр.

— Чудно! — произнес старик и стал подгребать к берегу.

Сережка первым выскочил из лодки и подбежал к Федору.

— Это что же такое?

— Да вот, железка какая-то тут валялась. Споткнулся я об нее.

— Может, самородок какой! Геологам бы показать!

— Я те покажу! — пригрозил Федор. — Не ты нашел. И молчи в тряпочку.

Иван Кузьмич подошел и, решительно взяв у Федора найденный обломок, стал его рассматривать.

— Какой же это самородок? — начал он. — Понимать надо. Углы острые. Грани, значит. Видно, отломан от чего-то. А вот от чего, не пойму. То ли от кольца, то ли от трубы. Метр с гаком будет. Должно быть, с самолета свалилось. У нас тут и машин с метровыми трубами или кольцами нет, чтобы могли потерять такую деталь.

— С самолета или со спутника, — подсказал Сережка.

— А ты не вякай! Тебя не спрашивают, — огрызнулся Федор. — Моя железка-то.

— А зачем она вам? — наивно спросил Сережа.

— Зажигалки делать. Особенности. Знаешь, как пойдут!

Настоящего клева не было. Рыбы на уху едва хватило. Так домой в поселок с железякой одной и явились. Зато речным туманом вдоволь надышались, да и комаров покормили на славу. Им ухи не требуется.

Иван Кузьмич потом так рассказывал:

«В поселке у базы геологов Коми филиала Академии наук мужики галдят. И среди них одна баба, приезжая, в штанах, а коса на голове вроде венка закручена. Сережка, окаянный, не спросясь, к геологу шаст и про находку рассказывает. Тут геолог-мужик и баба с ним к Федыке Бурунову направляются. Так и так, мол, давай покажь.

Бурунов свое:

— Моя вещь, не отдам, зажигалки делать буду.

— Да зачем вам зажигалки? Если камень стоящий, я зажигалку свою отдам — японскую, с пьезокристаллом, вечную.

Федыка Бурунов заинтересовался, почему такая в Москве идет.

— Да ее там и за деньги не купить, — сказал геолог и зажигалку вынул. Видная она, кажется, и впрямь заморская. Чуть надавил — огонь вспыхивает, чиркать не надо.

Показал Бурунов железяку. Очень она их удивила, но виду они не показывают, темнят. Бурунов даже забеспокоился, не передумали бы. А геологи все переглядываются друг с другом. И тут Федор не выдержал, спросил фистулою:

— Махнем? Али как?

Сделка состоялась. Серебристая находка перешла в руки геологов. Но о ней еще долго судачили в поселке Ертом, спрашивая и Ивана Кузьмича, и Федора Бурунова, и Сережку Зернова. Впрочем, Сережка вскоре ушел в армию.

Прошли годы. Сергей Зернов вернулся из армии и поступил в Московский институт стали и сплавов, закончил его и стал

работать сменным инженером на столичном заводе «Серп и молот».

В 1986 году он получил из Ертома письмо от Ивана Кузьмича Крылова. Старик напоминал о вашкской находке и просил Сережку узнать в столице судьбу «железяки», найденной на берегу Вашки. Геологи из института Коми филиала Академии наук сказали ему, будто еще тогда отослали диковинку в Москву.

На Сергея нахлынули воспоминания, снова пахнуло лесным ароматом, предутренней речной свежестью, дымком костра; перед глазами, словно наяву, возник поселок с деревянными домиками.

И он начал поиск. Один только перечень солидных учреждений, занявшихся исследованием ертомской находки, должен был говорить сам за себя.

Сергей Алексеевич побывал в своей «альма матер» — Московском институте стали и сплавов, повидался с заведующим одной из кафедр, своим любимым профессором, который и помог ему найти все три куса распиленного обломка.

В Институте ядерной геофизики и геохимии исследованием находки занимались в лаборатории Валентина Николаевича Миллера. Сам заведующий лабораторией, встретившись с Зерновым, сказал:

— Зная, Сергей Алексеевич, где и кем вы работаете, хочу сообщить вам, что при исследовании этого удивительного образца мы применяли самые тончайшие и современные прецизионные методы.

— Из чего же состояла наша «железяка»?

— Железяка, вы сказали? — усмехнулся ученый. — Должен вам сказать, что железа в ней обнаружено чуть-чуть десятых процента, но при этом окислов железа, непременно сопутствующих железу во всех земных сплавах и породах, в образце не оказалось: словом, очень похоже на то, что он неземного происхождения.

— Я еще и тогда подумал о космическом спутнике.

— О спутнике ли? — покачал головой Миллер. — Дело в том, что образец состоит из редкоземельных металлов. Поражает чистота этих редкоземельных составляющих.

Посетил Сергей Зернов еще и научно-исследовательский институт геохимии и аналитической химии имени В. И. Вернадского, где ему сообщили, что вкрапления урана без всяких следов его распада в образце говорят за то, что ему не больше 100 000 лет! Это почему-то разочаровало Зернова. Но в Институте физических проблем имени С. И. Вавилова несколько прояснили вопрос о возрасте находки. По наличию в нем тория и следов его распада можно было с уверенностью утверждать, что ему не меньше 30 и не больше 100 000 лет.

У Сергея Алексеевича зрела гипотеза, и определение возраста образца в несколько десятков лет устраивало его больше.

Он задал Валентину Николаевичу Миллеру вопрос о том, может ли этот образец быть метеоритом, и получил ответ:

— Форма обломка с острыми краями и четкими плоскостями на изломе не совпадает с формой метеоритов. Редкие земли в них встречаются так же редко, как и на Земле, и отнюдь не в



чистом виде. И наконец, теоретически метеоритов только редко-земельного состава существовать не может.

Разговор коснулся любимой темы Зернова — тунгусского метеорита. Версию о метеоритном происхождении космического гостя опровергала такая ошеломляющая подробность: в слоях торфа, относящихся к 1908 году, было обнаружено повышенное содержание редких земель, а в годичных кольцах деревьев того же года церия и лантана оказалось в 600 раз больше, чем в любом месте на Земле. Осев на почву, редкие элементы попали в древесину вместе с соками.

То, что находка не была метеоритом, Зернову стало совершенно ясно. Но родственность внутреннего строения взорвавшегося над Тунгусской тайгой тела и выпавшего на берег Вашки куса позволяла разыграться фантазии.

Сергей Алексеевич прекрасно знал, что, кроме появления гипотезы о взрыве инопланетного космического корабля над Тунгусской тайгой, для объяснения загадки было выдвинуто чуть ли не сто гипотез. Особенно популярными считались утверждения, что это все-таки был метеорит, рикошетом отлетевший совсем в другое место, и выдвинутая еще Астаповичем в тридцатых годах гипотеза о взрыве над тайгой ледяной кометы. Нельзя не вспомнить попытки академика Петрова объяснить взрыв мощностью в десятки водородных бомб вторжением в атмосферу снежного облака плотностью в сто раз меньшей, чем вода, хотя возможность прохождения такого облака через атмосферу более чем сомнительна. Выдвигались и смехотворные предположения о том, будто в тайге тогда пробудился грязевой вулкан или в воздухе произошел газовый взрыв, как в несчастном американском челноке «Челенджер». Ни одна из этих гипотез не объясняла всех аномалий тунгусской катастрофы.

В 1983 году на юбилейном заседании комиссии по метеоритам Сибирского отделения Академии наук СССР в Красноярске по случаю 75-летия падения тела ученые пришли к выводу, что все существующие гипотезы не объясняют отмеченной очевидцами петлеобразности траектории упавшего тела, радиоактивности деревьев и мхов, мутаций растений и насекомых, а также лучевого ожога, полученного людьми, находившимися на расстоянии почти в сто километров, что объяснялось бы только температурой в десятки миллионов градусов в точке взрыва. Такую оценку состояния вопроса об изучении тунгусского взрыва дал и академик Н. Васильев на заседании президиума Сибирского отделения Академии наук СССР в 1986 году, подводя итоги многолетних исследований района тунгусской катастрофы, проводимых группой ученых под его руководством.

Всех этих подробностей Зернов сообщать деду Крылову не стал, а написал только, что «вашкскую железяку» во второй раз он нашел и о ней есть что рассказать, что специально для того приедет в отпуск с семьей в Ертом погостить и с дедом увидеться.

Так и произошло. В августе 1986 года инженер Зернов Сергей Алексеевич с женой Софьей и сынишкой Гришей (отцом ставшего знаменитым сто лет спустя академика Зернова) приехал в Ертом к старикам родителям.

У деда Кузьмича как раз гостил в отпуске сын-офицер Генна-

дий Иванович Крылов. Дед Крылов обрадовался, узнав о приезде Сережки Зернова. Несмотря на свои восемьдесят с лишним лет, старик затеял ехать на рыбалку.

— Там мне про «железяку» нашу и расскажешь, — объявил он.

Федора Бурунова в Ертоме давно не было. Он переехал в город, женился, детей завел. Говорят, жена из него человека сделала. О прошлом, да и о «находке» своей Федор, должно быть, не вспоминал.

И опять у костра на берегу Вашки сидели трое. И опять дед, встав на коленки, помешивал в котелке вечернюю уху.

— Вот, Генка, — он повернулся к сыну. — На этом самом месте мы и нашли «железяку». Федор нашел, был тут один такой непутевый. Ты там в своей математике теоремы разные отыскиваешь, а мы... Федор, значит, у нас на глазах такую диковинку нашел, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Так или нет, Сережка, говори?

— Вам, Иван Кузьмич, особенно интересно будет, потому что вы еще с Куликом тунгусский метеорит искали, а вашкская находка к нему отношение имеет.

— Тунгусский метеорит! — оживился Геннадий Иванович. — Так это вроде Великой теоремы Ферма. Никак не докажешь!

— С уверенностью пока ничего сказать нельзя, но рабочая гипотеза право на существование имеет. Из Сибирского отделения Академии наук СССР мне написали, что, если продолжить по карте линию полета тунгусского тела, то она пройдет как раз через эпицентр катастрофы и через Ертом.

— Вот это да! — восхитился дед Крылов. — Железяка вроде сродни будет тунгусскому метеориту? Мы там ни кусочка не нашли, а он тутотка лежал, на берегу Вашки нашей.

— Не вы одни там искали. Даже Сергей Павлович Королев, академик, отец нашей космонавтики, свою экспедицию туда послал, чтобы ему кусок инопланетного корабля нашли.

— К нам, в Ертом, надо было ему пожаловать. Мы бы приняли с почетом.

— Кто ж знал, что вашкская находка и тунгусский метеорит вроде сродни, — продолжал Зернов. — Это я теперь удивляюсь, когда, узнав про следы того, что там взорвалось, услышал еще, что с вашкской диковинкой связь есть.

— Кака така связь? — всерьез забеспокоился дед.

— Железяка-то ваша не железякой оказалась, а сплавом редкоземельных элементов, в чистом виде на Земле не встречающихся. И получить этот сплав в земных условиях невозможно, нужны идеально чистые редкоземельные порошки и давление в сотни тысяч атмосфер. У нас таких технологий нет.

— Так, может, в Америке или где еще? — настаивал дед.

— И в Америке нет. Ведь вы, Иван Кузьмич, сами говорили, что железяка выбита из кольца, цилиндра или из шара диаметром метр с лишним.

— Это верно, помню. Я, как саперским взглядом глянул, сразу определил. Если в столице к тому же пришли, знать, нет мне выхода в расход с годами. Вот так-то!

— Да, к этому и пришли специалисты. Только где же такую штуковину сделать могли?

— Стало быть, нам с неба «визитную карточку» преподнесли, на Вашкин берег сбросили, а мы и не раскумекали.

— В этом вся загадка. В этом и в том, как связать вашу находку с тунгусским взрывом.

— И с появлением десяти лун Джона Бигбю, разлетевшихся, как он определил, 18 декабря 1955 года, — вставил Геннадий Крылов.

— В день моего рождения, — обрадовался старик. — Вот это салют так салют!

— А вы, я вижу, следите за литературой.

— Мое хобби — математика, но я люблю все удивительное. Особенно когда оно рядом.

— Ежели человеку нечему удивляться, ему и жить скучно, — заключил дед.

## ЛУННЫЙ СВЕТ

Кассиопея осталась ночевать у Нади в ее «светелке» со скошенным под самой крышей потолком. Из открытого окна в комнату лился завораживающий лунный свет.

Надя легла в постель, а Кассиопея подошла к окну, глядя вниз на обрыв глубокого оврага, начинающегося у самой стены дачи.

— Смотришь, как с одиннадцатого этажа, — сказала она. — Даже жуть берет.

Надя не ответила.

Кассиопея распустила черные волосы, сняла свои цыганские серьги и села у окна, подперев рукой лицо.

Деревья были залиты платиновым светом и казались застывшими бурунами седого потока.

Снизу на нее пахнуло теплой свежестью ветерка.

— Голова кружится, а все-таки хочется, как Наташе Ростовой, пролететь над этими серебристыми купами деревьев. Жаль, крыльев нет.

Внезапно Надя выскочила из-под одеяла и в одной ночной сорочке подседа к подруге, прижавшись щекой к ее плечу.

— Звездочка, мне страшно, — проговорила она.

— Почему страшно? — удивилась Кассиопея. — Никто тебя не заставляет прыгать вниз.

— Нет! По-другому страшно! Я не хотела говорить, но... не могу. Я узнала ужасную вещь.

— Что с тобой, Наденька? Приснилось что-нибудь?

— Я не спала! Я думала! Ведь до старта звездолета осталось так мало времени! Ведь они покинут Землю навсегда!

— Лучше слушай своего деда или Константина Петровича. Они точно высчитали, когда твой штурман вернется из дальнего плавания.

— Он не вернется... при нас...

— Это почему же?

— Ты не поймешь, Звездочка! Это очень страшно! То, что я узнала.

Надя дрожала, озноб бил ее. Кассиопея крепче прижала подругу к себе, обняв одной рукой.

— Все дело в тех находках, которые сделал Никита и люди прошлого века на реке Вашке. Это у нас на севере. Там был найден обломок инженерной конструкции неземного происхождения, сделанный из сплава редкоземельных металлов.

— Ну и что в этом страшного? — спросила Кассиопея, глядя подружку по голове.

— Ты слышала когда-нибудь про атомные часы? Время там отмеряется количеством распавшихся радиоактивных элементов. Еще в прошлом веке таким способом научились измерять время с точностью до четырнадцатого знака. Почти в любом земном или космическом веществе есть радиоактивные элементы, по которым можно судить о его возрасте.

— Предпочитаю, чтобы мой возраст определялся иным способом: по внешнему виду, а позднее — по числу детей. Но у меня их не будет, сколько бы Бурунов ни просил.

— В вашкской находке в 1976 году обнаружили торий и по следам его распада установили возраст сплава редкоземельных элементов в десятки лет. А теперь, снова вернувшись к нему, более точным способом — в сто семьдесят лет. Это означает, что он был сделан в 1906 году. Это мне только вчера Никита сообщил, не подозревая, что сам произнес себе приговор!

— Какой приговор? Ничего не понимаю!

— Пойми, Звездочка! Все очень просто. Взрыв в Тунгусской тайге произошел в тысяча девятьсот восьмом году. После установления идентичности состава вашкской находки с отложениями редких элементов в годичных кольцах уцелевших в эпицентре взрыва деревьев сомнения в том, что тунгусское тело было инопланетным кораблем, исчезло. К тому же вашкский кусок был найден на точном продолжении траектории тунгусского тела: его отбросило во время взрыва в том же направлении, в котором летел перед гибелью космический корабль. Выходит, звездолет с другой планеты взорвался всего через два года после его сооружения.

— Ну и что?

— А то, что он не мог за эти два года преодолеть расстояние в десятки и сотни световых лет от других звезд с их обитаемыми планетами до Земли.

— Но ведь долетел же их звездолет! Константин Петрович говорит, что звездолет может развить любую скорость.

— Долетел, потому что достиг скорости света, когда по теории относительности время останавливается. Он, разогнавшись, мог преодолеть любое расстояние без затрат своего времени. Так следует из теории относительности, которая оказалась верной. И предел скорости, а главное, сокращение времени при скорости света существуют!

— А тебе-то что? Ты чего страшишься?

— Страшусь того, что Никита, вылетев на звездолете и достигнув скорости света, будет жить при остановившихся часах.

— Так что, они часы починить не смогут?

— Не часы остановятся, а время. У них на корабле этого не заметят. А для нас с тобой пройдут десятилетия. Я стану дряхлой старушкой. Он, потягиваясь после сна, только утреннюю разминку будет делать, и, когда закончит ее, меня уже похоронят... и тебя тоже... и всех нас...

— Это лунная ночь нагнала на тебя страхи. Ложись спать. Я лягу вместе с тобой, чтобы тебе не было страшно.

— Звездочка, милая, как ты не поймешь! Это же все правда! Я могу потерять Никиту, если завтра не оповещу весь мир о трагической ошибке современной науки, отказавшейся от предупреждений теории относительности. Звездный рейс надо отменить! Никита должен остаться со мной!

— Постой, постой! Как ты сказала? Сообщить всему миру о трагической ошибке ученых? Это каких же ученых? Твоего деда, академика Зернова, и его первого ученика, профессора Бурунова? Это уже меня вплотную касается! Ты понимаешь, что говоришь?

— Прекрасно понимаю. Потому я и в ужасе.

— Теперь и я готова ужаснуться. Скомпрометировать собственного деда, разоблачить моего Бурунова, лишит его профессорского звания, превратить в научное ничтожество! Нет, дорогая моя! Я этого не допущу.

— Как это не допустишь?

— А вот так!

Кассиопея вскочила, проворно забрала со стула всю Надину одежду,хватила ее туфли и выскочила за дверь, заперев ее снаружи на ключ. И через дверь крикнула:

— Из-за своей блажи ты готова и меня сделать несчастной! Не получится! Тигрицу лучше не трогать, когда дело касается ее детенышей, а Константин Петрович на них рассчитывает. Улетит твой Вязов, утешься с любым из твоих воздыхателей, которых у тебя не меньше, чем у меня. Вот так! — И каблук Кассиопеи застучали по жалобно заскрипевшим ступенькам.

Надя расплакалась. Она никак не ожидала такой выходки от лучшей подруги.

Если попробовать вырваться из закрытой комнаты, поднимется шум в доме, проснется больной дед, да и мама рассердится. Но ведь для того чтобы задержать звездный рейс, надо действовать немедленно!

Эта мысль поразила Надю. Действовать немедленно! Как жаль, что она не совершила свой подвиг зрелости и не получила браслет личной связи, а значит, не может вызвать Никиту! Ближайший аппарат связи, не считая дедушкиного, лишь на заброшенной железнодорожной платформе «55-й километр». Это не так уж далеко, но...

Надя полезла под кровать и достала заплечный футляр с любимым дельтапланом. Потом Надя, взобравшись на подоконник и держа в руках тонкую трапецию дельтаплана, нажала кнопку и словно выстрелила сложенным аппаратом в пустоту. Там, вверху, он раскрылся с легким звоном, как зонтик, натянув подвески трапеции.

Несколько секунд она, казалось, падала в овраг, но, подхваченная восходящим потоком «парного» воздуха, стала набирать высоту.

Выше, выше... По прямой от старой железнодорожной платформы, заброшенной после установления пригородного взлето-летного сообщения, не так уж далеко — километра три, не больше.

Надя долетела до Вори. Здесь воздушный поток снова под-

хватил ее и поднял над верхушками деревьев. Вот уже видна древняя насыпь железнодорожного полотна с блестящими в лунном свете полосками рельсов.

Надя приземлилась у самой платформы.

Сложив крылья дельтаплана, она поднялась по ступенькам и подбежала к будке с аппаратом связи.

Хорошо, что плата за пользование им давно отменена. Ведь в ночной сорочке у Нади не было ни крупных, ни мелких монет!

Никита Вязов, разбуженный неожиданным звонком Нади, был поражен ее требованием немедленно лететь на платформу «55-й километр», потому что «она здесь босиком, в одной сорочке, замерзла, и это касается всего человечества»!

— Надеюсь, всего одетого человечества? — осведомился Никита. — А если не отличаться от него?

— Я не могу. И мне холодно. Я убежала из дому.

— А теперь вместе будем в бегах?

— Конечно. У вас есть взлетолет для экстренных нужд. Попроси его у Георгия Трофимовича. Вы же спасатели!

— Но для этого нужно считать себя затерянной в космосе. Правда, и земной шар летит в космосе, так что, пожалуй, вызов можно обосновать.

В ответ Надя всхлипнула и выключила связь.

Чтобы пролететь пятьдесят километров, Вязову потребовалось всего четверть часа. За это время Надя успела замерзнуть от предутренней прохлады на заросшей травой скамеечке. Никита еле разглядел ее в сгустившемся тумане. Подойдя к Наде, он сказал:

— Вот в такой воинственной позе и надо спасти человечество!

— Мне холодно, — только и могла выговорить Надя.

— Приглашаю совершить подвиг в кабине взлетолета. Там теплее.

— Нет, — решительно сказала Надя. — Выслушай меня здесь!

— Может быть, если надеть мою куртку, твоя речь прозвучит убедительнее?

— А ты останешься без куртки?

— Как в космосе обойтись без парадной куртки?

— Ее ты больше не получишь!

— Как так? — удивился Вязов.

— Вот так! — В голосе Нади прозвучала недавняя интонация Кассиопеи. — Не по-лу-чишь! Потому что никуда не по-летишь!

— Если только в этом смысл моей ночной спасательной операции, то головы мне не сносить. Бережной снесет.

— Ему придется снести другое — отмену вашего звездного рейса!

— Если даже вздремнуть здесь, то как можно такое во сне увидеть?

— Ты сам доказал, что ваш отлет невозможен.

— А не доказал ли я еще, что крокодил солнце проглотил? И какие доказательства я привел?

— А твои обломки? Один, взятый тобой в космосе, другой, поднятый тобой же со дна реки, а третий, найденный еще сто лет назад на берегу Вашки? И как будто все они идентичны.

— Разумеется. Мы с тобой сразу сравнили их по старой газете.

— Полностью идентичны, да не совсем! Вашковский обломок, как определили по следам распада в нем тория, просуществовал будто бы 30 лет, а современные обломки сто семьдесят лет.

— Верно. Но не я ли сообщил вчера уточненные данные о старом обломке? Все три его части обнаружены на складах научных учреждений, где когда-то их исследовали. И теперь установлено более точными методами, что возраст всех трех частей старой вашковской находки те же сто семьдесят лет, что и у современных обломков космического корабля. Все они «близнецы»!

— В этом вся трагедия! Как, однако, холодно! Твоя куртка не греет. Пойдем в кабину. Зуб на зуб не попадает. Ты отвезешь меня к деду на дачу. Это все Звездочка! Испугалась, что я опровергну и деда, и ее Бурунова.

— Перевернешь, как Архимед, Землю? Точку опоры уже našла? — улыбался Никита, усаживая Надю в кабину.

— Нашла! Знаешь в чем? В дате постройки чужепланетного звездолета!

— Может быть, выпьешь горячего кофе по случаю столетия со дня его постройки?

— В каком году?

— Надо думать, это был тысяча девятьсот шестой год.

— Вот-вот! К этому я и веду! Тут простая математика. Софье Ковалевской ждало делать бы нечего было, а я занялась.

— И что же? Бери, кофе уже согрелся.

— Откуда кофе?

— Из комплекта спасателей! Чудо-напиток! Так что же?

— А то, что в тысяча девятьсот восьмом году, когда инопланетный корабль взорвался над Тунгусской тайгой, со времени его постройки прошло только два года! Как же они могли долететь до Земли за это время от своей планеты, удаленной на десятки или сотни световых лет? Как?

— Ну а как кофе? А как озноб? Не простудилась бы ты.

— Вот и хорошо! Пусть умру! Зачем ждать старости? Ведь ты через тысячу лет придешь после возвращения из звездного рейса на мою могилу. Я попрошу зарыть меня где-нибудь здесь, у Аленушкиного пруда. Имей это в виду. Найдешь?

— Ты бредишь.

— Нисколько.

— Да пойми же ты!.. Если факты говорят о том, что инопланетяне прилетели из отдаленного космоса всего за два года, то они могли это сделать, лишь достигнув световой скорости, когда их собственное время почти остановилось и они преодолевали огромное расстояние без затрат времени (по их часам!), хотя на Земле сменялись столетия. Значит, сокращающееся время будет фактом и для тебя, и для Бережного, и для всех



остальных спасателей. И вы полетите следом за папой в безвременье — по крайней мере для меня. Я попросила бы тебя рассказать папе, когда вы догоните его звездолет у далекой планеты, как я тосковала по нему, только не состоится ваш полет! Завтра, нет, уже сегодня об этом узнает весь мир!

— Что он узнает? Результаты неточных анализов, которые пересматриваются в отношении распада тория? Едва ли это окажется достаточным основанием для отказа от выполнения нашего долга спасателей. Ведь эйнштейновская теория относительности с ее ограничениями скорости и сокращением времени сдана в архив наукой, и твои доводы опровергают теорию не более чем наблюдение полета комара — теорию всемирного тяготения Ньютона. Пока нынешние взгляды науки не поставят под сомнение математики, тебя и слушать никто не станет.

— А ты? Ты тоже никто?

— Нет. Я слушаю тебя и удивляюсь. Оказывается, количество следов распада тория в образцах способно вызывать галлюцинации и стать поводом для измерения твоей температуры.

— Пожалуйста, не надо! Значит, ты считаешь, что ваш рейс можно задержать только математическим опровержением теории абсолютности, отказавшейся от ограничений Эйнштейна?

— По меньшей мере, нужно доказать, что взлет подброшенного с Земли камня и отталкивание земного шара от этого камешка — одно и то же. Словом, это почти то же, что обвинить вновь Коперника, выступившего против догм церкви с утверждением, будто Земля движется вокруг Солнца вопреки мнению Птолемея и обывательскому представлению, что Солнце всходит и заходит над Землей, и доказать, что все это будто бы одно и то же!

— И тогда ты не полетишь?

— А как же мне полететь, если земной шар, как мячик, отскочит от меня, и я, по Эйнштейну, останусь неподвижным?

— Останешься? — ухватила Надя за последнее слово... — Дашь мне слово остаться со мной?

— Слово даю, что истинно так говорю.

— Принято! Слово дал! Если существует факт, о котором я говорила, то должно существовать и опровержение того, что он ставит под сомнение своим существованием!

Никита Вязов, взлетев на своем аппарате с Надей, которая не забыла захватить сложенный дельтаплан, доставил ее в академический городок, где все уже переполошились и начали поиски пропавшей.

Кассиопея со слезами бросилась ей на шею.

— Иди к деду. Он с ума сходит, — строго сказала Наталья Витальевна.

Надя обернулась к Никите, стоявшему подле взлетолета, и помахала ему рукой:

— Ты дал слово! — крикнула она.

## ТАИНА НУЛЯ

Отправившись в университет, Надя захватила с собой складной дельтаплан, чтобы попасть на базу дельтапланеристов и

там, уже вооружась, как она думала, представленным по ее просьбе профессором Дьяковым математическим доказательством существования «парадокса времени», долететь до Звездного городка и потребовать от Никиты выполнения данного ей слова — отказаться от космического полета. Но вместо желанного доказательства Дьяков передал Наде для опровержения теории абсолютности мысль о неучтенном отношении масс улетевшего и оставшегося тел. Она про себя назвала его «коэффициентом любви», поскольку должна была утвердить им выкладки Эйнштейна во имя своего чувства к Никите.

Однажды, летя на дельтаплане, она с математическим изяществом доказала теорему своего прапрадеда Георгия Ивановича Крылова. Тот увлекался недоказуемой Великой теоремой Ферма и пришел попутно к выводу, что число в любой степени раскладывается нацело на два других, в степени на единицу меньшую. Значит, на высоте все возможно!

Выбежав на балкон, откуда открывался старый город за излучиной реки, она даже не взглянула на небо, где предостерегающим веером протянулись перистые облака, предвещающая перемену погоды.

Дельтапланеристка прыгнула, развернув над собой крыло складного дельтаплана, и сразу почувствовала, что теряет высоту.

Она вложила в управление прозрачным крылом все свое мастерство и дотянула до обзорной площадки, откуда туристы наслаждались видом старого города за рекой, с высотными зданиями, увенчанными, как и башни Кремля, своеобразными шатрами — символами былой старины.

Промелькнула балюстрада обзорной площадки, и земля стала словно проваливаться под Надею. Это был склон Ленинских гор, ведущий к берегу реки. Здесь, как и рассчитывала Надя, ее аппарат попал в восходящий воздушный поток, позволивший ей набрать высоту.

Надя направила дельтаплан вдоль реки, чтобы подняться еще выше, и пролетела над метромостом, с которого спрыгнул в памятный день Никита Вязов.

Дальше показалась старая теплоцентральный. Там теплый поток воздуха поможет подняться еще выше.

Неподалеку она вдруг увидела взлетолет, пассажиры которого с нарастающим удивлением следили за своим необычным воздушным спутником. Ведь полеты на дельтаплане были не приняты. Они казались слишком опасными из-за неудобства посадки.

Надя не думала о своем полете. Дельтаплан был послушен ее движениям. Она снова вспомнила разговор в кабинете Дьякова.

— Михаил Михайлович! — говорила она. — Мне совершенно необходимо, чтобы звездолет не вылетел, не унес в иное время... впрочем, неважно кого! Для этого требуется доказать, что Эйнштейн прав и что при достижении космическим кораблем скорости света происходит сокращение длин в направлении движения, чего я, признаться, понять никак не могу.

— Ну, в этом я могу вам помочь. Неверно говорить о физическом сокращении длин в направлении движения с субсвето-

вой скоростью. Это все равно, что утверждать, будто человек превращается в лилипута, если на него посмотреть в перевернутый бинокль. Происходит не изменение размеров, а лишь их искажение, причем не только длины самого тела, но и масштаба длин в направлении этого движения. Сокращения воспринимаются лишь неподвижным наблюдателем, который смотрит словно через искажающий оптический прибор на удаляющееся тело и видит не реальные размеры мчащегося тела, а лишь его сплющенное «изображение».

— Как в кривом зеркале? — обрадовалась Надя.

— Если хотите, в кривом, вернее, в цилиндрическом, изменяющем размеры лишь в одном направлении.

— Как в самоваре! Когда отраженные его поверхностью люди кажутся худыми, тощими. — И Надя украдкой взглянула на профессора.

— Если вы хотите сказать «вроде меня», — улыбнулся Дьяков, — то, пожалуйста, не стесняйтесь.

— А время? — взволнованно спросила Надя.

— Наблюдатель смотрит, если можно так выразиться, через «цилиндрическую деформирующую оптику» и воспринимает за правильные — на самом деле искаженные — размеры «изображенного» пространства, но звездолет в нем движется с реальной скоростью! И потому кораблю, чтобы преодолеть уменьшившееся в представлении наблюдателя пространство, потребуется меньше времени. Потому для земного наблюдателя время на корабле будет течь медленнее!

— Значит, «парадокс времени» существует, и улетевшие с субсветовой скоростью звездолетчики вернутся уже после нас?

— Видите ли, считалось, что теория абсолютности, отбросившая постулат Эйнштейна о невозможности превзойти скорость света, представляет собой более прогрессивное воззрение. А я вам сейчас докажу, что взгляды эти сдерживают развитие человечества.

— Как это?

— Если бы скорость межзвездного полета принималась ничем не ограниченной, то это ничуть не приблизило бы к человеку звездные дали.

— Почему? Ведь скорость может быть какой угодно большой?

— А разогнаться до нее нужно? С каким ускорением? Если космонавт посвятит разгону всю свою жизнь, то и в таком случае ускорение не может превысить ускорение земной тяжести. При этом скорость света достигается за год. Если разогнаться в течение, скажем, полувека, то за это время будет пройдено со средней скоростью в двадцать пять световых лет в год всего лишь тысяча двести пятьдесят световых лет, то есть около одной десятой пути до центра Галактики, где расположена наша Солнечная система. Вот и получается, что сторонники теории абсолютности вынуждены ограничиваться лишь крохотным уголком Вселенной.

— Значит, и в теории абсолютности есть предел?

— Да. Зато в теории относительности этот предел кажущийся. Как только наш космолет за год разгона достигнет скорости света, время у него остановится. Следовательно, за

один миг он преодолеет любые расстояния в миллионы и миллионы световых лет и доберется не то что до ядра нашей Галактики (каких-нибудь сто тысяч световых лет!), но и до туманности Андромеды и любых далеких галактик, квазаров и других загадочных объектов, видимых или еще не видимых в наши приборы. С позиций теории относительности Человеку доступен весь мир. С позиций теории абсолютности — один ничтожный закоулочек.

— Но как доказать, что эта теория, сулящая человеку безмерное могущество, верна, и абсурдные положения, будто бы вытекающие из нее, вовсе не компрометируют саму теорию?

Профессор Дьяков рассмеялся.

— Что ж! Тут вам придется помогать самой себе! Видите ли, милая поклонница Софьи Ковалевской, в науке уже сейчас дебатруется вопрос о правомерности формул Лоренца, использованных Эйнштейном и принимающих в расчет лишь отношение скорости летящего тела к световой без учета отношения улетевшей и оставшейся масс — скажем, комара и земного шара, или раскрученного детского волчка и Вселенной. Попробуйте-ка так скорректировать формулы Лоренца-Фицджеральда, чтобы, не меняя получающихся с их помощью результатов, тем не менее учесть отношение масс улетевшего и оставшегося тел, чтобы их нельзя было поменять местами и поставить земной шар вместо комара!

Огромный город проплывал под Надей и одновременно двигался вместе с Землей и Солнечной системой, принадлежащей всей Вселенной с ее созвездиями и галактиками. Масса их определяется бесконечностью. Совершенно ясно, что Надя не в силах двигать всю Вселенную. Отношение же ее собственной массы, как и комара, к этой бесконечно большой Вселенной равно нулю!

Нуль! Что же это такое? Как вводить его в формулу, если он ничто? Впрочем, так ли это? Никита Вязов в шутку называл модули своего звездолета нулями. А эти нули должны были получать энергию «нулевого вакуума». Ведь каждая частица вакуума характеризуется нулем, то есть отсутствием численных значений для его физических свойств, но это не значит, что их не было до соединения вещества и антивещества в кванты вакуума. По существу, вакуумный нуль — это результат сложения равных по значению, но обратных по знаку свойств материальных частиц вещества и антивещества! Значит, нуль может оказаться не просто нулем, а следствием реальных процессов и действий, в том числе и математических! Природа не терпит пустоты. И нет этой пустоты в вакууме, состоящем из материальных квантов.

А ее «коэффициент любви», который оказывается равным нулю? Он получается не от вычитания, а от деления реальных значений массы летящего относительно Вселенной тела и массы этой Вселенной.

В чем же тайна нуля? Очевидно, в истории его возникновения. Нуль вакуума позволил произвести обратное действие — восстановить из квантов вакуума частички вещества и антивеще-

ства, а потом извлечь из них внутреннюю энергию связи, от взрыва которой уберегли человечество тот же Никита Вязов и его командир Бережной.

«Коэффициент любви», введенный под корень слагаемым со знаком минус, хотя и равен нулю, но не допускает перемены местами массы Вселенной и массы летящего тела, будь то комар или звездолет. Надя почувствовала, что нащупывает нечто новое, отличающееся от теорий относительности и абсолютности. Академик Зернов бесспорно прав, считая, что всякое движение происходит относительно Вселенной. Но Эйнштейн тоже прав. Парадокс времени существует!

И еще один любопытный вывод, увлеченно размышляла Надя. Представим себе, что из одной точки Вселенной разлетаются в противоположные стороны два космических корабля и каждый из них достигает предельной эйнштейновской скорости. Но ведь относительная их скорость, казалось бы, будет равна двойной скорости света! Не будет ли это опровержением эйнштейновских выводов? Будет, если опять-таки не учитывать масс. Дело в том, что нельзя исходить из того, что корабли разлетаются из некоторой абстрактной невесомой точки. Нельзя признать любой из этих кораблей неподвижным, поскольку он перемещается относительно первоначальной точки, принадлежащей Вселенной, которая обладает бесконечной массой. Нельзя рассматривать движение одной малой массы относительно другой, если обе эти массы меняют свое положение относительно Вселенной. Раскрытая тайна нуля обязывает относить движение к массе, равной бесконечности, иначе будет получаться математический абсурд<sup>1</sup>.

Однако от таких выкладок голова может пойти кругом.

Взглянув вниз, она похолодела: город остался где-то позади, как и теплый поток воздуха, поднимающийся от него — от его зданий, улиц, промышленных предприятий, наконец, от его рек.

Под дельтапланом плыл сплошной зеленый массив — результат лесонасаждений последних ста лет.

Куда ее занесло? Где Звездный городок? Она слишком увлеклась математикой и, придя к открытию, не может теперь сообщить о нем Никите. А через день-два будет уже поздно.

Но как сестя в лес? Она однажды уже повисла на сосне. Что это блесит за лесом? Водохранилище? Пожалуй, это еще хуже! Придется садиться на берег.

Но дельтаплан, словно испугавшись предстоящей посадки, затрепетал. Ветер! Ветер, который принесли веерообразные перистые облака, не замеченные Надей. Вихрь завладел дельтапланом и с яростной силой понес его неведомо куда!

Она уже не летела, а падала, падала на водную гладь.

Удар был сильным. У Нади помутилось в глазах. Она плашмя ударилась о воду, от боли слезы заволкли глаза. Судорожно глотнула воздух и... ушла под воду.

---

<sup>1</sup> По теории относительности субсветовые скорости кораблей —  $X$  и  $Y$  складываются не арифметически, а по формуле 
$$V = \frac{X+Y}{1 + \frac{XY}{C^2}}$$
 когда

при  $X=Y=C$   $V=C!$  То есть относительная скорость кораблей всегда меньше или равна световой.

Надя с ужасом поняла, что тонет и что теперь никто не придет ей на помощь, спрыгнув с высокого моста.

А как же тайна нуля? Уточненная формула Лоренца с «коэффициентом любви»? Новая теория, которую она открыла? И Никита, вернувшись через тысячу лет, даже не сможет разыскать водохранилище, в котором она утонула!

Собрав последние силы и превозмогая боль, Надя вынырнула, глотнула еще раз воздух, поняв, что сейчас уйдет в воду навсегда... и вдруг увидела протянутую сверху чью-то руку.

На гибкой лестнице, выброшенной с неизвестно как оказавшегося здесь взлетолета, к ней наклонилась фигура элегантно-го человека со светлыми кудрями до плеч.

Бурунов? Откуда?

Надя хотела было, как и в прошлый раз, отрицательно замотать головой, но... Никиты Вязова рядом не было, и она воспользовалась предложенной помощью.

Константин Петрович Бурунов помог ей ухватиться за гибкую лестницу, зацепившись сам за верхние ступеньки ногами и придерживая Надю за мокрые плечи руками.

Потом спасатели взлетолета включили механизм, втягивающий лестницу. Сразу несколько рук помогли Наде забраться в кабину, где она без сил упала на пол.

Надя не знала, откуда появился здесь профессор Бурунов, но это был именно тот человек, который мог понять ее. И, застав, она произнесла:

— Я хотела было, как и в прошлый раз, отрицательно замотать головой, но... Никиты Вязова рядом не было, и она воспользовалась предложенной помощью.

— О чем вы говорите, милая Надя? Сейчас вам лучше находиться в покое.

— Я нашла «коэффициент любви».

— Вы явно бредите, дорогая. Постарайтесь отвлечься.

— Нет, это не бред! Выслушайте меня. Надо задержать рейс взлетолета.

— Поверьте, Надя, легче остановить Луну.

— Ну вот! — рассердилась Надя. — На этот раз бредите уже вы, а не я!

— Еще раз умоляю вас, постарайтесь забыть, — говорил Бурунов, давая ей понюхать протянутый одним из спасателей флакончик.

Надя почувствовала, что все плывет перед глазами.

— Куда доставить? — спросил командир спасателей.

— Я думаю, что придется прибегнуть к транквилизаторам. Приступ начался еще перед прыжком с университетского балкона.

— Тогда в «приют спокойствия».

— Я не хочу, не хочу в «приют спокойствия»! — Надя, как ей казалось, кричала, хотя на самом деле только шептала.

— Успокойтесь, милая Надя. Как только я узнал в университете о вашем неосторожном прыжке с балкона, я вызвал взлетолет спасателей, дежуривший около метромоста, и мы полетели следом. Нам удалось догнать вас, когда вы, кружась, набирали высоту. Потом мы не упустили дельтаплан из виду. К счастью, нам удалось вовремя прийти на помощь. Этот ветер мог наделать бед! Вы скоро вернетесь к Виталию Григорьеву.

вичу, который уже все знает, поскольку я с ним связался по браслету личной связи.

— Нет, дедушка еще не все знает! Вы с ним первыми должны узнать и о «тайне нуля», и о «коэффициенте любви».

— Опять бред! — воскликнул Бурунов. — Какое несчастье!

— Это вовсе не бред! Не смейте так говорить! Это отношение масс комара и земного шара.

— Какой ужас! — в отчаянии воскликнул Бурунов. — Какой-то комар и земной шар! — И уже другим тоном добавил: — Мы с Кассиопеей завтра же навестим вас в «приюте спокойствия». Вы проведете там день-два. У современных психиатров есть удивительные средства. Подождите до завтра...

— Завтра может быть уже поздно! Звездолет готовится к старту! А его надо задержать! Я говорю вам об этом, а вы как будто не слышите. Надо сообщить всем о «тайне нуля».

Взлетолет опустился на лесной полянке. От белого дома с колоннами к ним спешили люди в белых халатах.

Они подвезли к взлетолету носилки-каталку. Потом осторожно переложили Надю на них. При этом боль во всем ее теле вспыхнула с новой силой.

Рядом с носилками шли Бурунов и седоусый врач, принимавший пациентку.

— Я требую, я настаиваю, чтобы меня выслушали, — твердила Надя.

— Я полагаю, профессор, для успокоения пациентки надо пойти ей навстречу и выслушать, — обратился к Бурунову врач.

Когда через некоторое время Надю перенесли в кровать, Бурунов сел у изголовья, терпеливо выслушал ее сбивчивый рассказ о том, как она догадалась в полете ввести в формулу Лоренца под корень квадратный отношение масс улетевшего и оставшегося тел. Отношение это равно нулю, поскольку в знаменателе стоит бесконечная масса Вселенной. Поэтому результат формулы не изменится. Однако поменять местами массы улетевшего и остающегося тела, то есть произвольно считать одно из них неподвижным невозможно, поскольку в этом случае выражение станет мнимым<sup>1</sup>.

Бурунов все прекрасно понял. Теория абсолютности академика Зернова, с которой он связал свою научную деятельность, действительно может оказаться под ударом, если всерьез отнестись к этому «математическому бреду». И он решил, что обнародование его ничего, кроме вреда, не принесет. Вместе с тем надо было успокоить Надю и направить ее мысли по другому руслу. И он стал убеждать ее:

— Я в восторге, Надя, от сделанного вами открытия.

— Я вам верю, Константин Петрович, — обрадовалась Надя. — Вы спасли не только мою жизнь, вытащив меня из во-

<sup>1</sup> Формула Лоренца, преобразованная Надей Крыловой, приобрела вид:

$$t = t_0 \sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2} - \frac{m}{M}}; \quad \text{при } M = \infty \frac{m}{M} = 0.$$

где  $m$  — масса улетевшего тела,

$M$  — масса неподвижной Вселенной,

$v$  — скорость улетевшего тела,

$c$  — скорость света

$t$  — время на улетевшем теле,

$t_0$  — время на оставшемся теле.



ды, но и нечто более важное — научное обоснование для отмены вылета корабля. Как истинный ученый, вы не можете не видеть, что теория абсолютности опровергается моим открытием.

— Милая Надя, в том-то и дело, что в строго научном плане все обстоит совсем наоборот, — это был вдохновенно придуманный Буруновым ход. — Ваше открытие на самом деле подтверждает правильность теории абсолютности вашего деда. Виталий Григорьевич прекрасно поймет это, а научный мир отдаст вам должное. Вы нашли именно то, чего не хватало Виталию Григорьевичу. Ввели отношения масс, доказав, что всякое движение надо рассматривать только относительно всей Вселенной, находящейся в относительном покое.

— Как так? — встревожилась Надя. — Разве только такой вывод можно сделать из того, что я вам рассказала?

— Разумеется! Я сейчас же сообщу академику Зернову о ваших выводах. Он искренне обрадуется, уверяю вас.

— Обрадуется? Почему?

— Потому что вам удалось в первой же посылке в ваших рассуждениях наиболее верно ввести ваш коэффициент масс сомножителем к отношению квадратов скоростей в подкоренной величине, которая после этого превращается в единицу, а значит, время на корабле становится точно таким же, как и на Земле<sup>1</sup>.

— Нет! Нет! — запротестовала Надя. — Совсем не так! Как вы не понимаете! Отношение масс нужно вводить не сомножителем, а слагаемым! «Тайна нуля» состоит в том, что нуль получается от деления улетевшей массы на бесконечную массу Вселенной. Мне нужно объяснить все это деду, он не сделает ошибочных выводов. Где моя одежда? Она, наверное, уже высохла! Позовите сестер здоровья! Я должна переодеться и лететь к деду.

— Я уже сообщил Виталию Григорьевичу о вашем состоянии. Он искренне опечален этим. Я думаю, что врачи позаботятся о вас именно здесь.

— Тогда позвольте мне воспользоваться вашим браслетом личной связи, чтобы рассказать обо всем дедушке.

— Простите меня, Надя, но ведь вы, как никто другой, должны знать, что я не имею права разрешить кому-либо пользоваться браслетом, предоставленным мне лично для связи с теми, у кого такое право есть. Я сожалею, что вы не успели еще совершить свой подвиг зрелости, но ваше подтверждение теории абсолютности может быть приравнено к такому подвигу.

— Тогда передайте академику сами то, о чем я вам говорю.

— Хорошо, я передам Виталию Григорьевичу все ваши сообщения, но при этом предполагаю, что он согласится со мной и выразит вам свою благодарность за новый аргумент в пользу теории абсолютности, делающий отлет звездолета еще более обоснованным.

Надя отвернулась от Бурунова и, уткнувшись лицом в подушку, горько заплакала. Она не могла доказать, сомножителем или слагаемым должен войти в формулу ее «коэффициент любви».

<sup>1</sup> По Бурунову получилось бы:  $t = t_0 \sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2} \left( \frac{m}{M} \right)}$ ; при  $\frac{m}{M} = 0$   $t = t_0$ , то есть сокращения времени нет!

Профессор Джордж Хьюш-младший, худой, поджарый, с аскетическим лицом, с коротко стриженной головой размашистым шагом шел по мокрой улице.

Лил обычный лондонский дождь, и профессор старательно прятал под зонтиком только что приобретенные утренние газеты. Вся корреспонденция профессора пересылалась на его кембриджский адрес, но каждый уик-энд, уезжая с женой в Лондон, он неизменно отправлялся до завтрака за газетами, совмещая столь необходимую для здоровья и бодрости прогулку с приобщением к утренним новостям.

В старом длинном трехэтажном доме было множество подъездов с отдельным входом в каждую квартиру. Профессор любил этот дом и за его старомодность, и даже за приобретенный им на закате эры автомобилей благородный темный налет.

Мистер Хьюш поднялся на крыльцо и открыл дверь в квартиру.

Войдя в переднюю, поставил на пол мокрый зонт, повесил под оленьими рогами длиннополое пальто, положил на столик перед зеркалом шляпу, тщательно стряхнул капли с костюма и прошел в большую парадную комнату нижнего этажа. Он не забыл взглянуть на лестницу, ведущую в верхние этажи, — на втором были спальни супругов, а на третьем — комната Мэри, которая сейчас в отсутствие родителей в радиообсерватории следила за круглосуточными записями автоматов большого радиотелескопа, неустанно изучающего Вселенную.

Мистер Хьюш сел около старинного, заботливо разоженного женой камина, чтобы, вытянув длинные ноги, дать им отдохнуть, а заодно просмотреть газеты.

Из кухни, размещенной в полуподвале на домашнем лифте, поднялась миссис Джосиан Белл, руководившая вместе с ним радиообсерваторией, а дома им самим, достаточно непокорным и строптивым, но оставляющим обычно последнее слово за нею.

Она вкатил в парадную комнату, служившую Хьюшам одновременно гостиной и столовой, приготовленный ею завтрак — поджаренные тосты, овсяную кашу и кофе в дымящемся кофейнике.

Мистер Хьюш, словно обжигаясь углями в камине, время от времени вскрикивал, комкая газету, и бросал ее на шкуру бенгальского тигра, присланную старшим сыном из какой-то экспедиции и красовавшуюся теперь на полу.

Почтенного профессора вывели из себя крикливые заголовки в газетах.

«Снова маленькие зеленые человечки и опять в той же Мальбарской обсерватории Кембриджского университета».

«Мисс Мэри Хьюш-Белл, дочь руководителей Мальбарской радиообсерватории приняла сигналы из космоса, протянув руку братьям по интеллекту».

«Радиоледи» оправдала свое прозвище, начав диалог с «инопланетянами».

Даже солидная «Таймс» вещала:

«Следует ли признать, что мы не одиноки во Вселенной? Что

жизнь на Земле отнюдь не уникальна? Очевидно, надо ожидать нового раунда дискуссии между материалистами и теологами».

В Ватикане вспомнили о созданной еще в двадцатом веке комиссии космического миссионерства, которой предстоит теперь вплотную заняться обращением в истинную католическую веру космических аборигенов.

Профессор Джордж Хьюш повернулся к жене.

— Послушайте, что эти бумагомайки еще вчера вечером писали о том, о чем мы с вами и не подозревали.

И, захлебываясь от переполнявших его чувств, он не слишком внятно стал читать:

«Прелестная мисс Мэри Хьюш-Белл, стажер Мальбарской радиообсерватории Кембриджа, оправдывает два своих прозвища: «Диана со стриженной головкой» и «Радиоледи». Она, кстати сказать, является еще и председателем «Лиги связи с космическими братьями», возникшей после принятия ею же сигналов «инфракрасных человечков», оказавшихся терпящим бедствие на околоземной орбите русским космонавтом. Но теперь сигналы переданы действительно издалека и точно повторяются через определенные промежутки времени. Можно поздравить нашу Мэри Хьюш-Белл, «Радиоледи», которая, отказывая в руке своим современникам, ищет в космосе... щупальца».

— Что вы можете сказать по этому поводу, уважаемая профессор Джосиан Белл? Как могла ваша дочь дойти до того, чтобы дать повод для подобных публикаций, не поставив даже меня в известность о своих наблюдениях?

— Я готова объяснить вам это позже, уважаемый профессор Хьюш, когда мы перейдем к научной сути случившегося, а пока я хотела бы напомнить, что речь идет не только о моей, но и о вашей дочери. В соответствии с так уважаемыми вами научными традициями она как самостоятельный стажер радиообсерватории имеет полное право распоряжаться сделанными ею наблюдениями, не испытывая пресса чьей-либо цензуры.

— Ах, так! — воскликнул профессор Хьюш, резко отодвигая недопитую чашку кофе и отказываясь от неизменной овсяной каши. — Тогда немедленно отправляемся в Кембридж. Нам предстоит провести совместное расследование. Собирайтесь, а я пока выкачу из гаража велосипед.

Миссис Хьюш-Белл за долгие годы супружества прекрасно изучила своего супруга и знала, как бесполезно сейчас возражать ему. В частых семейных сражениях у нее выработалась своя тактика, всегда приносившая желанный результат. Поэтому она изобразила на лице полную покорность и пошла переодеваться в дорожный костюм.

Вскоре двухместный велоэкипаж с закрытым от дождя верхом двигался по лондонским улицам, давно избавившимся от отравляющих воздух автомобилей. Их заменили электромобили, в поток которых предстояло влиться и супружескому экипажу, имевшему настолько обтекаемые формы, что в нем без особого напряжения сил можно было держаться за электромобилями, почти не отставая от них.

Супруги дружно налегали на педали и могли обмениваться репликами только на вынужденных остановках перед перекрестками.

— Почему я должен из газет узнавать о каких-то радиосенсациях во вверенной нам радиообсерватории? Почему, спрашивая я и не слышу ответа. Если стажер обсерватории, хотя бы им была наша дочь, принял какие-то сигналы из космоса, то это не должно приравняться вами к мяуканью ваших любимых котов на крыше, а имеет, я бы сказал, еще и научное значение.

Светофор открыл супругам путь, и вопрос профессора Хьюша остался без ответа, ибо работа ногами требовала размеренного дыхания, о чем бывший спортсмен всегда заботился, вместе с тем требуя от супруги старательной помощи.

Только за чертой Лондона мистер Хьюш смог удовлетворить свое законное любопытство.

— Может быть, почтенный профессор Хьюш учтет, что Мэри сообщила о своих наблюдениях по крайней мере одному из руководителей радиообсерватории, то есть мне, и это смягчит ее вину перед вами?

— Ни в коей мере! — воскликнул профессор Хьюш. — И я скажу ей все, что о ней думаю, и не остановлюсь даже перед решением приостановить ее стажировку в радиообсерватории, чтобы в другой раз она не пренебрегала моим мнением.

— В том-то и дело, уважаемый профессор Хьюш, нам с Мэри ваше мнение было заведомо известно.

— То есть как это так? — еще больше возмутился Хьюш.

Миссис Хьюш кротким голосом пояснила:

— По нашим с Мэри многолетним наблюдениям, вы, уважаемый профессор Хьюш, как нам кажется, склонны считать, что наука может двигаться только спиной вперед.

— Что? По вашему мнению, я могу только пятиться вперед?

— Не только вы, но и вся представляемая вами наука.

Тут супругам снова пришлось налечь на педали, чтобы войти в поток электромобилей на шоссе.

— Вы, может быть, считаете, что и сейчас мы пятимся в направлении Кембриджа? — нарушая режим дыхания, выпалил профессор Хьюш.

— Вовсе нет. Мы с Мэри имели в виду вашу приверженность научным традициям и вашу уверенность, что все новое рождается только из анализа пройденного, чем и обусловлено, образно говоря, движение спиной вперед, которое ничем не хуже движения лицом вперед, когда не видно, что осталось позади.

— Сзади остался Лондон. Дышите ровнее, не задыхайтесь. Постарайтесь вспомнить наши прежние велосипедные прогулки, сблизившие нас. Ваше несогласие с моими доводами не дает вам права замедлять ход. Прошу налечь на педали. В конце концов, я имею право получить ответ не только от профессора Джосиан Белл, но и от стажера Мэри Хьюш-Белл.

И снова миссис Белл уступила мужу, прекратив спор, зато велосипед неся в потоке электромобилей, не уступая им в скорости.

Наконец они доехали до радиообсерватории.

Когда профессор Джордж Хьюш вошел в свой кабинет, в котором сейчас Мэри сидела за его столом, склонив стриженую голову над утренними газетами, по всей видимости, не в первый раз перечитывая их, он воскликнул:

— Что это может значить?

Мисс Мэри подняла свои невинные глаза на отца и с обезоруживающей улыбкой ответила:

— Только то, па, что эти газеты прочтут в Канаде.

Хьюшу все сразу стало понятно; когда Мэри была еще студенткой, этот канадский стажер, красавец с модными кудрями до плеч, слишком много внимания уделял ей (он выдумывал для нее всякие прозвища вроде «Дианы со стриженной головкой» или «Радиоледи»), скрывая при этом, что у него в Канаде остались жена и двое детей. Может быть, в Канаде свои представления о джентльменстве, но у профессора Хьюша в этом вопросе не было расхождений со своей дочерью. Он поощрял ее стремление преуспеть в радиоастрономии больше мужчин и особенно одного из них — коварного Генри Гвебека.

Однако профессор Хьюш не мог так просто отказаться от своего возмущения, вызванного пренебрежением к нему как к руководителю радиообсерватории только из-за того, что он всегда был чужд псевдонаучных сенсаций.

— Я понимаю вас, — сказал, сдерживая себя, мистер Хьюш, — но не откажите в любезности пояснить, почему мне не удалось при каждодневном просмотре записей автоматов увидеть якобы принятые вами сигналы?

— О, это очень просто, па! Вы всегда оставались в своем собственном времени.

— В каком же еще времени прикажете мне оставаться? — заворчал мистер Хьюш.

— Я имею в виду, что сигналы с населенных миров могут приходиться из другого масштаба времени.

— Из другого масштаба времени? Вы что? Воскрешаете теорию всеми забытого Эйнштейна?

— В самом деле, — ответила Мэри, все так же невинно глядя на отца, — почему бы не допустить, что во Вселенной могут существовать миры, движущиеся относительно нас с субсветовыми скоростями? В этом случае посланные от них сигналы будут приняты в нас необыкновенно растянутыми.

— И чтобы их распознать, вы делали ускоренную перезапись радиосигналов?

— Вы совершенно правы, па. Ведь я ваша ученица, как и ученица миссис Белл тоже, — добавила она, глядя в сторону матери.

— Разумеется, разумеется, вы дочь и ученица своих родителей. Значит, чрезвычайно замедленные радиосигналы проходили мимо моего внимания?

— Не только вашего, па, но и мимо внимания всех радиоастрономов мира, по преимуществу, как мне кажется, мужчин.

— Конечно, мужчины среди них преобладали, в отличие от нашей радиообсерватории, где я в меньшинстве, — недовольно согласился мистер Хьюш.

— Ускоренные перезаписи принятых нашим радиотелескопом сигналов дали удивительную картину. Вы сами увидите ее сейчас.

Семья ученых в полном составе направилась по крытой галерее к радиотелескопу.

Аппаратная меньше всего напоминала обычную обсерваторию

с куполом и гигантским телескопом, у окуляра которого астрономы, познающие Вселенную, проводили бессонные ночи.

Радиотелескоп работал при любой погоде, и сигналы с него записывались в этом зале, напоминавшем автоматическую диспетчерскую какого-нибудь завода или энергостанции.

При первом же взгляде на запись с повторяющимися всплесками радиосигналов профессор Хьюш закричал:

— Вот-вот! Так я и знал! Вот отчего появился библейский миф о том, что женщина создана из ребра мужчины!

— Вы получили в таинственном радиопослании из космоса разъяснение по этому поводу, уважаемый профессор Хьюш? — не без иронии спросила его супруга.

— Если хотите, то именно так! — торжественно заявил мистер Хьюш.

— Хотелось бы их выслушать.

— А разве самим вам, двум женщинам, непонятно, что здесь сделано все наполовину, как и вообще свойственно женской половине?

— Половине чего? — голос миссис Белл, утратив прежние кроткие интонации, лучше всего говорил о том, что она вряд ли оценила по достоинству каламбур супруга.

— Половине человечества, — нашелся мистер Хьюш. — Я имею в виду, дорогие мои леди, что работа сделана наполовину потому, что перезапись надо ускорить вдвое.

— Зачем? — удивилась Мэри. — И этой скорости, которой так трудно добиться в наших условиях, вполне достаточно, чтобы по одному виду сигналов судить о том, что их автор, несомненно, разумное существо.

— Этого мало, почтенные леди. Мало, ибо запись пока сделана не в звуковом диапазоне, а надо, чтобы она зазвучала, как голос из космоса.

— Голос из космоса? — обрадовалась Мэри. — О, па, я недавно всегда хотела походить на вас! Ведь это вызовет еще большую сенсацию. Какой же у них голос, какой?

— О, это нам предстоит услышать, и очень скоро. У меня есть свои соображения относительно того, как это сделать, — уже деловым тоном заявил профессор.

Обе женщины с нескрываемым восхищением смотрели на него.

Возможно, это был тот редкий случай, когда в их семейном и научном споре последнее слово осталось за ним.

## ГОЛОС ИЗ КОСМОСА

Когда Надю выписали из «приюта спокойствия» и она приехала домой, мать встретила ее на крыльце Наталья Витальевна молча обняла повисшую у нее на шее дочь.

— Ну хватит, хватит, — она гладила вздрагивающую от рыданий Надю. — Вернулась живой — это главное.

— Мамочка, милая! Я больше никогда, никогда не буду!

— Никогда? — сквозь выступившие слезы спросила Наталья Витальевна с горечью. — Трудно поверить. Разве что поумнеешь и поймешь, что твоя жизнь принадлежит не только тебе, но и деду, и маме твоей, которая папу уже утратила, а за

деда трясется... Кстати, дед твой велел передать, что в наказание ты должна его где-то там в парке найти для разговора без свидетелей.

— Мапочка! Я ведь знаю, ты добрая-предобрая, а строгостью только прикрываешься... для виду. Я тебя поцелую и побегу, а Звездочка с Константином Петровичем пусть цветочки дедушкины польют! Или просто подышат их ароматом.

— Беги уж! Мы тут как-нибудь до обеда управимся. Обед я заказала на всех, скоро привезут.

Надя побежала в парк привычной дорогой. За усадьбой к пруду уходила аллея огромных, каждое со своей оградкой, деревьев. Конечно, здесь, на заветной скамеечке, и сидел, опершись подбородком о палку, ее дед с самой мягкой душой на свете!

— Дедушка! Вот я вас и нашла!

— А я и не прятался. Но велел тебе сюда прийти, чтобы поблагодарить.

— Меня? За что? Я думала, отругать...

— Ругать — это особо. А благодарить за коэффициент масс, введя который в формулу, ты показала, что подкоренная величина превращается в единицу и нет никакой относительности с нелепыми постулатами. Спасибо тебе.

— Это вам так Бурунов рассказал?

— Да, Константин Петрович, причем с восхищением! Говорит, ты тайну нуля открыла: не пустота он вовсе, а следствие реальных действий. Ретроспекция.

— Ну и ну! — покачала головой Надя. — Значит, он вам только про сомножитель сказал?

— Разве еще что-нибудь было?

— Было! И в этом самая главная тайна! Я назвала отношение масс «коэффициентом любви»...

— Как? Как назвала?

— «Коэффициентом любви», потому что ради своего чувства к Никите хотела с помощью этого коэффициента доказать, что звездолет исчезнет в другом масштабе времени и Никита ко мне не вернется, а потому не должен улетать.

— Вот так «коэффициент любви», с позволения сказать! — воскликнул, ударяя себя по колену, академик. — Да он у тебя «коэффициентом разлуки» стал!

— Почему «коэффициентом разлуки»? — почти сквозь слезы спросила Надя.

— Да потому что ты же сама и показала, как, будучи сомножителем подкоренной величины, он допускает любую сверхсветовую скорость движения, при этом отношение скоростей все равно умножается на ноль, и весь корень превращается в единицу. И это лишь ускорит отлет спасательного звездолета и станет еще одним доказательством моей безусловной правоты.

— В том-то и дело, дедушка, что вы правы только наполовину. Об этом вам и не сказал профессор Бурунов.

— То есть как это наполовину? — нахмурился академик.

— Вы правы только в том, что нельзя перенести неподвижного наблюдателя с большей массы на меньшую, скажем, с земного шара на летящего комара.

— Разумеется. Тебе хвала, что ты это убедительно доказала математически. Очевидное труднодоказуемо.

— Но в остальном прав Эйнштейн! Никому не превзойти скорости света, не будет у наших звездолетчиков, достигших субсветовой скорости, того же масштаба времени, как у нас с вами на Земле, тщетно их ожидающих.

— Это почему же, позвольте узнать? — грозно спросил Виталий Григорьевич, тяжело поднимаясь со скамейки.

— Дедушка, милый, не сердитесь на меня. Ничего я еще не доказала. Я только хочу ввести свой «коэффициент несчастной любви» не сомножителем, а слагаемым, притом со знаком минус.

— Похвальное намерение, — отдуваясь и сердито глядя вслед прошедшим мимо женщинам, он снова сел на скамейку. — Стало быть, пока что ты академика Зернова еще не раздела в научном плане донага и в Африку не пустила?

— Доказательств против вас у меня нет... пока...

— Пока? — снова нахмурился старый ученый.

— Да, пока... до появления факта, высшего и единственного авторитета в науке.

— Мудрые эти слова академика Павлова Ивана Петровича! Мудрые... Нынче научные деды для научных внучат неавторитетны. И правильно!

Академик оборвал себя и, привычно опершись подбородком о набалдашник прогулочной палки, задумался.

После долгой паузы наконец он сказал:

— Ты вспомнила про авторитет факта по Павлову, более обобщенно можно сказать о конечном авторитете природы во всяком вопросе! Без участия природы, видимо, задача решена быть не может. Ты как бы шла по кругу и пришла к начальной точке, где Эйнштейн ввел постулат непревосходимой скорости света. Я отверг этот постулат как недоказанный, сам доказательств противного не имея. А ты с чисто женским изяществом выразила наш спор лаконичным математическим приемом. И снова встал коварный вопрос: куда нулик поставить. И оказалась теперь ты перед искушением произвола, как и твои научные прашуры. Я сейчас мысленно корил себя, что сам до твоих выводов не додумался. А может, зря корил? Требуют они, как видим, согласования с матушкой-природой, с милостиво представленным ею фактом.

— Я это понимала, дедушка, но не смела высказать. Все главные возражения против теории относительности опирались на произвольность выбора места неподвижного наблюдателя. У меня они отпадают. Но суть теории Эйнштейна благодаря этому остается чистой и неприкосновенной вместе с ее постулатами и выводами. Увы, не превзойти никому световой скорости, не вернуться в свое родное время нашим звездолетчикам! — И Надя всхлипнула.

Старику стало жаль ее, и он, сердясь на себя, снова откинулся на спинку скамьи, словно впервые рассматривая внучку:

— Удивительная ты у меня, Надежда Крылова! С одной стороны на тебя посмотреть — девчонка девчонкой с веснушками и глупыми фокусами, которые тебе сходят с рук. А с другой стороны, мудрец мудрецом, хоть в тунику дельфийской пифии наряжай. Скажу я тебе: если появится факт в твою пользу, то



станешь ты автором не какой-нибудь теории относительности или абсолютности, а теории абсолютной относительности.

Сказав это, академик склонил голову, как будто к чему-то прислушиваясь. Действительно, тихий сигнал был вызовом браслета личной связи на руке академика. Виталий Григорьевич приложил браслет к уху. Лицо его стало серьезным.

— Немедленный вызов к видеозэкрану. Чрезвычайное событие. Спешим. Англичане начали прямую передачу из Мальбарской радиообсерватории очень важных космических сигналов.

У академического дачного городка их встретила парочка: идущие под руку Бурунов с Кассиопеей.

— Скорее, спешите к обеду, — начал Бурунов. — Наталья Витальевна...

— Да, да, скорее! Включайте видеозэкран. Бегом, — задыхаясь, произнес Зернов.

Когда все вошли в столовую, на экране появилась привлекательная, коротко остриженная девушка.

— Леди и джентльмены! — послышался мужской голос за экраном. — Позвольте представить вам стажера Мальбарской радиообсерватории, мою дочь мисс Мэри Хьюш, которой мы с супругой, уважаемой профессором Джосиан Белл, как руководители радиообсерватории, предоставляем слово.

— Почтенные коллеги! — звонко начала Мэри. — Нашей радиообсерватории удалось принять космические радиосигналы, чрезвычайно растянутые во времени. Появилось предположение об их разумном происхождении — при условии, что они переданы из другого масштаба времени.

Она говорила по-английски, и хотя все присутствующие владели этим международным, как и русский, языком, профессор Бурунов нашел нужным переводить все сказанное, прокомментировав последние слова Мэри возгласом:

— Как это из другого масштаба времени? Науке такие масштабы неизвестны.

Академик шикнул на него, и он замолчал.

— Расшифровка сигналов нами еще не завершена, — продолжала Мэри Хьюш. — Однако важность этого сообщения из космоса заставляет нас привлечь внимание всего научного мира, ибо лишь общими усилиями можно добиться успеха в расшифровке весьма несвязных обрывков.

— Ну же, ну! — торопила англичанку Надя, которая чувством своим уже угадывала смысл этих загадочных отрывков.

— Я надеюсь, что меня со вниманием слушают и в России, и в Америке, и в Канаде... — Она на мгновение задержалась на последнем слове, но, сразу же вдохнув воздуха, продолжала: — Первоначально наша аппаратура на очень большой скорости, компенсирующей несоответствие масштабов времени, записала вот такие излучения. Мы выбрали лучшую из повторяющихся записей.

На экране возникла бегущая лента с всплесками сигналов, отдаленно напоминающих электрокардиограмму, которую видел каждый. Однако идеальной четкости в этой записи не было, хотя схожесть отдельных всплесков доказывала их искусственное происхождение. Особенно заметны были большие пропуски, когда сигналы исчезали.

— По инициативе одного из руководителей радиообсерватории — моего отца, почтенного профессора Джорджа Хьюш-младшего сигналы были переписаны с еще большей скоростью, чтобы перевести их в звуковой диапазон. После ряда попыток нам все же удалось услышать голос из космоса, с которым мы и решили ознакомить наших коллег в Европе, Азии, Южной Америке и Канаде, — с ударением на последнем слове закончила она.

— По-видимому, это обрывки земной речи, — снова зазвучал мужской голос, и на экране появился теперь сухой и седой профессор Хьюш-младший.

— К сожалению, леди и джентльмены, наше знание земных языков оставляет желать лучшего, а потому мы обращаемся ко всем в надежде, что они лучше нас могут решить новую космическую загадку. Наша торопливость объясняется тем, что мы не исключаем возможность того, что послание представляет из себя «сигнал бедствия».

— Сигнал бедствия! — в ужасе воскликнула Надя. — Я так и знала!

— Мы уже разослали всем радиообсерваториям мира указание на режим, в котором нам удалось принять космические сигналы, чтобы при их повторе или при анализе прежних незамеченных записей можно было бы судить о смысле принятых обрывков скорее всего русской речи, судя по первому слову, близкому к названию романа писателя Гончарова, а также несомненно русских слов «был» и «рыло». Едва ли нас можно упрекнуть в повторе «космического ребуса». Мы с моей супругой, профессором Джосиан Белл, находим, что вторичное обнаружение Мальбарской радиообсерваторией радиосигналов, ускользнувших от общего внимания, говорит в ее пользу, тем более что сто лет назад такой же случай привел к открытию пульсаров — нейтронных звезд. Особенно символичным нам представляется расшифровка нашей недавней записи в инфракрасном диапазоне, оказавшейся прекрасным русским словом «Надежда», и мы хотим, чтобы надежда и на этот раз осветила принятое нами загадочное послание, звуки которого вы сейчас услышите.

Профессор Хьюш исчез с экрана, и на нем снова появилась бегущая лента с записанными радиовсплесками. Одновременно послышались шумы, треск, хрипы и отдельные слова или обрывки их.

Бурунов догадался включить магнитофон.

«...ОБРЫ... РА... ПОМ... БЫЛ... НУ... СЕР... РЫЛО...»

— Здесь что-то не так! — заметил профессор Бурунов. — Другой масштаб времени — это же антинаучно! Скорее отражение и искажение в космосе земных сигналов. Эффект Штермера. Начало XX века.

— Я не знаю расшифровки этого послания, но последнее слово никак не рыло, это подпись — Крылов. Папа жив!

— Тогда этот факт для новой теории, — заметил академик, выразительно взглянув на внучку.

— Обрыв? — сказала Кассиопея. — А я думала, что в космосе гладкая дорога.

— Я лечу в Звездный комитет, — объявил академик. — Вас, Константин Петрович, попрошу с помощью Нади запрограмми-

ровать мой компьютер на расшифровку послания. Все-таки миллиард попыток в секунду! Разгадает!

Наталья Витальевна и Кассиопея убирали со стола нетронутые тарелки.

## СОТРЯСЕНИЕ НАУК

Дворец науки, расположенный в лесу над Москвой-рекой вместе с другими академическими зданиями, был архитектурной моделью Солнечной системы.

В центре научного городка высилась огромная сфера — своеобразное здание в десятки этажей, которое, олицетворяя собой Солнце, словно зависло в пространстве, ни на что не опираясь. Ее прозрачные, подсвеченные изнутри колонны казались не опорами, а направленными на Землю пучками ослепительных лучей.

Поодаль, на круглых лесных лужайках, изображающих разные планеты, располагались академические институты с величественными мраморными фасадами и скульптурами на античные мифологические сюжеты: крылатого бога, выходящей из мраморной пены прекрасной богини, могучего титана, удерживающего над землей небесный свод, кроваво-красного бога войны в шлеме и с мечом в руке, грозного повелителя богов, разящего с вершины Олимпа сверкающими молниями...

Взлетолеты по негласному правилу никогда не опускались близ храма науки, доставляя пассажиров лишь к окраине «Солнечной системы», откуда им приходилось идти пешком.

Никогда прежде Бурунов не проклинал, как сейчас, эти «старческие причуды» академиков. Он спешил, шагая по узеньким пешеходным дорожкам, то и дело переходя на бег.

Добравшись до парящего в воздухе шара, он поднялся в лифте внутри прозрачных колонн на тридцать третий этаж, где располагался президиум Объединенной Академии наук.

В небольшом, со строгой простотой отделанном зале собрались многие ученые с мировым именем, а также Звездный комитет в полном составе, экипаж спасательного звездолета и руководители Штаба перелета.

На трибуне стоял академик Зернов. Низкий голос его звучал глухо и торжественно.

— Не устаревают слова академика Ивана Петровича Павлова: «В науке нет никаких авторитетов, кроме авторитета факта». Ради признания такого факта мы и собрались сейчас здесь. Всю жизнь ученого я посвятил утверждению теории абсолютности и ниспровержению теории относительности Эйнштейна. И вот теперь, не имея времени на исследования и дискуссии, я во всеуслышание объявляю, — академик повысил голос: — Вся моя научная деятельность до сегодняшнего дня была ошибочной. Я не заслуживаю всех присужденных мне званий и почестей, ибо вынужден отречься от теории абсолютности, опровергаемой фактом передачи сигнала бедствия с пропавшего звездолета, оказавшегося при достижении субсветовой скорости в ином масштабе времени. — Вдохнув, Виталий Григорьевич продолжал: — В науке отрицательный результат — все же шаг вперед, пусть полу-

ченный даже ценой целой жизни. Главное состоит в том, что ставший сегодня достоянием физики двадцать первого века факт оказался сигналом бедствия. Его передал из другого масштаба времени, в который перешел, достигнув субсветовой скорости, пропавший звездолет. Потеряв управление из-за обрыва троса, он мчится по инерции в бездны Вселенной. Догнать его на спасательном звездолете можно, но такая экспедиция равнозначна уходу спасателей навсегда из нашего времени. Теория абсолютности оставила бы всех в неведении об этом. Теперь мы не вправе игнорировать создавшуюся ситуацию и вынуждены привести свои теоретические взгляды в соответствие с самыми последними данными. Свой вклад в устранение наших заблуждений внесла юный математик Надежда Крылова. Впрочем, по возрасту она недалеко ушла от Альберта Эйнштейна, когда он создал свою теорию относительности. Она нашла изящный математический прием, отводящий все возражения (в том числе и мои) против теории относительности, на которых и строилась теория абсолютности. При решении вопроса о судьбе исчезнувших звездолетчиков теперь следует отталкиваться от раскрытой Надеждой Крыловой «тайны нуля».

И академик познакомил ученых с существом Надиных выводов.

Сидя рядом с Еленой Михайловной у видеоэкрана, Надя вдруг расплакалась. Она прилетела в Звездный городок, чтобы передать деду на заседание комитета расшифровку «голоса из космоса». Получив ее, дед сразу же полетел на заседание президиума Объединенной Академии наук, а Надю из Дворца звезд увела к себе домой Елена Михайловна.

Мать Никиты обняла ее за плечи.

— Что с вами, Надя? Ведь вы, насколько я понимаю, оказались правы! Это всеобщее признание! Или это слезы счастья?

— Нет! Вовсе нет! — всхлипывая, ответила Надя. — Мне жаль дедушку. Какой он благородный, сильный!

— Но ведь ваше открытие верно? Не так ли?

— Ах, лучше бы я ошиблась! Наш... наш Никита, — начала было Надя, но умолкла, глядя на видеоэкран.

— Внимание! Прошу слова для чрезвычайного сообщения! — раздался в зале взволнованный голос.

Академик Зернов нахмурился:

— Это профессор Бурунов Константин Петрович. Мой ученик и продолжатель. Надеюсь, он не собирается настаивать на наших прежних заблуждениях.

— Именно это я и собираюсь сделать, уважаемый Виталий Григорьевич и уважаемые коллеги! Защитить научную истину и непререкаемый авторитет академика Зернова, обратив сенсационный факт, о котором он только что говорил, в ничто. Для этого я прошу слова.

— Кто это? Кто? — заволновалась Елена Михайловна.

— А-а! Это Бурунов, воздыхатель нашей Звездочки. Но это не он, это все «Пи»!

— Какой «Пи»?  
— Ну, Пифагор. Мы его так зовем.  
— Пифагор? Древний ученый?  
— Нет, так называется компьютер, расшифровавший «голос из космоса».

— Нас ознакомили с расшифровкой, которую предложил персональный компьютер академика Зернова, запрограммированный мною и упомянутой здесь Надеждой Крыловой. «Обрыв буксира помощь была бы нужна в серьезной беде Крылов». Если исходить из того, что первое и последнее слова правильны, легко подобрать и остальные, чтобы получилась просьба о помощи, которая включала бы в себя обрывки слов, зафиксированные радиотелескопом Мальбарской обсерватории. Но... я позволил себе продолжить с помощью компьютера эксперимент по расшифровке. Достаточно мне было познакомить компьютер с некоторыми стихотворными произведениями поэтов нашего двадцать первого и предшествующего ему столетия, как я получил от него совсем другие расшифровки, которые и позволил себе привести. — Бурунов достал из карманов модной куртки ворох бумаг. — Обращаю ваше внимание, — продолжал он, — на то, что первый фрагмент «ОБРЫ» вовсе не обязательно должен расшифровываться как «Обрыв», а последнее слово «Рыло» может быть просто Рылом, а не Крыловым. В самом деле:

«День кобры ревушей запомнить забыло,  
Вновь ринувшись к сердцу, бесстыжее рыло!»

Не подумайте, что это набор слов. Я отыскал эти строчки в стихах популярного в начале двадцать первого века поэта Анатолия Фразы. А вот стихи уже современного поэта, неведомо как вернувшиеся к нам из космоса:

«Обрыв и горе — воспоминанье о былом!

Нужно ли сердцу бедному крыло?»

Проверяя самым придирчивым образом, мы убедимся в точном соответствии этих строк, рожденных чувствами и воображением поэта, с обрывками речи, которые были приняты нами за сигнал бедствия. Никакого сигнала бедствия, да и космической катастрофы не было! Нет нужды посылать звездолет на выручку по сигналу, в котором вторая строчка взята из популярной в прошлом веке песенки:

Добрыня горемыке напомнит о былом.

Качну серебряным тебе крылом.

Как видите, все, что угодно, можно подобрать по обрывкам речи. И с рифмой, и без рифмы!

Президент Академии наук, повернувшись к Бурунову, спросил:

— Не ответит ли в таком случае профессор Бурунов, почему сигналы, о которых идет речь, дошли до нашей планеты столь растянутыми во времени?

— Охотно, уважаемый президент и уважаемые коллеги. Я отвечу, как вы понимаете, научной гипотезой, и надеюсь, что после ее подтверждения грядущими исследованиями явление, ставшее причиной загадочных сигналов, будет названо «эффектом Бурунова».

Шорох прокатился по залу президиума.

— Я шучу, разумеется! — спохватился Бурунов. — Правильнее говорить о давно известном эффекте Штермера. Вы помните, что в начале прошлого века на Земле принимались сигналы, которые были посланы когда-то с нее и вернулись обратно, отразившись от неизвестного космического образования. Мы сталкиваемся с чем-то подобным, но, видимо, все-таки коренным образом отличающимся от эффекта Штермера. Другими словами, если когда-то в космос ушли сигналы с текстом приведенных мною стихов, то, пройдя сквозь неизвестные нам по своим свойствам космические среды, они замедлились. Вспомним об уменьшении скорости распространения света и радиоизлучений в разных средах. Можно предположить существование в вакууме и такой среды, которая в состоянии замедлить проходящие через нее сигналы. Уже сто лет известны флуктуации скорости света и вакуума, учитываемые в морской навигации. Вполне вероятно, что в «полупрозрачных» для радиоизлучений галактических областях передача электромагнитного возбуждения от одного кванта вакуума к другому тормозится, и это приводит к резкому уменьшению скорости во много раз! Я полагаю, что сигналы, принятые нашими английскими коллегами, как нельзя лучше доказывают правильность выдвинутой мной гипотезы. Буду счастлив, если мне удалось рассеять тучи, сгустившиеся над безупречной теорией абсолютности, отказываться от которой по меньшей мере преждевременно, даже если отказ исходит от самого авторитетного из ее создателей — академика Зернова. Признателен за оказанное мне внимание, рассчитываю на то, что высказанные мной идеи подтвердятся после глубоких и всесторонних исследований.

И профессор Бурунов, чрезвычайно довольный собой, сошел с трибуны.

В зале ощущалось некоторое замешательство.

Недоумение овладело людьми и у видеоэкранов.

— Как же все это понимать, дорогая моя Надюша, наделавшая такой переполох в храме науки? — спросила Елена Михайловна.

— Я не верю «Пи». Просто Константин Петрович воспользовался его фокусами в своих целях.

— Значит, его стихотворные расшифровки неверны?

— Конечно! Никогда машина не сравняется с человеком, потому что в состоянии лишь отсчитывать по указке варианты, и никогда не поднимется до интуиции ученого, поэта, влюбленного человека, наконец! Компьютер может «думать», но не «придумывать»! Гадать, перебирая все возможности, но не отгадывать с ходу!

— И все-таки что же теперь будет?

— Ах, если бы я знала! — воскликнула Надя.

Созданный в двадцатом веке международный космический центр был расположен у подножия Гималайского хребта.

В заоблачной выси, куда не залетали и орлы, работала его космическая радиообсерватория, обслуживающая все космические рейсы.

Главный радиоастроном — смуглолицый и бородатый Рамеш

Тхапар любил говорить, что он гордится тремя обстоятельствами, связанными с высотной радиообсерваторией. Его телескоп был ближе к звездам, чем все земные. Радиообсерватория располагалась даже выше сказочной Шамбалы, которая находилась где-то здесь в синих горах с белыми вершинами, но пряталась за легендарным туманом и была почти недоступна. И наконец, острил завязанный альпинист, все дороги из радиообсерватории вели вниз.

Он жил уже пятый год в «заоблачном эфире», вдвоем с женой и двумя помощниками, которые сменялись каждые полгода. Радиотелескоп круглосуточно прощупывал Вселенную. Здесь не было радиопомех. На гималайской высоте, в единственном месте в мире, существовала идеально чистая связь с космосом. («Как в Шамбале», — шутил ученый.)

Потому Рамеш Тхапар, «махатма Тхапар», как называли его помощники, поручил жене и бородатым «мальчикам» (брились здесь лишь перед спуском на Землю) проверить все записи радиотелескопа в те дни, которые были указаны англичанами из Мальбарской радиообсерватории.

И вот с одной из гималайских вершин пришла в адрес Объединенной Академии наук радиограмма:

«Высотным радиотелескопом международного космического центра в Гималаях принято сообщение из космоса. После расшифровки на большой скорости получен такой текст:

«Обрыв буксира. Помощь была бы крайне нужна в нашей серьезной беде. Крылов».

Эта радиограмма, полученная в Москве во время заседания президиума Объединенной Академии наук, была оглашена президентом вскоре после объявленного за выступлением профессора Бурунова перерыва. Начавшиеся было прения прекратились.

Надя расширенными глазами смотрела на Елену Михайловну.

— Что? — спросила та.

— Разница всего в одно слово. Помощь не просто нужна, а крайне нужна. Я же вам говорила, что «Пи» только все спутал, потому что обрывки радиограммы допускали любые варианты, на которые «Пи» мастер.

— И что же будет теперь? — глядя на девушку, спросила Елена Михайловна.

— Не знаю! Ничего не знаю! — воскликнула Надя.

## ОБРЫВ

У костра сидели трое.

Высокие облака над нежно-оранжевой частью неба были темными, но края, освещенные уже зашедшим солнцем, казались раскаленными добела. Вода в реке была спокойной, почти озерной. У берега чуть покачивалась на воде лодка.

Невысокий, плотный, одетый в жесткую рыбацью робу человек, встав на колени, помешивал деревянной ложкой похлебку в котелке.

— Не беда, коль, рыбы не наловивши, уху не сварим, — посмеиваясь, говорил он. — Нам к консервам за год пора привыкнуть. А от похлебки настоящим земным духом пахнет. Да и окружающий пейзаж...

— Да уж красиво, что говорить! — низким басом произнес высокий худой мужчина в припасенной для рыбалки ватной телогрейке. Лицо у него было длинное, скуластое и суровое. — Только звезд не видно, — вздохнул он.

— И от них отдохнуть не мешает, — отозвался первый.

— Дядя Крылов, — вступил в разговор третий, самый молодой. — Вы ведь позволили себя так называть.

— А как же! На рыбалке — как на рыбалке! Без звезд и чинов.

— Это верно, что дед ваш или прадед Крылов, кажется, Иван Кузьмич, в тайгу за тунгусским метеоритом вместе с самим Куликом ходил? Примечательный, должно быть, человек был?

— Кое-что о прадеде своем знаю. Простой, но себе на уме был старичок. Желудем себя называл, дескать, от желудей дубы пойдут.

— Так и получилось.

— Эй, Галлей, меду командиру не лей! — вставил высокий.

— Нет здесь командиров, рыбаки одни, — добродушно произнес Крылов. — А с тунгусского метеорита для нас все и началось. Особенно после одной находки во время такой же вот рыбалки, даже вроде бы на этом самом месте, если хотите знать.

— Редкоземельный кусок инопланетной инженерной конструкции! — обрадованно воскликнул Галлей. — Найдено обломок цилиндра в тысяча девятьсот семьдесят шестом году на реке Вашке, — и он показал рукой на лодку с уключинами и веслами, лежащими на ее дне. — За тысячу километров от Тунгусской тайги, но точно на продолжении траектории взорвавшегося над нею тела.

— И все-то он знает, наш Галлей! — пробасил высокий.

— На то он и физик. Однако похлебка, друзья, поспела. Помянем добрым словом погибший над Землей когда-то инопланетный звездолет неведомых героев!

— Звездолет — вряд ли, — возразил Галлей. — Скорее всего, они его оставили на околоземной орбите, а спустились на вспомогательном модуле. Он и взорвался.

— До чего же сказки живучи! — заметил высокий. — Сотни лет им нипочем.

— Я эти сказки, Федор Нилыч, еще дома по первоисточникам прове... — горячо начал Галлей, но замолк на полуслове.

Внезапно «на берегу» что-то произошло. Все трое сидевших у костра вместе с котелком взлетели на воздух, тщетно пытаясь обрести равновесие и вернуться назад.

Одновременно река, берег с лодкой, тускнеющая заря и речной туман исчезли, обнажив экраны, на которых только что с поразительной реальностью в объеме и цвете воспроизводилось голографическое изображение далекого земного пейзажа...

У звездолетчиков стало традицией уединяться в свободные часы в каком-нибудь земном местечке, с завораживающей достоверностью возникавшем с помощью голографии вокруг них в отсе-



ке отдыха. И легко было воображать себя на прогулке, вспоминать родную Землю, вызывать к жизни воображением дорогие им памятники, знакомые улицы города или неизвестные дотоле земные чудеса: водопады, диких животных, бродящих в зарослях как будто совсем рядом, или, наоборот, такие уголки, желанные «земные» пристанища звездолетчиков во время полета.

Теперь все исчезло вместе с тяготением. Раньше оно создавалось тягой технического модуля через стокилометровый буксир. Летя впереди, технический модуль разгонялся с ускорением, равным ускорению земной тяжести, привычным для людей. Потому они и ощущали себя как бы в земных условиях. Теперь ускорение исчезло, и нарушилось энергоснабжение. С круглого потолка отсека вечернего «северного неба» тускло светила лампочка аварийного освещения.

Котелок плавал в воздухе между потерявшими вес людьми, а разлившаяся похлебка превращалась у них на глазах в большие и маленькие горячие шары, начинавшие жить самостоятельной жизнью внутри отсека отдыха.

— Что случилось, командир? — тревожно спросил Галлей.

— Ты физик корабля. Тебе первое слово, — отозвался Крылов.

— Видно, что-то с техническим модулем приключилось? — предположил штурман корабля Федоров.

— Едва ли, — возразил Галлей, отталкивая от себя все еще обжигающий котелок. — Скорее всего оборвался буксир.

Только сейчас физик со штурманом заметили, что командира звездолета не было рядом. Ловко перебирая руками по потолку, он двигался к пульта управления и уже оттуда крикнул:

— Обрыв, полный обрыв — и буксира, и кабеля управления.

— Но как это может быть? — поразился штурман. — Обрыв кабеля в пустоте? Что он, о звезды перетерся, что ли?

— Не о звезды, а о кванты вакуума, — заметил Галлей, не столько напуганный, сколько увлеченный необычностью происшедшего.

— Хватит удивляться! — прервал командир. — Надо перейти на аварийное радиоуправление.

— Есть перейти на радиоуправление. Я уже у аппаратов, командир. Но радиосвязи с техническим модулем тоже нет!

— Меняй частоту! Ищи! Надо во что бы то ни стало дать разгонным двигателям команду «стоп», не то улетит наш «передок» неведь куда. Что с обратной связью?

— Один шум и треск в ушах. Оглохнуть можно! У всех приборов обратной связи стрелки на нулях. И компьютер на аварийную ситуацию зря сработал. Его команда не была принята ведущим модулем.

— Очевидно, виной этому электромагнитная буря небывалой мощи в вакууме, — заметил Галлей.

— Думаешь, потому и радиосвязи у нас с Землей нет? — обернулся к нему командир.

— Не только. Обрыв буксира также из-за бури.

— Ну, Вася Галлей, это ты уже загнул, — заметил Федоров. — Пустота, она и есть пустота.

— Однако внутривакуумную энергию из этой «пустоты» наш беглый технический модуль извлекал и отталкивался от «пустоты».

— Вот-вот! — подхватил Федоров. — В том-то и дело, что «беглый»! Удирает он от нас! Командир, терять время нельзя! Пусть Вася все обмозгует, а мне позволю в скафандр влезть — и в открытый космос за беглецом. Дам двойное ускорение. Как-нибудь переживу, а сто километров при наших пройденных парсеках — срунда! Рукой подать!

— Нельзя! Нельзя догонять модуль в скафандре! — запротестовал Галлей.

— Почему? — возмутился штурман.

— Да потому, что скорость любого тела, в том числе и модуля и скафандра, не может превзойти световую!

— Эх куда хватил! Старина-то какая! Ты бы еще древнегреческие мифы вспомнил.

— Это не миф! Командир, это... это моя тайна. Я потом открою ее вам. Только не отпускайте его. Он будет приближаться к улетевшему модулю и никогда, понимаете, никогда не приблизится к нему, как бы ни старался. Это закон природы.

— Стоп, — прервал Крылов. — Так не из-за твоей ли тайны мы нашу связь с Землей потеряли! Без магнитной бури!..

— Двустороннюю потеряли, но нас они услышат, правда, с запозданием.

— Эйнштейна вспомнил! Ладно, потом разберемся с твоей тайной. Пусть нас с запозданием услышат на Земле, но дать им знать о случившемся — наш долг. Штурман, передавай сообщение об аварии. Проси помощи, но поделikatнее!

— Есть передать сообщение! — отозвался штурман. — Я уже подготовил. Подпишите, командир.

— Давай, — Крылов взял протянутую ему планшетку и, передавая ее обратно, сказал: — Выходи в эфир ежечасно...

— Эх, сколько же энергии израсходуется! — произнес Галлей, смотря на тусклую аварийную лампочку. — В темноте останемся. Аккумуляторов надолго не хватит.

— Важно, чтобы нас хватило. А темнота? Что темнота! Слепые в крошечной тьме живут, а у нас звезды будут. Неиссякаемые источники света. Наше аварийное освещение до прилета ребят с Земли.

Двенадцать раз выходил Федоров в эфир, передавая сигналы бедствия на Землю.

— Не может быть, чтобы нас не услышали, — заключил он, покидая свой пост.

Ложились спать в спальном отсеке на своих койках. Чтобы удержаться на них в невесомости, решили обвязаться ремнями.

— Ну, командир, — обратился к Крылову Федоров. — Какую же тайну имел в виду наш Вася Галлей?

Звездолетчики не говорили о том, что обречены на вечное скитание среди звезд в темноте, что будут один за другим умирать от голода и низкой температуры, когда кончатся запасы еды и энергии, — они беседовали, казалось бы, о совершенно постороннем, о какой-то личной тайне одного из них.

Однако тайна Васи Галлея, как оказалось, была для них не такой уж посторонней.

— Твою тайну, Вася, не так трудно разгадать, — говорил Крылов, обращаясь в темноте к молодому физику. — Наблюдал

я за тобой, когда ты бывал у меня дома. Зачастил ты по довольно понятной причине.

— Нет, нет, Алексей Иванович! Не из-за вашей Нади!

— И это знаю, что не из-за дочурки моей рыженькой, а скорее всего из-за подружки ее, Звездочки.

— Да, Кассиопей, — со вздохом признался Галлей.

— Постой, постой! — вмешался еще не спавший штурман. — Выходит дело, несчастная любовь нашего доброго молодца Васю Галлея нам подкинула? Звездочка какая-то его к звездам привела?

— Выходит, так, — согласился Крылов. — Но я заметил в тебе, Васенька, еще и теоретические колебания между профессором Дьяковым и академиком Зерновым.

— И что же? Почему в таком случае вы взяли меня с собой?

— То, что ты решил вернуться на Землю в другом столетии, уже без гордой и недоступной красавицы, ясно как день. Ну а я-то считал, что мы вернемся в рассчитанный академиком Зерновым срок, а что касается Галлея...

— Эх, Галлей, Галлей, — с укором пробасил штурман. — Непутевая твоя голова!

— Вот эта «непутевая» голова нам в рейсе нужна будет, рассудил я. Но виду не подал, что тебя разгадал. Вот и вся твоя тайна, — закончил Крылов.

— Моя, может быть, и вся, но наша общая, Алексей Иванович, еще впереди, — сказал наконец Галлей.

— Что ты имеешь в виду? — заинтересовался Крылов.

— Закон природы описывается теорией относительности. И только ее мы должны учитывать теперь при всех наших расчетах.

— И это я уже усвоил, Галлей. Жаль, что мы с тобой раньше не договорились.

— Жаль, — согласился Галлей.

— Тогда давай сообразим, почему обрыв буксира произошел?

— Можно выдвинуть гипотезу. Штурман говорил о пустоте. Но почему из этой пустоты мы энергию извлекаем, от нее отталкиваемся? Да потому, что она материальна и в известных условиях может становиться вещественной.

— Ясно, материальна, — вставил Федоров. — Но почему вещественна?

— В вакууме проносятся электромагнитные тайфуны! При малых скоростях возбужденные ими кванты вакуума незаметны, но при субсветовой скорости они должны ощущаться как возникающие на пути ничтожные крупинки вещества с их физическими свойствами.

— Стоп, стоп, Вася! Не загибай! Тут и без банальной бури все объяснить можно. Похитрее! — вмешался штурман. — Мы, радисты, флюктуации скорости света в различных частях вакуума уже сто лет учитываем. Не в ней ли дело? Если скорость света становится то больше, то меньше, возникают рывки. Вот и причина обрыва буксира!

— Нет, Федор Нилыч! Не выйдет! — возразил Галлей. — Мы с вами не радиоизлучение, а физические тела, разгоняемые до скорости света. Мы достигаем этого предела, а не скорость света разгоняет или притормаживает нас. Это флюктуация предела,

а не физическое его воздействие на наш полет. Так что никаких рывков от этого быть не может.

— Так уж и не может, — упрямо возразил Федоров.

— А вы поймите, что кванты вакуума — это как бы вибрирующие на пружинах под влиянием электромагнитного излучения протоны и антипротоны. При банальной электромагнитной буре этот процесс для нас отнюдь не банален, ибо в своих крайних положениях частички вещества и антивещества уже не полностью компенсируют свойства друг друга... Тогда и начинают проявляться эти скрытые в состоянии «пустоты» физические свойства материального вакуума — плотность, молниеносно возникающая и исчезающая. И эти песчинки как бы «жалят» в вакууме предмет (при магнитной буре и при субсветовой скорости движения).

— Это как же выходит? — начал сдаваться штурман. — Вроде комары появляются на нашем пути. И жалят, проклятые.

— Не столько комары, сколько «космический наждак». При малых скоростях он незаметен, но при субсветовой скорости на единицу времени приходится столько столкновений с «ожившими» квантами вакуума, что они в состоянии перетереть буксир.

— Может быть, и так, коли не врешь, — окончательно сдался штурман, поворачиваясь на другой бок. — А я прикидываю, сколько времени наш сигнал до Земли будет идти. Ведь расстояние-то какое мы за год пролетели! Радиосигналам по меньшей мере полгода понадобится, чтобы до Земли добраться.

— Это по земным часам, Федор Нилыч. А по нашим звездолетным — несколько минут, — разъяснил Галлей.

— Это он верно прикидывает, — поддержал его Крылов. — Ежели Эйнштейн прав, конечно.

— А если бы он был не прав, с нами ничего не случилось бы, — быстро ответил Галлей.

— Может, и впрямь от этой теории относительности нам хоть кое-какая польза будет, — пробурчал штурман. — Спасателям год разгона понадобится. А у нас?

— Оторвавшись от энергоисточника, мы пока не можем точно вычислить наш «масштаб времени». И это меня беспокоит.

— Почему? — спросил Крылов.

— Догадываются ли на Земле, что наши сигналы будут чрезвычайно растянуты во времени? Их можно и не заметить.

— Ну и загибаешь ты, Вася, с масштабом времени. Я, пожалуй, для его сокращения всхрапну.

И штурман действительно уснул.

Командир не спал и чутко прислушивался к тревожным вздохам Галлея, пока и дыхание Васи не стало ровным.

Крылов думал о далекой Земле, о рыженькой дочурке Наде, увлекавшейся математикой и планеризмом. о жене Наташе, сдержанной и гордой, никогда не говорившей мужу, что он покладает ее. И Надю она не останавливала в ее причудах.

— Командир! — послышался рядом голос проснувшегося Галлея. — Мне приснилось, что она прилетела за нами.

— Кто? Надя моя? — невольно вырвалось у Крылова.

— Нет, что вы! Кассиопея.

— Ну, она, брат, не полетит. Это тебе взамен кошмара при-

виделось. Посмотри лучше, как штурман спит, и последуй его примеру.

— Я постараюсь, — пообещал Галлей, поудобнее устроиваясь под ремнями на койке.

Крылов еще долго смотрел в широкий иллюминатор, за которым ярко и мертвенно горели чужие созвездия.

## ЛЮБОВЬ И ДОЛГ

Казалось, два великана и мальчик между ними идут от Дворца науки по усыпанной песком дороге мимо нарядных цветников и фонтанов.

Сначала они шли молча. Наконец Бережной сказал:

— Ну, хлопцы, кажется, все ясно.

— Ясновидцы не требуются, — отозвался Никита Вязов.

— А ты как, парень? — обратился командир к американскому звездолетчику Генри Гри, третьему члену экипажа спасательного корабля.

Генри Гри неожиданно попросил:

— Бережной, если можно, отпусти Никиту и останься до следующего рейса звездолета со мной. Мне нужно с тобой поговорить.

Бережной удивленно посмотрел на американца.

— Чудно, парень! Ну, ладно! У каждого своя боль. Ну что ж, Никита, лети пока один. А мы с Генри потолкуем о его делах или сомнениях.

— Сомнениях — нет, Бережной. А потому прежде, чем Никита улетит, дадим общую клятву в том, что долг для нас будет дороже жизни.

— Добре! Это ты славно, парень, сообразил. Давайте, други, руки.

Перед затейливой бронзовой калиткой у выхода из городка науки звездолетчики остановились и, соединив в пожатии левые руки и подняв правые, как в салюте, замерли на мгновение.

— Клянусь! — выждав мгновение, первым произнес Бережной. — Клянусь выполнить свой долг!

— Клянусь! — пробасил за ним Вязов.

— Клянусь жизнью! — произнес американец.

Бережной пристально посмотрел на него, потом повернулся к Вязову:

— Никита, береги мать. Слова поосторожней подбирай. Про войны напомним.

— Это она сама вспомнит, — отозвался Никита и, попрощавшись, пошел к площадке взлета.

Бережной посмотрел на Генри Гри.

— Давай спустимся на берег Москвы-реки. У вас там в Америке всяких чудес полно, но такой подмосковной красоты не сыскать.

— Для этого надо ехать в Канаду. Там встречаются места, похожие на Россию.

Они спускались к воде по крутой тропинке, ни словом не упомянув о том, что расстаются с Землей своего времени навсегда.

Когда Никита подходил к подъезду, откуда мать обычно провожала его взглядом, сердце его билось учащенно. Как сказать ей, что он улетает навсегда?..

Легко взбежав по ступеням, открыл незапертую, как всегда, дверь и застыл от неожиданности.

В большой комнате перед видеоэкраном сидели Елена Михайловна и... Надя.

Они поднялись при его появлении. Елена Михайловна с горечью посмотрела на сына.

— Слышали? — спросил Никита, кивнув на экран.

— Слышали, — сдавленным голосом ответила Елена Михайловна. — Надя мне все объяснила.

— Что объяснила?

— Про масштаб времени, которое для тебя сожмется, как она мне показала на наших старых часах. Мы с ней как бы на конце стрелки останемся, а ты в самый центр вращения улетишь, и время твое не дугой, как у нас, а точкой можно изобразить.

— Хочешь сказать, время остановится?

— Да. У тебя, а не у нас, — еле слышно прошептала Елена Михайловна, обнимая сына и беззвучно плача.

Он рассеянно гладил ее.

Наде показалось, что время действительно остановилось для них. Но куранты старинных часов вдруг начали бить звонко и долго.

Наконец мать отпустила сына и, вытирая слезы дрожащими пальцами, с усилием спросила:

— Тебя где-то задержали?

— Нет. Я сюда прямо из Академии наук. Правда, в пути на минутку остановились, чтобы дать клятву друг другу.

— Какую клятву, сынок? — с нежностью спросила Елена Михайловна.

— Клятву выполнить долг, мама.

— А я вот слышала, что ты до того еще кое-кому слово давал, — и она взглянула снизу вверх в лицо сына.

— Слово? — насторожился Никита.

— Будто обещал не улетать, если при жизни нашей тебе возврата не будет.

Никита отрицательно покачал головой.

— Не совсем так, мама. Боюсь, Наде показалось, что я дал ей слово, я не мог его дать. Это был бы не я.

— Это был бы не ты! — упавшим голосом подтвердила Елена Михайловна. — Я ушам своим не поверила.

— Да, да! — снова вступила Надя. — Это я вынуждала его к этому, и мне показалось, что он дал его. Наверное, я ошиблась. Но теперь все равно! Потому что... потому что... я возвращаю ему слово, даже не данное мне. Нельзя обрести собственное счастье такой ценой. — И она замолчала, потом сквозь слезы добавила: — Ценой предательства... ценой жизни папы и его спутников... ради себя. Мне не было бы места на Земле.

— А матери что скажешь? — спросила Елена Михайловна. — Ты ей слова не давал.

— Бережной просил тебя про войну вспомнить.

— Не могу я об этом вспоминать! Не могу!

— Почему, мама?

— О тебе думая, никогда о ней не забывала, матерью воина себя ощущала, хотя идешь ты спасать человеческие жизни, а не отнимать их.

Никита тяжело опустился на стул, застыв в напряженной позе.

— Я хочу, чтобы вы меня поняли, — наконец сказал он. — Как мне благодарить вас обеих за это? Я подозревал, что есть он, этот проклятый «парадокс времени», но все теплилась где-то надежда на четыре года разлуки... только на четыре года... Но радиограмма из другого времени, принятая в Гималаях, все решила. — И он замолчал.

Слышнее стало тиканье старинных часов.

Елена Михайловна задумчиво произнесла:

— В Гималаях? Говорят, там в Шамбале живут по несколько столетий. Я бы нашла ее на любой высоте, лишь бы тебя дождаться...

— А я? — неожиданно вставила Надя. — Мне тоже пойти с вами? Ведь никого из людей, замороженных сто лет назад в жидком азоте в надежде на достижения грядущей медицины, так и не удалось оживить. А там в горах, в розовом тумане...

Но захочет ли Никита смотреть еще на одну старушку?

— Боюсь, что космический масштаб времени перекроет даже возможности сказочной Шамбалы! Увы, жизнь — не сказка. Прожитые дни не растянуть на целое тысячелетие. А дать погибнуть в космосе людям, ждущим нашей помощи, мы, спасатели, не можем, не имеем права, пусть даже ни у кого из нас не останется надежды...

— И у тебя? — со скрытым смыслом спросила Надя.

— И у меня тоже, конечно, не останется никакой надежды, — хрипло произнес Никита.

— А я? Разве я перестала быть Надеждой? — спросила девушка, заглядывая в глаза Никите.

Елена Михайловна удивленно посмотрела на нее.

Никита через силу улыбнулся.

— Ты останешься надеждой своего замечательного деда и оправдаешь общие как одаренный математик.

— Как? Как ты сказал? Математик?

— Ну да, математик!

— А разве математики не нужны в космическом рейсе?

Никита развел руками:

— Надя, моя милая! Наш экипаж давно укомплектован. И только что в полном составе поклялся выполнить свой долг. Звездолет рассчитан только на спасателей и спасенных и больше ни грамма не возьмет!

С болью в сердце видел Никита, как Надя изменилась в лице.

Бережной и Генри Гри, свесив ноги, сидели на обрыве. С тонкой березы, растущей чуть ниже, свешивались листья и сережки. Генри Гри дотянулся до ближней ветки, пригнул ее к себе и прикрыл листвою, как вуалью, лицо.

— Скажи, Бережной, — не без лукавства спросил он. — Как ты мог додуматься до моей тайны?

Бережной прищурился:

— Э, дружище! Не такой уж труд! Детектива не треба. Чуть пристальнее надо приглядываться к мелочам. Давно стали жен-

щины брюки носить, да не так носят, не по-мужички! Хоть и в штанах, да не тот мах!

— Жаль, не было раньше разговора, не научил, как надо.

— Разговора не было, потому что тайну твою я не собирался разглашать. Как-никак, третий член экипажа представляет целый континент. Уйму конкурсов там прошел, коварные тесты преодолевал. Как никто другой! Каскадер к тому же. И еще знаменитым математиком признан. Потому и оказался первым американским претендентом на место в экипаже звездных спасателей.

— Да, это так, командир. Требовалось много труда, усилий, старательств.

— Стараний, — поправил Бережной.

— Конечно, стараний. А потом любви, командир...

— Какой любви?

— Обыкновенной, когда говорят люблю... как это... по-русски... Любовь...

— Давай, вставай, грести будем! — послышался почти рядом мальчишеский голос.

— Подожди. Не слышишь, что ли, там влюбленные.

Бережной увидел внизу тихо плывущую по течению лодку, а в ней двух лежащих на дне мальчуганов.

— Как они меня узнали? — прошептал американский звездонавт.

— Они не видели, только слышали мужской и женский голоса. Еще одна неучтенная Генри Гри мелочь.

— Бывают, и у мужчин высокие голоса.

— Бывают, бывают. Правда, я угадал не только по голосу, но для надежности помалкивал, хоть и не все понимал.

— Как тебе объяснить, командир? Это немножко иной мир — Америка. Другие традиции. Чужой для вас уклад жизни. Там каждый сам по себе. И, несмотря на процветание нации, у нас все еще, к несчастью, есть обездоленные. Они нуждаются в сочувствии, сострадании, помощи. И за них надо было бороться в самом Капитолии... Вот почему требовалось занять сенаторское кресло. У тебя появляется понимание, командир?

— Как тебе сказать? Немного, пожалуй, не хватает. Одно только уяснил. Нельзя тебя до старта выдавать. В полете все быстро бы выяснилось.

— Конечно! Еще как выяснилось бы!

— Чему радуешься? Воображаешь, какие у Никиты глаза выкатились бы?

— Очень хочу представить такое. Спасибо за сохранение такой тайны. Но это только ее половина.

— А вторая половина — как оплошали ваши медицинские комиссии?

— Вовсе нет! Туда проникли наши врачи, члены Союза обездоленных. Они знали, что так надо.

— Что так надо?

— Надо, чтобы председатель Союза обездоленных Генри Гри вернулся из спасательного звездного рейса национальным или даже всепланетным героем.

— Героем или героиней?

— Пускай героиней! Однако в полет должен был отправляться обязательно мистер Генри Гри, который дважды уступал



в предвыборной борьбе за сенаторское кресло в штате Алабама Джесси Грегори. Республиканцы уже считают это место своим! Тогда-то Генри Гри и начал свою подготовку. После четырех лет полета он вернулся бы на гребне небывалой популярности, которой только помог бы романтический маскарад Генриэтты. За это можно рисковать жизнью, командир, — я имею в виду не только трех звездолетчиков в космосе, но и три миллиона обездоленных на Земле. Как ты думаешь, командир, какая цифра, какая задача больше?

— Ну, парень!.. То есть Генри... тьфу!.. Генриэтта! Скажи сначала, зачем тебе вообще понадобился этот маскарад?

— Э-э, командир! На Капитолии редкость женщина-сенатор. Королевы правила, но не в Америке! И Союз обездоленных решил добиваться кресла для своего председателя Генри Гри. Ковбой и ученый! Каскадер и поэт! К тому же «свой парень»! О'кэй!

— О'кэй, о'кэй, парень что надо! Видел я твои киноподвиги! Прыгнуть на автомобиле с моста на идущий под ним поезд, промчаться в авто по крышам вагонов и локомотива, потом слететь на том же каре по ходу вперед на железнодорожные пути и скакать на шинах по шпалам впереди поезда — это, брат, трюк небывалый. За одно это тебя в звездный рейс можно взять. И все-таки ты вновь проиграл на выборах. Видно, там другие трюки требуются. Так чего ты снова в эту свалку лезешь?

— Чтобы победить! Национальный и всепланетный герой — уже не тот противник для республиканцев, как прежде. Популярность звездолетчика должна помочь Союзу обездоленных посадить своего сенатора в Капитолий. И мой долг добиться этого.

— Эге! Так вот какому долгу клятва давалась!

— Клятва давалась жизнью, которая принадлежит не Генри Гри и не Генриэтте Грин, а миллионам обездоленных американцев! Ради них были пройдены все математические тесты и физические испытания. Вот и суди теперь сам, кого я должна спасать: трех человек, терпящих бедствие в космосе, или три миллиона американцев?

— Да, задаешь ты мне задачу! Выходит дело, ты лететь с нами не хочешь?

— Еще как хочу, но есть особая тайна, Бережной. Узнать ее — это понимать, чего стоит мне отказаться от полета с тобой и Никитой.

— А Никита при чем? Он незаменимый штурман. У него таких вопросов возникнуть не может.

— Нет, командир, я не о том...

Послышались всплески весел. Мальчишки возвращались, гребя теперь против течения.

— А они правильно сказали про влюбленных, Бережной.

— Про кого?

— Про меня, командир, — и Генриэтта задорно помахала мальчуганам сорванной веткой. — Разведчики, прокатите в лодке! — крикнула она.

Ребята смутились, посовещались немного и стали подгребать к берегу.

— Нет, ребята, я пошутила! — снова крикнула американка. — У меня командир такой строгий!

— Какой командир? — заинтересовались мальчики.

— Бережной, звездолетчик! Знаете такого?

— Ух ты! — воскликнул один из ребят.

— А Никиту Вязова вы знаете? — крикнул другой.

— Еще бы! А ты?

— Он меня, Сашу Кузнецова, и вот его, Витю Стрелецкого, из воды вытащил. Передайте ему, мы его всегда помнить будем!

— Передам, непременно передам! — ответила Генриэтта.

Лодка стала удаляться.

— Славные ребята! — глядя вслед ей, сказала американка и добавила: — Да и Никиту, наверное, тоже любят.

— Что значит тоже? — насторожился Бережной.

— Что такое «тоже», спрашиваешь? Отвечу, командир, что ради своего долга, о котором ты теперь знаешь, я отказываюсь от своего счастья.

— От какого счастья?

— От звездного счастья! Когда в полете тайна раскрылась бы, я бы во всем призналась Никите.

— В том, что ты женщина?

— Это он сам понял бы. Нет, открылась бы в своих чувствах к нему!

Бережной свистнул.

— Ну знаешь! Я никогда не был фаталистом, но теперь вспоминаю поговорку, которой многие люди себя утешали.

— Какая поговорка?

— Что ни делается, все к лучшему! Хорошо, что не придется тебе признаваться Никите! Он на Земле оставляет чудную девушку.

— О, я не завидую ей! У нее пройдут годы, пока на его часах отсчитаются минуты. Она забудет его. Появятся муж, дети, внуки, правнуки, и только самые далекие ее потомки, может быть, дождутся нас с Никитой, по-прежнему молодых и счастливых.

— Чем счастливых?

— Взаимной любовью, командир, которая расцветет у тебя на глазах. Ты думаешь, что молодой мужчина за долгие годы полета не влюбится в летящую с ним рядом женщину? О, Бережной, если захочу, я могу быть обворожительной, но... всего этого, увы, не случится, ибо долг разведет каждого из нас в стороны.

— Не хотел бы я видеть все это!

— Тебе пришлось бы не только видеть, но и поженить нас. И знаешь, где? В невесомости, когда тяговый модуль начнет тормозить при подходе к спасаемому звездолету. Я всегда восхищалась тем, что парашютисты успевают справлять свадьбы в свободном полете. И завидовала им — прыгнут с самолета, повенчаются, бутылку шампанского с друзьями выпьют, а потом только парашют раскроют. И я хотела, чтобы так получилось и у нас!.. В командире должна воплощаться вся земная законность. Не правда ли? И тебе пришлось бы соединить нас брачными узами без уз тяготения. Не так ли? — Американка смеялась.

— Нет, не так! Не знаю, буду ли я венчать вас с Никитой сре-

ди звезд, но дезертировать тебе в последнюю минуту не дам. Это я твердо знаю. Да и никто не даст.

## БЕЗ УЗ ТЯГОТЕНИЯ

У костра сидели трое в серебристых костюмах звездолетчиков. Над огнем грелся котелок.

К самому берегу тихой речки подступали высокие сосны. В их вершинах гулял ветер, раскачивая ветви, а внизу все затаилось в тишине. Последние лучи солнца отразились в воде и погасли. Вдали за лесом разгоралась вечерняя заря.

— Дядя Жора. Вы ведь позволили так называть себя в лесу, — обратился к командиру звездолета штурман, показав рукой на чисто земной пейзаж, чудом перенесенный в отсек отдыха эффектом голографии.

— А как же! В такой красоте земной всякие чины и зва...

Внезапно все трое взлетели в воздух над берегом затихшей речки.

— Наконец-то! — радостно воскликнула звездолетчица.

— Ну что? Дождалась? — добродушно произнес командир, привычным движением выправляя свое тело, чтобы оно вертикально зависло над светящимися «угольями» электрического костра. Как сама вычислила, так и произошло.

Звездолетчица протянула в воздухе руку штурману, их пальцы встретились и соединились, как у парашютистов в групповом прыжке...

— Что? Невтерпеж? — улыбнулся командир. — Добре, добре. Приступаю сейчас к своим обязанностям представителя земной законности. Как вами задумано, так и будет.

— Да, да! Командир! Надо именно сейчас все проделать, пока наша жилая кабина догоняет тяговый модуль.

— Есть еще время, есть! Тяговый модуль только начал торможение. Пока еще выберется весь стокилометровый буксир, пока модуль отстанет от нас и натянет трос, десять свадеб можно сыграть в невесомости.

— Десять не надо, — усмехнулся штурман. — Только одну. Женить-то больше некого, разве что роботов?

— Пока некого, но ведь начнет когда-то человечество осваивать дальнейшее космическое пространство. Мужчины и женщины в полете годами рядом будут жить, тогда браки в космосе станут обыденностью. А вы, мои дорогие, пока первые, и года рядом не вытерпели. А потому, представляя нашу матушку-Землю, задам каждому из вас пустяковый вопрос. А вдруг получу отрицательный ответ?

— Задавайте, командир, задавайте! Готова отвечать!

— Начнем с тебя, штурман. Не передумал ли ты стать мужем нашей звездолетчицы, математика спасательного корабля «Крылов», которую так крепко за руку держишь, словно она лететь от тебя собирается?

— Это она меня так держит, командир. И мне от того радостно, потому что я не передумал стать ей верным мужем и постараюсь быть ее достойным.

— Добре сказано. А ты, математик корабля «Крылов», реши-

лась ли завладеть нашим штурманом и стать его женой?

— Согласна! Тысячу раз согласна.

— Зачем тысяча согласий? Достаточно одного. А вот за восемь месяцев, наверное, не раз обдумывала свое намерение?

— Вовсе нет! Я Никите сразу после старта сказала, но...

— Вот-вот, знаю я ваши «но» и причуды... Все романтики! Каскадерство лихое. Непременно требовалось в «свободном падении» свадьбу сыграть, как у парашютистов!

— Дело не в капризе воздушных каскадеров, — возразила звездолетчица. — Просто невесомость означает торможение нашего тягового модуля, начало сближения с оторвавшейся кабиной «Скорости». Потому и хотелось достойно отметить завершение первого этапа нашей экспедиции.

— Куда достойнее! — отозвался командир.

— И установление радиосвязи с первым звездным экипажем. Я была уже готова поговорить...

— С кем, с кем поговорить? — взъерошился командир.

— Хотя бы с первым американцем в Галактике.

— Это Вася-то Галлей — американец? — усмехнулся Никита. — Мы с ним вместе в калужской школе имени Циолковского учились. И родился он в Москве.

— В Москве-то в Москве, только в штате Массачусетс, — возразила звездолетчица. — Потом Йельский университет, Хьюстон, мыс Канаверал.

— Не в этом дело, — оборвал командир. — Ребятам нашим приходится считаться с нехваткой энергии и экономить даже на радиоприеме, позволяя себе только радиопеленг. Потерпи, пока не сблизимся с ними вплотную.

— Настоящую женскую красоту умение терпеть только подчеркивает, — добавил Никита.

— Сократ! — возмущенно бросила Никите его подруга.

— А пока что мы еще не рядом...

— Ну что ты, командир, — пробасил штурман. — Как же не рядом? Еще наши предки управляли по радио автоматическими станциями не за один, а за сотни миллионов километров. Можно считать, что сближение со «Скоростью» началось. Нашему математику верить можно.

— Тебе, штурман, верить ей всю жизнь придется.

— Я готов.

— Коли так, и невесомость стала символом завершения первого этапа нашего рейса, самое время связать вас брачными узами. Объявляю вас мужем и женой. Первой космической парой, соединившейся в звездном полете. Пока я говорю эти слова, на Земле нашей летят десятилетия, но вы вернетесь на Землю молодыми.

— Спасибо, командир. Будьте теперь нашим первым семейным гостем. Угостимся космической похлебкой, как бы в земном бору сваренной, — предложил штурман.

Пока в звездной бездне происходила эта необычайная свадьба, спасательный звездолет «Крылов» выполнял сложный маневр, сближаясь с жилым модулем звездолета «Скорость», летящим по инерции с оборванным буксиром.

Отведав свадебной похлебки, командир и счастливые молодоже-

ны перебрались в кабину управления, пролетев по знакомым коридорам, которые еще недавно не без усилий преодолевали из-за увеличенного тяготения, позволившего им, впрочем, менее чем за год догнать потерявшийся модуль.

— Запись радиogramмы со звездолета «Скорость», — доложил штурман, проглядывая ленты автоматических приборов.

— Знатно! Пока мы там на свадьбе гуляли, они...

— Отметили замедление нашего тягового модуля.

— Командир, — обернулась звездолетчица. — Все о'кэй. Пора задавать программу автопилоту.

— Никита, замени меня у ручного управления — у тебя реакция лучше моей. Я буду регулировать по компьютеру натяжение буксира. Как, штурман? Справишься? При малейшем сомнении бери управление на себя.

— Не понимаю, — отозвалась звездолетчица. — Неужели человек может тягаться с компьютером, в который я заложила оптимально рассчитанную программу?

— Ты, математик, за своего Пифагора, Архимеда или Диофанта не обижайся. Мы твой компьютер уважаем. Только имей в виду, что миллиард попыток в секунду еще не все, шахматная партия, бывает, за один ход проигрывается — натянись буксир рывком, может и у нас обрыв получиться, и тогда вместо одного двум скитальцам меж звезд блуждать придется. А на Земле звездолетов такого класса не осталось.

— Не доверяете все-таки машине?

— И машине чуть-чуть, и программисту немножко, уж ты не сердчай. Командиром станешь, так же поступишь. Или не так? Ведь любой компьютер не замена, а только помощник человеку.

— А я-то старалась, — вздохнула звездолетчица.

— И не зря старалась. Иначе тебя с собой мы не взяли бы.

Через иллюминатор кабины управления в электронный бинокль можно было видеть, как постепенно выбирается на фоне застывшей звездной россыпи ниточка буксира, связывающего два модуля спасательного звездолета. В отличие от оборвавшегося буксира этот был заключен в трубу, по которой из технического модуля пропускался огромный высокочастотный ток, мгновенно превращая в пар любую крупинку вещества, возникавшую в результате перевозбуждения квантов вакуума, благодаря чему сам буксир со всеми кабелями энергоснабжения и передачи команд оставался надежно защищенным.

Ни Вязову, ни Бережному не привелось дублировать автоматическое управление. Когда буксир почти натянулся, отставший технический модуль по команде компьютера немного увеличил скорость, почти сравняв ее со скоростью летящего по инерции жилого модуля. Буксир плавно натянулся и заставил жилой модуль развернуться.

В кабине это стало заметно по движению звезд, которые серебристым потоком понеслись в иллюминаторе. Наконец звездолетчики ощутили появление силы тяжести и плавно опустились на пол кабины.

— Ну, штурман! Поздравляю тебя с такой женой! К математике ее не подкупаешься — зря, выходит, мы с тобой наши грубые мужицкие руки к штурвалам потянули... Женский ум нам мужскую силу проявить так и не дал. Сочувствую тебе, Никита.

Если у вас так дело пойдет и дальше, жить тебе, бедняге, под высоким каблучком, как в старину говаривали.

— Она высоких каблучков не носит, командир.

— Зато другие трюки ее мне хорошо известны. Давай, телеграфируй Алексею Крылову. Поздравь его — мы теперь от «Скорости» не дальше, чем Луна от Земли. Слова наши эти через какие-нибудь три-четыре секунды примут.

— Есть, командир. Передаю «Скорости» лунный привет.

— Ну, давай, штурман! Им всякий привет с Земли радостен, в особенности лунный.

## УГАДАННОЕ ИМЯ

В кабине управления жилого модуля было темно. Лампочка аварийного освещения давно покрылась густо-синим льдом из кристаллов углекислоты, азота и кислорода. Такой же лед морозным узором — как зимой на окнах, уже не раз оседал на стеклах иллюминаторов, но оттуда его почти сразу же счищали.

Перед пультом неподвижно висели три скафандра, предназначенные для выхода в открытый космос.

Казалось, в кабине нет никого, но это было не так.

Заклученные в скафандры звездолетчики из экономии старались обходиться без шлемофонов. Энергия не только в модуле, но и в скафандрах иссякала. Температуры в вакууме и внутри оторвавшейся жилой кабины почти сравнялись. Звездолетчики забыли, когда у них горело освещение, когда включался электрообогрев, но все равно верили, что помощь придет.

И она пришла. Первые радиосигналы были уже получены.

— Разрешаю пользоваться шлемофоном, — в наушниках раздался голос командира звездолета.

— Дать радиопеленг?

— Подождите, командир, надо хоть немного отогреть компьютер. Я проверю, не начал ли тормозить их технический модуль.

— Валяй, Вася. Заодно можешь себе горячего чая разогреть.

— Обойдусь, командир. Боюсь обжечься. Последние остатки энергии ушли на обогрев компьютера.

— Тормозит! Точно тормозит! — обрадованно заявил Галлей. — На хвосте у жилого модуля тяговый сидит и назад тянет.

— Это и без компьютера видно. Модуль нас догнал, а теперь застыл, сравнял скорости. Значит, ускорения уже не должно быть, — закончил Федоров.

— У них там наверняка веселье. Удачную операцию отмечают.

— А может, еще и с горячей похлебкой? — подзадоривал штурман.

— Не напоминай, Федор Нилыч, не надо!

— Кстати, Вася, там вроде бы женский голос слышался. Не иначе, летит выручать тебя твоя Кассиопея.

И все трое молча смотрели на приближающийся к ним спасательный модуль.

— Пожалуй, пора погреться в их жилой кабине, — нарушил молчание Крылов.

— Собраться недолго. Бортжурнал со мной. Разве что Вася забыл портрет Кассиопеи, так она сама его встретит.

— Ладно вам. Надо отдраивать люки.

Галлей и штурман вдвоем бросились к механизмам, открывающим люки шлюза.

— Командир! — слышалось в шлеме Крылова. — Механизмы замерзли. Пробовали включить отопление. Прибор показывает нуль, последнюю энергию Васькин компьютер съел.

— Ну что ж, — усмехнулся Крылов. — Значит, зря за нами спасатели летели. Какое решение предложите? Попросить, чтобы на буксир нашу обледенелую кабину взяли?

— Так ведь энергии нет, — пробурчал штурман.

— В вас я энергии не вижу, — огорченно сказал Крылов, — ваши мыслительные аппараты хуже обесточенных компьютеров.

— Верно, командир! И как сразу не додумались! Есть энергия!

— Откуда?

— От реактивных двигателей скафандров. Федор Нилыч мне сейчас на реактивные дюзы показал, а я и сам, признаться, догадался.

Командир звездолета присоединился к своим товарищам. Они включили реактивные двигатели. Яркое пламя осветило кабину. Казалось, все внутри задымилось так, словно начался пожар.

Всего несколько мгновений работали двигатели в космическом аппарате — и твердый воздух внутри его снова стал газообразным.

— Шлюзовые люки теперь открывать будем не сразу. Не то опять все заморозим, — размышлял командир. Потом уже решительно добавил: — Штурман и Галлей, перебирайтесь в шлюз, а я буду наблюдать в иллюминатор сближение с модулем. Через шлемофон дам команду выходить в космос. Сначала Галлей, потом Федоров, а я следом за вами.

Крылов, поднеся к очкам скафандра электронный бинокль, всматривался в рассыпанную в черной бездне звездную пыль, на фоне которой постепенно увеличивался в размерах от звездочки до маленькой луны посланец Земли.

Он уже знал, что командиром спасательного звездолета был его школьный друг Жорка Бережной. Интересно, кого он взял с собой? Всех дублеров Крылов знал наперечет, но женщин среди них не было. О каком женском голосе болтал Федя Федоров? Или просто Ваську подначивал?

Когда спасательный модуль закрыл собой весь иллюминатор, Крылов подал команду, которую от него ждали Федоров и Галлей. Они включили механизм отдраивания наружного люка. Однако открыть его полностью не удалось — оказалось обледенение.

Спасательный модуль был виден через люк шлюза, в трех-четыре километрах. Вася Галлей, самый тонкий из них, нырнул в полуотдраенный люк и сравнительно легко выбрался наружу. Федорову пришлось труднее. Однако и ему в конце концов с помощью перебравшегося в шлюз Крылова удалось вылезти.

Теперь обоим предстояло лететь к «Крылову», а сам Алексей Крылов должен был покинуть застывший модуль последним.

Но реактивный двигатель скафандра мешал ему протиснуться в узкое отверстие. Вот если бы ребята не улетели и помогли ему снаружи! В шлемофоне слышались их голоса, но где они сами?

С трудом Крылову удалось высунуть руку и голову, чуть повернуться, и он увидел, что оба его товарища ждут у люка.

Они подхватили его под руки и стали тянуть. Реактивный двигатель скафандра заклинило. Крылов решился и включил свой реактивный двигатель, чтобы с помощью его тяги вырваться из шлюза.

Но все было напрасно!

— Придется подхватить меня ремнями под мышки. Рванем!

— Тремя двигателями? — спросил Галлей.

— Как выйдет, — уклончиво ответил Крылов.

Приказ его был выполнен, два звездолетчика в скафандрах взяли на буксир застрявшего командира и включили свои реактивные двигатели. Пламя вырвалось из них, облизывая обшивку модуля. Скафандр, казалось, сдвинулся с места... Ранец с реактивным двигателем прочно засел в люке. Крылов успел ослабить ремни и... Два звездолетчика вынесли в звездную бездну треть-его без оставшейся в модуле ракеты!

Так, вместе, все трое и полетели к спасательному модулю, сиявшему яркими огнями.

Подлетев к нему, космические странники сначала коснулись обшивки модуля, словно ощупывая его, не веря в его реальность. Потом стали двигаться к зияющему в знакомом месте отверстию приемного люка и нырнули в него один за другим.

— Наконец-то! — произнес Галлей, когда наружный люк закрылся за ними.

— Вроде дома, — заметил Федор.

Шлюз наполнялся воздухом. Трое спасенных ждали, когда откроется внутренний люк.

Шлюз был едва освещен. Свет же из открывшегося внутреннего люка ослепил звездолетчиков. В невесомости первым проплыл через люк Галлей, потом Федоров и, наконец, Крылов.

Трое спасателей без скафандров, но в одинаковых серебристых комбинезонах встречали прибывших, помогая им снять гермошлемы и освободиться от скафандров.

Крылов смотрел перед собой и не верил глазам.

— Надя! — крикнул он, обнимая бросившуюся ему на грудь дочь. — До чего же правильно я дал тебе имя Надежда!

## ЭПИЛОГ

Гигантский звездолет, затормозив, снизил свою субсветовую скорость, вошел в планетную систему желтой звезды, которую он отыскал среди мириад других солнц.

Экипаж из шести звездолетчиков с помощью совершенной аппаратуры установил существование в планетной системе кольца космических тел, судя по всему, обломков когда-то огромной планеты.

На третьей от звезды планете была обнаружена разумная жизнь. Однако техническое развитие найденной цивилизации оказалось не таким высоким. Не было отмечено использования электромагнитных излучений для связи или дальновидения, хотя одиночные электрические разряды неатмосферного происхождения все же были зафиксированы и могли служить свидетельством примитивных попыток сигнализации. Это открытие насторожило звездолетчиков, поскольку свидетельствовало о том, что общество



находилось на пороге овладения внутренней энергией атома. Судя по земной истории, можно было предположить, что спустя два-три десятка циклов обращений планеты вокруг светила обитатели планеты могут использовать расщепление атома во зло и уничтожение.

Еще до того как было принято решение, звездолет вывели на околопланетную орбиту.

На поверхности планеты можно было увидеть все признаки развитой цивилизации. Огромные пространства меняли свою окраску, очевидно, по мере созревания местных культурных растений. В водных пространствах, разделяющих материки, суда плавали без помощи ветра, и это говорило об использовании обитателями планеты искусственных видов энергии. Внутри городов были хорошо видны тончайшие ниточки путей искусственного происхождения. По путям двигались вереницы экипажей, использующие не силу животных, а машинную тягу. Этот период развития был хорошо знаком звездолетчикам по истории своего общества, и она подсказывала прилетевшим необходимость немедленных действий.

Они знали, что их долг — опуститься на планету и начать на ней «миссионерскую» деятельность, приводя в пример собственную историю и историю цивилизаций этой же планетной системы, в которой погибая планета, превратившаяся в кольцо обломков, видимо, когда-то была населена и ее обитатели не смогли предотвратить безумие разума, освободив в целях уничтожения внутреннюю энергию атома, что привело к гибели всей планеты.

Нечего было и думать о том, чтобы посадить гигантский звездолет на планету. Пришлось воспользоваться малым спусковым устройством, на котором потом можно снова подняться в космос и найти оставленный звездолет.

Бросить звездолет без надзора было бы неразумно — лучше избегать непредвиденных случайностей. Но кому из шестерых остаться на нем, пока его товарищи выполняют задуманное и вернутся обратно? Полна неизвестности была судьба тех, кто высаживался на чужую планету, но жизнь единственного остающегося на звездолете страшила своей определенностью и одиночеством.

И тут один из членов экипажа добровольно вызвался остаться и ждать их возвращения на околоземной орбите.

— Я не буду одинокой, поскольку жду ребенка и успею даже воспитать его к вашему возвращению, — заявила единственная звездолетчица.

Спускаться решили в пустынном месте: в лесной глуши или в горах, где спусковое устройство могло сохраниться и откуда проповедники Спасения планеты должны были начать свой нелегкий путь. Но они знали, на что шли. Высшая цель вела их, и они меньше всего думали о том, что совершают подвиг. Они просто выполняли задуманное еще до начала их звездного рейса.

Звездолетчица с волнением прощалась со всеми, но когда она обняла отца будущего ребенка, ее сердце похолодело. Она попробовала улыбнуться, уверяя, что они вернутся домой всемером и застанут на своей родине золотой век.

Спусковое устройство отделилось от звездолета. Она знала вы-

бранное для посадки место, но все равно не отходила от смотрового отверстия, нацелив прибор наблюдения в пустынный лесистый участок на наиболее крупном материке планеты.

Она собственными глазами увидела чудовищный взрыв в том месте, где должно было быть спусковое устройство с ее друзьями. Огненный столб взвился с поверхности планеты. В атмосфере расплылась черная, закрывшая лесное пространство туча.

Она не рассеялась, неподвижно зависнув над местом катастрофы, и когда звездолет совершил полный оборот по своей околопланетной орбите, туча продуктов взрыва продолжала висеть.

Звездолетчица рыдала, билась головой о холодные стенки кабины, когда вдруг почувствовала, что именно сейчас ее одиночество будет нарушено.

Это произошло до срока, но виной тому была увиденная ею катастрофа.

Ребенок родился мертвым.

Еще один удар обрушился на несчастную. Волосы ее стали белыми, как у самой старой из ее бабушек, оставленных в звездной дали.

Но велика сила надежды. Звездолетчица подумала, что ее друзья, предвидя вызванную им понятной причиной катастрофу, могли успеть выброситься на специальных аппаратах и опустились на поверхность планеты без своего погибшего спускового устройства. Если друзья живы, то они будут выполнять свой долг. Кроме того, они отдадут обитателям планеты свои знания, и те создадут устройство, способное поднять инопланетных гостей на околоземную орбиту, где она будет ждать их наготовом к обратному рейсу звездолете.

Но эти мысли пришли ей в голову сразу после катастрофы, а потом... потом потянулись один за другим однообразные и пустые, сводящие с ума циклы. Если бы ее волосы не поседели сразу после катастрофы, срок побелеть им настал бы сейчас. Когда атомные взрывы лучше всего остальных доказали ей провал миссии ее товарищей, надежду сменило отчаяние.

Будучи математиком, она вычислила, что звездолет за прошедшие тридцать семь циклов (планетных лет!) потерял высоту. Она сумела поднять его снова на первоначальную орбиту, однако понимала, что это возможно, пока она жива.

Спустя сорок циклов (сорок планетных лет!) она поняла, что после ее смерти, приближение которой она уже ощущала, гигантский звездолет будет год за годом терять высоту и когда-нибудь упадет на планету.

Тогда она подготовила взрывное устройство, которое через семь циклов, когда ее уже не будет в живых, должно было вызвать взрыв и превратить гигантский звездолет в множество мелких осколков, уже не представляющих опасности для жителей планеты.

Она перестала жить незадолго до подготовленного ею взрыва звездолета, который произошел 18 декабря 1955 года по земному летоисчислению, через 47 лет после загадочного взрыва в Тунгусской тайге в тысяча девятьсот восьмом году.

Американский астроном Джон Бигбю в тысяча девятьсот шестьдесят девятом году обнаружил десять космических тел (малых лун). Их траектории сходились в одной точке, в кото-

рой неведомое ему космическое тело распалось восемнадцатого декабря тысяча девятьсот пятьдесят пятого года, за два года до появления первого искусственного спутника Земли.

Лишь немногие умы выдвинули тогда предположение, что и тунгусская катастрофа, и взрыв на околоземной орбите — гибель инопланетных объектов, пытавшихся установить контакт с людьми. Долгие годы всякое упоминание о внеземном разуме в связи с тунгусской загадкой отвергалось с негодованием.

Однако находка спустя почти семьдесят лет вдалеке от тунгусской катастрофы обломка инженерной конструкции из редкоземельных составляющих, соединенных по неизвестной на Земле технологии, заставила землян пристальнее взглянуть на события, разделенные временем, но способные объяснить друг друга.

И лишь спустя сотни лет человечество выросло настолько, что само подняло те идеи, которые, быть может, должны были взести в нашу жизнь нам неведомых героев Вселенной, погибших в тысяча девятьсот восьмом году.

В тунгусской глуши, в эпицентре взрыва был зажжен незатахающий огонь — знак благодарности и восхищения подвигом, который мог бы остаться безвестным. Люди разных стран и теперь считают своим долгом преодолевать тысячи километров, чтобы увидеть этот огонь памяти о тех, кто стремился предотвратить на Земле куда большую катастрофу, чем та, которая погубила их самих.

А шестеро посланцев Земли, неся с собой эти высокие идеи, летели в звездные дали, оставив память в далеких поколениях лишь о своем отлете.

Такой могла быть судьба инопланетных Героев Звезд, искавших в тысяча девятьсот восьмом году встречи с людьми, может быть, чтобы предотвратить у них ядерную катастрофу. И в инопланетном экипаже допустимо предположить подобную нашей Наде отважную звездонавтку, последней разделившую участь своих соратников.

Разгаданная на Земле тайна тунгусской катастрофы послужила не только предостережением нашим звездолетчикам, но и примером беззаветной отваги, которая и вдохновила наших героев спустя много лет на подобный же полет в звездные дали в ином масштабе времени, когда промелькнул для них незаметно земные столетия. Их отлет с Земли останется в памяти поколений, которым предстоит оценить после удачного их возвращения все ими перенесенное.



Художник Игорь БЛИОХ

Заявление

от Верджинии Христовой Кандиларовой, проживающей: город София, микрорайон «Младост — V», блок 505, подъезд E, этаж 5, квартира 13.

Товарищ начальник,

исчез мой муж! Он отдыхал по путевке в санатории шахтеров на курорте «Милина вода» и должен был вернуться не позже 30 сентября, а его до сих пор нет. Это заставляет меня тревожиться. Прошу начать розыск и найти его. Убедительно вас прошу!

С уважением — Верджиния Кандиларова.

Р. S. Моего мужа зовут Петко Христов Кандиларов».

Странно, с чего бы это на него, на старшего инспектора, шеф возложил такую пустяковую задачу? Впрочем, беря листок бумаги из рук полковника, Траян заметил на обычно невозмутимой физиономии Цветанова выражение лукавства... И потом, что за нелепица: «Начальнику МВД!» Начальник же, долго не раздумывая, начертал зеленым фломастером в левом верхнем углу: «Майору Бурскому — к исполнению».

Один звонок в санаторий — и дельце с плеч долой.

Но именно вслед за звонком и посыпались неожиданности.

Директора, как и следовало ожидать, на месте не было. А секретарша директора, которая, судя по ее амбициям, вершила все санаторские дела, отказалась дать необходимые сведения. «Приезжайте к нам сами, по телефону справок не даем! — отрезала она и, пока Траян приходил в себя, добавила: — Избави бог от любопытных, я вам не справочное бюро». В конце концов после долгих увещеваний она сооблаговостила сообщить, что никакой такой Кандиларов вообще у них не появлялся. Обиженная, она в отместку так долго наводила справки, что Бурский даже начал отчаиваться.

Не появлялся! Что бы это могло означать? Прежде всего то, что Кандиларов, поди узнай почему, не явился с путевкой на курорт «Милина вода». Такое бывает, когда, например, есть возможность провести время поинтереснее, чем возле минеральных источников. Но тогда, дабы прикрыть свою авантюру, надо хоть возвратиться домой вовремя, день в день, как указано в путевке.

Бурский раскрыл телефонный справочник. Кандиларовых насчитывалось два десятка, но ни Петко, ни Верджинии там не значилось.

В это время появился заместитель Бурского, капитан Шатов. Кивнул, даже не спросив насчет проведенного отпуска, и придвинул телефон к себе. Но прежде чем набирать номер, посмотрел на своего озадаченного начальника.

— В чем дело? Отчего такой понурый?

Бурский пожал плечами.

— Что-нибудь серьезное?

Пришлось ему рассказать.

— Ну, если только этот пустяк тебя мучит — подключи меня. Давай я сварганю кофе, и пока ты будешь им наслаждаться, я свяжусь с кем надо на курорте.

Через два часа с курорта «Милина вода» позвонил старший лейтенант Левков и доложил, что побывал в шахтерском санатории и лично проверил списки отдыхающих. Разыскиваемый гражданин — Петко Христов Кандиларов — в этом году там не отдыхал вообще. Ни в смене с 16 сентября, ни в предыдущие. Левков даже перестарался, он явно жаждал потрафить столичному начальству.

— Каковы дальнейшие указания? — спросил Шатов.

— Да-а... — Бурский задумался. — Это не одно и то же — искать пропавшего три дня назад или три недели.

— Чего раздумывать, нужно немедленно посетить мадам Кандиларову.

Прихожая оказалась необыкновенно большой, но до отказа забитой самой разнообразной мебелью. В исполинском зеркале на стене отражались подставки для зонтов, для сумок, какие-то сундуки, калошницы, стульчики, пуфики, шкафчики, а над всем царила необъятная — под стать зеркалу — вешалка, способная вместить одежду нескольких десятков гостей.

И уж вовсе поражал воображение холл. Не менее чем на сорока квадратных метрах тут красовались: японский цветной телевизор, сверкающий музыкальный комбайн размерами со шкаф и рядом с ним японский кассетник (примерно полторы тысячи левов, если перевести на болгарские деньги, отметил про себя Бурский). Из валютных магазинов была и роскошная люстра с семью плафонами, и, разумеется, мебель: столик, покрытый толстым черным стеклом, диван и три глубоких кресла, обитых темно-коричневой кожей.

— Майор Бурский, — представился Траян. — А это мой коллега, капитан Шатов.

— Нашелся мой муж? — спросила Кандиларова.

— Пока нет. Потому мы и пришли к вам. Мы ведь почти ничего о нем не знаем.

Вопросы задавали по очереди, ответы и уточнения записывал Шатов. Хозяйка отвечала быстро, исчерпывающе и почти не размышляя.

Установили, что Петко Кандиларов родился в 1930 году в городе Павликены. Уже довольно долго работал он в райсовете и возвысился до должности (Верджиния явно этим гордилась) заведующего отделом координации. В молодости он был женат на «одной идиотке», как выразилась Кандиларова, и завел с нею «двух внебрачных ублюдков».

— Смушает нас одно обстоятельство... — сказал Бурский. — Кандиларов вообще не появился в шахтерском санатории. Ни шестнадцатого сентября, ни к концу смены.

— Что?! — искренне изумилась женщина. — Как так — не появился! Нет, вы ошибаетесь.

— Ошибка исключена, мы проверили дважды. Вспомните, у него действительно была путевка в «Милину воду»? Ведь есть и другие санатории для шахтеров.

— Он сам показывал мне путевку. Перед отъездом. Даже заставил меня ее прочитать. И открытку прислал из санатория, на ней — корпус, где он жил, и крестиком помечена его комната — да, именно крестиком.

— Не могли бы вы показать эту открытку? — попросил Бурский.

На открытке было запечатлено некрасивое трехэтажное строение на зеленой лужайке. Справа одно из окон второго этажа помечено было черной буквой «х». На обороте — адрес Кандиларовых и короткий текст:

«Среда, 18 сентября. Любимая моя Виргиния, приветствую тебя с курорта «Милина вода». Разместили меня хорошо, помещаю крестиком мою комнату. Вид отсюда превосходный. Никто мне не мешает. Целую тебя. Твой Петко».

На почтовом штемпеле значилось: «Милина вода», 17 сентября.

— Это его почерк? — спросил Бурский.

— Конечно. А вы сомневаетесь?

— Хорошо, мы еще раз проверим на месте. Но открытку вы должны отдать мне. На время, — сказал Бурский и, заметив, что она колеблется, добавил: — Пока это единственное доказательство, что ваш супруг действительно был в санатории.

— Разумеется, почему бы мне вам ее и не отдать... Тем более, что...

— Пожалуйста, договаривайте.

— Муж всегда звал меня Джина, а на открытке написано «Виргиния». Мое имя Верджиния, и он прекрасно это знает. Знает и то, что я настаиваю на правильном произношении. Почему он написал неправильно?

— Вот он вернется, и вы его спросите. А сейчас, пожалуйста, дайте нам несколько его фотографий. Желательно последних. Они будут возвращены.

— Зачем понадобились его снимки? Вы думаете... плохое с ним что-то случилось?

— Плохое ли, хорошее — пока сказать трудно. Но явно что-то случилось.

Кандиларова вышла в другую комнату и вскоре вернулась с тремя фотографиями. Одна, любительская, запечатлела супругов Кандиларовых в саду, на двух других исчезнувший муж был снят для документов перед поездкой за границу.

— Он снимался в начале этого года. Ездил в Швейцарию по линии «Балкантуриста», — пояснила Верджиния.

Бурский спрятал фотографии в карман, снова пообещав вернуть, и попрощался. Уже у выхода Шатев спросил хозяйку:

— Простите, еще вопрос. Вы сказали, что ваш супруг настойчиво предлагал вам взглянуть на путевку, даже ознакомиться с ее содержанием. Как вы объясните такую настойчивость? Может быть, вы выразили какое-то сомнение?

— Никакого такого сомнения я не выражала. Но, повторяю, несколько удивилась. Мне подумалось: уж не захотел ли мой

муж куда-то отлучиться по делам и для отвода глаз подсовывает мне эту путевку?

— Мысль интересная, — согласился Шатов. — А может быть, измена?.. Это могло бы дать направление розыску.

— Еще чего! — Женщина бросила на него дерзкий взгляд, предельно дерзкий и откровенный. — Он старше меня на двадцать пять годков!

В Управлении Шатов взял служебную машину и с открыткой в кармане поехал на курорт «Милина вода». Езды туда было больше часа, и возвратиться он рассчитывал после обеда, никак не раньше.

Бурский же отправился в райсовет, где работал Кандиларов. Как водится, сначала обратился в отдел кадров. Начальник отдела пребывал в полном неведении — никакого заявления о продлении отпуска от работника, интересующего товарища майора, не поступало. По всем правилам следовало бы уже вынести административное взыскание за прогул, но начальство не упустило возможность высказаться по поводу, конечно же, бездушного отношения к кадрам и обязало уведомить милицию...

Внимательно ознакомившись с личным делом, Бурский ничего полезного для себя не нашел. Кроме обычных анкетных данных, здесь были выписки из приказов о благодарностях и денежных премиях, небольших, но выдаваемых регулярно, два-три раза в год. По всем статьям выходило, что Петко Кандиларов хороший, даже отличный служащий райсовета. Тем поразительней было неприязненное отношение к нему заведующего отделом кадров, человека не первой молодости, седого, с изможденным лицом. Кадровик старой школы. Своей враждебности он и не скрывал, а на вопрос Бурского по этому поводу ответил откровенно:

— Видите ли, ни в чем конкретном я упрекнуть Кандиларова не могу. Таких теперь развелось хоть пруд пруди. К любому и всякому, будь то начальник, или вахтер, или уборщица, он подступает с бесконечной любезностью и учтивостью...

— Извините, с каких это пор учтивость и любезность попали в разряд недостатков? — с улыбкой осведомился Бурский.

— Поймите, все это показуха, лицемерие, пыль в глаза. Лишний раз подсуется, вернуть красивое словечко — это же самый дешевый товар в человеческих отношениях. Тому, кто его продает, этот товарец не стоит ничего. Зато его втридорога оплачивают доверчивые простаки. Страшного напора деляга. Для него вообще не существует невозможного.

Около четырех появился Шатов. Еще в дверях, не дожидаясь вопросов начальника, капитан выпалил:

— Не был он там! Не был. Произошла какая-то ошибка. В комнате, обозначенной крестиком, жили двое из Шумена. Выходит, эта открытка, как говорим мы, юристы, — частный документ с неверной информацией. Допускаю, что написал ее сам Кандиларов — хотя и тут есть сомнения, надо подвергнуть открытку графологической экспертизе, — допускаю также, что он



мог лично опустить ее в почтовый ящик (и здесь сомнения немалые), но в санатории для шахтеров он не отдыхал.

— Может быть, в соседнем? Такие же трехэтажные коробки нагородили по всей Болгарии.

— Думал и об этом. «Милина вода» курорт далеко не фешенебельный, там санаториев — раз, два и обчелся. Я проверил все и могу поручиться: Кандиларов солгал.

Полковник Цветанов встретил их внимательным взглядом, в котором, как им обоим показалось, затаилась насмешка. Указательным пальцем он массировал переносицу, отчего черные очки ездили вверх-вниз — верный признак хорошего настроения.

— Ну как, разыскали пропавшего мужа? Передали с рук на руки любящей супруге? Да вы садитесь, не маячьте, и так видно, что оба выше меня... То есть не выше — длиннее!

Бурский рассказал все сбивчиво, но достаточно подробно.

— Что ж получается? — развел руками полковник. — Шестнадцатого сентября рано утром он целует на прощание супругу, и далее след его теряется, если не считать фальшивой открытки. И вы вдвоем не можете найти среди девяти миллионов соотечественников ни единого, кто бы его видел? Остановимся на версии «человек-невидимка»?

На этот игривый тон с подначками Бурский решил ответить подобающе:

— Открытка-невидимка не фальшивая, а с неверной информацией.

— Готов согласиться. Хотя, может, и фальшивка. Но сперва поделитесь вашими версиями об исчезнувшем.

— Первая. Он знал, что не поедет в санаторий, и показывал жене путевку для отвода глаз. А для вящей убедительности отправил с курорта открытку. Или попросил кого-то отправить ее.

— Что установили графологи?

— Жена уверена: на открытке почерк Кандиларова. Мы намерены немедленно передать ее в научно-технический отдел, — робко сказал Шатов.

— Значит, еще не передали. Продолжайте, Бурский.

— Допустим, Кандиларов спокойно перешел границу.

— Не бывает спокойных переходов границы. Переход или законный, или незаконный.

— Я бы начал с законного варианта, — почему-то вздохнул Шатов.

— И вы его уже проверили?

— Товарищ полковник, мы покамест...

— М-да. Похвально. С этого и следовало начинать. Графологи в неведении, пограничники не запрошены. Два — ноль в мою пользу.

Не ладится у нас сегодня с докладом, подумал Бурский. Обычно бойкий, порывистый, порою даже вспыльчивый, Шатов на сей раз отвечал как-то робко, растерянно. Кажется, его доконали шпильки начальства. Решил вмешаться:

— Товарищ полковник, идут лишь первые часы расследования, которое надо было бы начать почти три недели назад. Так что разрешите продолжить?

Полковник кивнул.

— Итак, первую версию придется пока оставить: при любовной интрижке Кандиларов не опоздал бы с возвращением к жене.

— Что же можно предположить?

— Возможно, Кандиларова похитили и где-нибудь прячут...

— Постой-постой! — оживился полковник. — Мысль заманчивая. Но тогда зачем ему было настойчиво советовать жене путевку, зачем открытку посылать?

— Верно, концы не сходятся. Хотя открытка может оказаться и поддельной. Пора действовать решительно — объявить всеобщий розыск!..

— Ситуация осложняется, — сказал полковник. — Задействовать механизм розыска — дело нешуточное. А пока дадим вам в помощь молодого энергичного помощника, полного криминалистических иллюзий. Пусть пооботрется возле вас. Зовут его Петко Тодорчев, он курсант факультета криминалистики. Сейчас я его вам представлю.

## 8 октября, вторник

Первое, что они узнали, запросив Центральный компьютер: Петко Христов Кандиларов никогда не был под судом и следствием. Затем поступили сообщения с пограничных КПП: после 15 сентября разыскиваемый гражданин Болгарию не покидал.

Разумеется, он мог пересечь границу с фальшивым паспортом, под чужим именем, то есть незаконно, хотя нарушений границы в указанное время не было зафиксировано.

Следом начали приходить ответы из окружных управлений милиции, моргов, больниц — безрезультатно.

Под вечер, когда все возможности исчерпались, Бурский сказал Шатеву и практиканту:

— Уважаемые коллеги, мы, кажется, в тупике. Что вы вообще думаете о загадке, заданной нам Кандиларовым? Высказывайтесь, Тодорчев.

Паренек смутился, даже слегка покраснел.

— Смелей, смелей, — приободрил его Шатев. — Наша профессия не для боязливых и застенчивых.

— Видите ли, я думаю, надо исключить возможность того, что этот... Кандиларов... задержался у какой-то женщины. В его годы люди не так уж часто рискуют общественным и семейным положением. Во всяком случае, у вас нет данных о том, что супруги не ладили, что дело шло к разводу...

Зазвонил телефон. Майор поднял трубку. Ответив собеседнику односложным «да», заторопился к выходу.

— Звонила Кандиларова, — сказал он уже в дверях. — Получила еще одно письмо от мужа — из Стамбула.

Письмо покоилось в сложенном вдвое листе белой бумаги. Большим пинцетом, извлеченным из среднего ящика стола, майор подцепил конверт и перенес его в круг света. Конверт был тонкий, размером больше обычного, с красными и синими ром-

биками по краям, левее марки с изображением Кемаля Ататюрка пестрела наклейка: «Авиа». В сильную лупу ясно прочитывались буквы стамбульской почты и дата — «02.10». Ниже черными чернилами значился адрес Кандиларовой. Виргинии, именно Виргинии Кандиларовой.

Все так же, пинцетом Бурский перевернул конверт. На штемпеле софийской почты значилось вчерашнее число, а в самом низу — приписка: «Отправитель: П. Христов».

В конверте лежала столь же непривычно большая цветная открытка с изображением знаменитой мечети, бывшей раньше не менее знаменитой византийской церковью Святой Софии.

«Милая Виргиния, со вчерашнего дня я нахожусь здесь, в Стамбуле, о чем и спешу тебе сообщить, чтобы не тревожилась за меня. Зачем и какими судьбами попал сюда — объясню при удобном случае. Открытку эту покажи кому следует, если появится необходимость. И знай: случившееся — к добру, как для меня, так, может быть, и для тебя.

Вскоре напишу обо всем подробнее, но уже из дальних краев. Надеюсь, что мы снова будем вместе.

Прощай. Твой П.».

## 10 октября, четверг

Стажер дежурил в отделе: ему пока что не решились поручить самостоятельную задачу. А для Бурского и Шатова два дня промелькнули в беготне, в бесчисленных телефонных разговорах. На третий день настало время докладывать полковнику, и все трое явились к нему в кабинет.

— Ну, будем носиться как угорелые или пора признать себя побежденными? — начал Цветанов свои подковырки. — Что же, поверите, что Кандиларов улизнул в Турцию, и прекратите расследование? Поскольку, мол, искать пропавшего супруга уже не имеет смысла.

— Дело Кандиларова, товарищ полковник, не такое уж и простое, — огрызнулся Бурский.

— Разумеется, разумеется. Нашему брату проще получать денежки в день зарплаты... Несколько труднее предложить, к примеру, интересную версию.

— Хорошо, тогда выслушайте ее. Графологическая экспертиза установила, что на обеих открытках почерк один — Петко Кандиларова. Дактилоскопический анализ материала столь же категоричен: отпечатки пальцев на открытках — только Кандиларова и его жены. На первой, конечно, обнаружены и другие отпечатки: ведь она была послана без конверта.

— Ага, намекаешь на то, что...

— Обойдемся без намеков. Традиционные графологические и дактилоскопические методы идентификации подтвердил электронно-вычислительный графоскоп. Экспертиза основывалась на достаточном исходном письменном материале, взятом из квартиры Кандиларова и из райсовета. Установлено также, что текст обеих открыток написан одной и той же авторучкой. Чернила

западной марки «Бриллиантшварц», у нас в продаже таких нет.

— И трех дней не прошло, — невозмутимо сказал полковник, — а как много всего установил электронный графоскоп...

— Ну, кое-что придется устанавливать нам, а не графоскопу, — обидчиво возразил Бурский. — Первое: действительно ли был Кандиларов в географических пунктах, указанных на открытках. И сам ли отправлял свои послания. И второй вопрос, независимо от ответа на первый: по своей воле Кандиларов писал и отправлял открытки или его принудили?

— Попробуй-ка принудить меня написать то, чего мне не хочется!

— Да он ведь не полковник милиции, товарищ полковник. К тому же неизвестно, какими средствами на него воздействовали.

— Или обманули! — вдруг вырвалось у Тодорчева.

— Вот именно. Совсем не обязательно насилие над волей, принуждение, проще прибегнуть к хитрости, обмануть, — согласился майор. — Но вернемся к первому вопросу: резонно ли предполагать, что кто-то хотел внушить супруге Кандиларова, а через нее, вероятно, и нам, что ее муж с шестнадцатого по тридцатое сентября находился в санатории шахтеров. Именно внушить, ибо мы-то бесспорно установили, что и духу его там не было. Почему бы не допустить, что и вторым посланием нас хотят ввести в заблуждение? Ведь если признать, что Кандиларов уже в Турции, то сама собой отпадает необходимость искать его в Болгарии.

— Хочешь сказать, что для нас разыграли спектакль? Мерси! Сначала попытайся ответить на такую реплику из зала: «Твоя версия построена на правиле «почерка преступника», не так ли?» Мол, тот, кто действовал определенным способом, обязательно его повторит. Только ведь нет правил без исключений. Кто погрузится, что наш случай — не исключение?

Бурский попытался было возразить, но полковник остановил его жестом.

— Потерпи! Этот твой гипотетический преступник, разве не обязан он был допустить, что как только мы обнаружим обман с первой открыткой, то наверняка поставим под сомнение и достоверность второй?

— Верно. Не будь первой, я бы не усомнился во второй.

— Вот так-то! И что из этого вытекает?

— Автор этих открыток, на мой взгляд, явно перестарался. Переборщил. Но вот почему?.. Не исключено, что просто по недомыслию, по собственной глупости. Вообще-то я избегаю оперировать версиями о глупом преступнике, слишком это опасно. Потому допускаю: трюк с открытками был кому-то необходим, чтобы оттянуть время, отдалить начало розыска. И следует признать, трюк удался, мы потеряли три с лишним недели. А сейчас, вполне возможно, трюкачу уже безразлично, будет ли обман раскрыт.

— В обеих открытках обращение к жене — «Милая Виргиния», — сказал Шатев. — А Кандиларова утверждает: иначе, как Джинной, муж ее не называл. Лично ее это больше всего и смутило. «Будто не он писал» — вот что она сказала. Давайте

задумаемся. Может быть, муж хотел таким образом предостеречь свою жену, а?

— Вот это мысль! — воскликнул Цветанов.

— Я убежден, что это странное обращение — не случайность. Должно быть, в обоих случаях Кандиларов не смог прибегнуть к открытому тексту. Значит, нечто, — Шатев возвысил голос, — препятствовало ему изъясняться свободно. А может, некто?.. Тогда о каком препятствии конкретно может идти речь? О принуждении, например. Об угрозах. О насилии... И другая странность — подпись отправителя: «П. Христов».

— Все-таки он из Турции пишет, — сказал Бурский. — Объявляет себя невозвращенцем.

— Ну и что? От турок он скрывается, что ли? — спросил полковник.

— А то, что «со вчерашнего дня» он в Стамбуле, но дату не уточняет, — гнул свое Бурский.

— Не хочет, чтобы установили, когда перешел границу.

— Намекает... да нет, прямо говорит: не намерен, мол, долго задерживаться в Турции, собираюсь в дальние края.

— Из Турции их обычно в Америку переправляют, а то и в Австралию, — проговорил полковник.

— Или нас опять пытаются надуть. Вынуждают ничего не предпринимать, пока он не скроется черт знает куда, — продолжал размышлять Бурский. — Чтобы и не пытались разыскивать его в Турции.

— Что еще, капитан Шатев? — немного выждав, спросил Цветанов.

— Еще... Содержание стамбульской открытки кажется мне чересчур сухим. Все-таки любимая женщина, на двадцать пять лет моложе. Кандиларов порывает с ней, может быть, навсегда. А подпись — точно на пустяковой записочке: «Твой П.» Заметьте: в первой открытке все гораздо сердечнее: «Целую тебя. Твой Петко».

Шатев замолчал, и трудно было понять, исчерпал он аргументы или ждет поддержки своих коллег.

— Ну так вот, — сказал полковник, досадливо махнув рукой. — Ничто меня не убеждает, что Кандиларов не пьет сейчас шербет на берегах Босфора. И если ни у кого нет более весомых аргументов, то мой вам совет, ребята: распрощайтесь с пустыми домыслами. Пора передавать дело коллегам из госбезопасности.

## 11 октября, пятница

На сей раз Цветанов встретил майора довольно любезно: последовали расспросы о здоровье, о самочувствии жены, об оценках и поведении детей. Не забыл он проявить интерес и к успехам капитана Шатева и стажера.

Тем временем секретарша принесла кофе и ледяной тоник в высоких бокалах — угощение, обычно предназначавшееся для гостей. Бурский живо смекнул, что и сервис, и дипломатические любезности затеяны неспроста, и терпеливо дожидался глав-

ного, стараясь не выказать удивления (лучший способ отомстить за вчерашний приказ).

— Сам знаешь, Траян, — как-то особенно проникновенно сказал полковник, — точность — вежливость королей. А вежливость милицеских начальников? В умении смело признавать свои ошибки. Почитай сообщение.

Бурский так и впился глазами в текст.

«На ваш запрос от 8 октября: Спедеологи общества «Хвойна» села Петровско обнаружили вчера в Подлой пещере тело мужчины средних лет, одетого по-городскому. Никаких документов при нем не было. Лицо обезображено до неузнаваемости. В нашем округе исчезнувших граждан нет. Труп находится в морге окружной больницы города Смоляна. Ждем распоряжений. Полковник Пепеланов».

— Думаете, Кандиларов? — спросил Бурский.

— Зачем вопрошаешь меня, низложенного апологета стамбульской версии? Уж коли появился труп, пусть и не Кандиларова, надо ехать. Возьми микроавтобус для бригады экспертов, своих ребят не забудь.

С выездом задержались изрядно — на два часа. Не из-за необходимости собрать экспертов (вся их группа готова была двинуться немедленно), а чтобы одеться для поездки в горы. Бурский успел связаться и с окружным управлением милиции в Смоляне, чтобы сориентироваться в обстановке и позвонить своему старому другу Аспаруху Лилкову, журналисту пловдивской газеты. Аспаруха он застал дома, тот сочинял очередную статью. Лилков с энтузиазмом воспринял идею сопровождать Бурского. Пухи, как называл его Бурский, превосходно знал Чернатицу, эту часть Централных Родоп.

В Пловдив добирались полтора часа, подкатили прямо к редакции, где их уже ждал Лилков, одетый как турист, с внушительным черным кожаным футляром через плечо — предметом его профессиональной гордости. Бурский знал, что в футляре два больших японских фотоаппарата, всегда заряженных (один цветной пленкой, другой — черно-белой), полный набор объективов, вспышка, запас пленки и прочее.

Захватив Лилкова, двинулись к Асеновграду.

— Расскажи, пожалуйста, что ты знаешь о Подлой пещере, — попросил Бурский приятеля. — Там обнаружен труп, и может, как раз того, кого мы ищем.

— Местные зовут ее Черной дырой, иногда — Чудной пещерой. Теперешнее название — результат умственных усилий спелеологов-интеллектуалов. Если поедешь по здешним селам и станешь спрашивать, где Подлая пещера, люди будут только плечами пожимать. Но не приведи господи испытать на себе ее подлость. В пещерах вообще полным-полно всяких подлостей: лабиринты, теснины, сифоны, пропасти, водопады... И черт знает что еще, вплоть до полчищ летучих мышей. Но у Черной дыры есть и свой коронный номер. Вход в нее легкий, удобный, из гладкого песчаника, потолок высокий. И кто войдет в нее впервые, допустим, в одиночку, без проводника, может даже не сгибаться. Но вот шаг, другой, дневной свет вмиг тускнеет,

глаза еще не адаптировались в темноте — и бац! — пропасть. «Бац» — в том смысле, что непременно в нее загремишь. Только это не вся еще подлость, не вся! Внизу, метрах в двадцати, ждет тебя не дождетсЯ ледяное озеро. Если ты, падая, не разбился об острые выступы, если даже и в озере не утонул, не спеши праздновать победу. Отыскать путь назад почти невозможно, кругом отвесные каменные стены — то есть вроде как продолжение подлости. Узенький проход вдруг кончается, и ты, хочешь не хочешь, должен повернуть вправо, переступить на скальный карниз, обогнуть озеро. А ближе к выходу пещера снова становится удобной и гостеприимной. Вот такие-то, братцы, дела...

Побывав в окружном управлении, поехали в морг. Сначала Бурский вошел туда один. Постояв над телом, к которому его подвели, он вернулся к своей группе.

— Пухи, останься здесь, — распорядился он. — Сторожите с шофером твою бесценную аппаратуру.

Он взглянул на стажера. Парень будто прочел его мысли — и первым двинулся к дверям морга. Что поделаешь, придется новичку привыкать.

Самым страшным было лицо — вернее, отсутствие лица. При виде этого кровавого месива Бурский подумал: «Хорошо все-таки, что не взяли сюда Кандиларову!..»

В помещении появился полковник Пепеланов из Смоленского окружного управления.

— В каком виде извлекли мы его из озера в пещере, в таком и оставили, — произнес он несколько загадочную для всех фразу, видимо, имея в виду, что тело не анатомировали. — Разве что, когда одежда высохла, карманы проверили. Но ничего не обнаружено. Ни документов, ни даже сигарет и спичек, хотя он курил, судя по желтым кончикам пальцев. А из воды его вытащили, чтобы сэкономить ваше время. До вашего приезда держали в холодильной камере. В таком вот виде, как и сейчас, с камнем на шее.

На мраморной плите лежал увесистый, килограммов на десять, камень. Он был крепко перевязан крест-накрест белой синтетической веревкой, вроде тех, что используют альпинисты.

— С камнем на шее! — нарушил молчание Шатев. — Классическое самоубийство. Когда он бросился в пропасть, он ведь еще и бился о выступы скалы. Вот потому и лицо...

— Цэ-цэ-цэ-цэ-цэ! — зацокал доктор Брымбаров.

— Что ты сказал? — спросил Шатев.

— Разве не видишь, что раны на лице — бескровные? Они нанесены тупым оружием уже после смерти бедняги. И лишь потом тело сбросили в озеро. Убийца не знал, что там мелко!.. Здесь будем вскрывать или повезем в Софию?

— В Софию, в Софию. Нельзя медлить. Только вот заглянем в пещеру, полюбопытствуем, что в ней подлого.

В разговор вступил трассолог Минчо Пырванов.

— Когда будете забирать его, — сказал он доктору, — оставьте мне одежду. И отпечатки надо снять.

Доктор взял набрякшую руку покойного и принялся рассматривать ее, словно хиромант. Рядом примостился Минчо с луной наготове.

— Изрядно размок, — сказал, сощурившись, Брымбаров. — Кто знает, сколько дней он пробыл в воде.

— Кто знает, тот знает, — вздохнул трассолог. — Материала для идентификации — с лихвой. Как обнаружили тело — оно плавало на поверхности?

— Да нет, — ответил полковник Пепеланов. — Там, где он упал, было не очень глубоко. Камень лежал на дне, а тело плавало в вертикальном положении. Одни ноги торчали над водой — по колени...

— Руки, ноги, — бормотал между тем бай Минчо. — Тут мне, пожалуй, больше всего его туфли помогут.

Склонившись над туфлями, он сосредоточенно разглядывал их в сильную лупу. Все подошли к трассологу ближе. Туфли были черные, блестящие, точно лаковые, с высокими каблучками. Обыкновенно такие носят низкорослые мужчины.

— Что ты обнаружил там, бай Минчо? — спросил Шатев.

Тот продолжал, посапывая, исследовать каждый квадратный сантиметр кожи. Затем развязал шнурки и как фокусник, вроде бы и не дотрагиваясь, ухитрился снять туфли.

— Та-ак... — проговорил наконец трассолог с нескрываемым азартом. — Та-ак, мои миленькие!.. Кто-то держал его за ноги. За туфли, если точнее.

В Петровском прежде всего разыскивали председателя местного клуба спелеологов Станачко Станачкова (он работал в общинном совете), который рассказал следующее.

Когда они вошли в пещеру, уже вечерело. Впрочем, там и днем темно, и потому спелеологи всегда ходят в пещеру с фонарями... На этот раз думали исследовать левый рукав Подлой Особой цели не преследовали, просто решили нанести на карту кое-какие мелкие детали. Шли всемером — четыре мужчины, три женщины. Были среди них новички. Пещера не из трудных, карстовая, даже без сталактитов. Разве что пропасть в самом ее начале, из-за которой пещеру и прозвали так некрасиво. Но какой спелеолог не знает о ней, об этой пропасти?

Часа два-три побродили в левом рукаве, осмотрели зал в самом его низу и уже ближе к выходу, в том месте, где сильнее всего выдается карниз над озером, обнаружили утопленника.

— Слышу вдруг визг, — рассказывал Станачко. — Кричала вроде бы Шинка, она была последней в связке. Ох и перепугался я: подумал, сорвалась. Скомандовал я всем не двигаться и пробрался к Шинке. Она фонарь погасила и всхлипывает, как ребенок. А девица внушительная, почти метр восемьдесят. «Ну чего ты разнюнилась?» — говорю ей строго. Она фонарь опять включила и направляет его луч в озеро. Гляжу: торчат над водою ноги в черных носках и черных лаковых туфлях. Тут и я перетрусил. А Шинка все светит туда и ревет. «Хватит вопить!» — прикрикнул я и, придерживая, повел ее впереди себя. Вылезли из пещеры все до одного в целости-сохранности и быстро спустились в село, откуда я сразу позвонил в окружное управление милиции. А вскоре снова пришлось карабкаться наверх, уже вместе с милиционерами.



— Боюсь, товарищ Станачков, придется вам и третий раз туда карабкаться, — сказал Бурский. — Но сначала нельзя ли поговорить с девушкой?

— С Шинкой-то? Чего проще. Через два дома отсюда. Сейчас позову, если, конечно, застану.

Вторую половину истории (о том, как тело перенесли в Смолен) поведал полковник Пепеланов. Причем с таким множеством ненужных подробностей, что Бурский вынужден был остановить его.

— А следы? — спросил он. — Следы на песке, в том месте, откуда он упал в пропасть?

— Ну, о следах мы подумали в первую очередь, — воскликнул Пепеланов. — Возле входа в пещеру земля была ужасно истоптана. Спелеологи входили, выходили, стояли. Но все жалось как-то вправо. А левее входа, метрах в десяти, обнаружили четкие следы. Судя по форме подошв, это ботинки... Понимаете!

— Хорошо, очень хорошо! — перебил майор. — Сделали слепки?

— Слепки в управлении. Мы их вам передадим. Но могу сказать заранее: они не от тех ботинок, понимаете? Не от тех, которые мы только что видели в морге...

Появился Станачков. Внешность пришедшей с ним девицы не оставляла сомнений: вот оно, истинное дитя гор, родопчанка!.. Высоченная, с длинными руками и ногами, мускулистая и вместе с тем плоская. У девушки были яркие зеленые глаза, но лицо, слишком крупное, с резкими чертами, напоминало мужское. И все же что-то привлекало в ее облике — наверное, глаза и буйные светло-русые волосы, свободно падающие на плечи. Вот с кого впору лепить богиню Нике, подумалось Бурскому.

Полковник предложил Шинке проводить их к пещере (поскольку Станачков отказался, сославшись на занятость), и прекрасная родопчанка согласилась — вероятно, сильное желание реабилитироваться в глазах окружающих толкнуло ее на это. Во всяком случае, видно было, что теперь она не трусит.

Опять сели в машину, полковник взобрался на любимое всеми начальниками место справа от шофера, дабы указывать путь, затем Бурский и остальные. На заднем сиденье примостились Шатев и родопская валькирия.

Напрямик от Петровского до пещеры было не больше двух километров, но горы есть горы: приходилось одолевать крутые холмы, где не было и подобия дороги, потом опять попали на шоссе, свернули на проселок и вскоре оказались перед лабиринтом в скалах. Дальше можно было идти только пешком.

— Если допустить, что убийца тоже остановил машину в этом месте, то отсюда он или нес тело, или волок его по камням... Значит, должны были остаться следы. Попробуем их отыскать? — предложил Бурский.

— Можно было бы попробовать, — сказал полковник Пепеланов. — Но в данном случае шансы у нас нулевые. Последние дни дожди лили, все следы смыты. Кроме тех, что в пещере.

Глубина озера не превышала полутора метров. Судя по тра-

ектории падения, удариться о выступы скал тело не могло. Подтверждалась версия о том, что сначала беднягу убили и обезобразили лицо...

Оба эксперта неустанно фотографировали, брали пробы грунта и озерной воды — в общем, делали все, что полагалось для следствия.

Едва машина тронулась в обратный путь, Шатев задал вопрос, который тревожил каждого:

— Так он это или не он?

— Больше никому, — ответил Бурский. — Других исчезнувших нет — ни в смолянском округе, ни вообще в стране.

— А я, друзья мои дорогие, — восторженно Лилков, — как истинный родопчанин более чем убежден, что убийца — здешний, поскольку он хорошо знает местность. Коли не знал бы о Подлой пещере, не притащил бы туда убитого бог весть откуда...

Шатев недоверчиво сощурился.

— Они могли туда вдвоем подняться. Когда тот был еще живой...

— Или втроем, — добавил Бурский. — Но подождем, что покажет вскрытие.

— Можно мне еще два слова? — Лилков поднял руку, требуя внимания. — Какой смысл людям, не знакомым с этими местами, появляться здесь с трупом или без оного? Нет, Подлую пещеру отлично знают только местные жители.

— А может, кто-нибудь из спелеологов? — возбужденно подхватил Тодорчев.

— Да что ты! — воскликнул Лилков. — Эти ребята, спелеологи, не посмеют осквернить пещеру. Они обожают ее, хоть она и Подлая, как альпинисты обожают свои снежные вершины и неприступные пики... Да и сезон закончился, это для преступника было важно! Если бы спелеологам из Петровского не взбрело в голову сунуться в пещеру, труп обнаружили бы через шесть-семь месяцев, никак не раньше начала следующего сезона. Извольте тогда расследовать... Конечно, этот тип поступил разумно — по всей звериной логике, — но упустил из виду деталь, известную только спелеологам: озеро-то мелкое. Будь оно метром глубже — покойник потонул бы весь, ноги бы не торчали, и Шинка не заметила бы их...

## 12 октября, суббота

Почти три часа продолжалась аутопсия. Наконец Брымбаров снял хирургические доспехи и повел майора в свой кабинет. Там он широко распахнул окна и попросил медсестру приготовить крепкий кофе.

— Два-три глотка — и ты придешь в себя. Тебе это, майор, не помешает, да и мне тоже. Подробности выяснятся только после лабораторного анализа. Но главное скажу: он захлебнулся в воде.

— ...поскольку найден с камнем на шее в озере?

— О, святая простота! В который раз тебя прошу: не при-

нижай уровень моих заключений до вашего уголовного образа мыслей. Мы ведь разговариваем после — уяснил? — после аутопсии, а не в пещере. Если помнишь, там я благоразумно молчал.

— Извини! Значит, раны на голове, обезображенное лицо...

— Да, *post mortem*<sup>1</sup>. Когда его уродовали, он был уже несколько часов мертвым, кровообращение давно прекратилось, кровь свернулась. Потому и нет на лице следов кровоизлияний.

— Вот тебе и курорт «Милина вода», и берега Босфора... Несужто его еще раньше утопили?

— Что-то не скоро до тебя доходит сегодня... Пойми, одно дело — захлебнувшийся в воде, точнее, под водой, и совсем другое — брошенный в воду уже мертвым. Это достаточно старая проблема, перед судебной медициной она встала еще в прошлом веке. Она давно решена — окончательно и бесповоротно! Знаешь, как? Когда человек попадает в воду живым — то есть когда он дышит и сердце бьется, — то вода, попадая в легкие, заполняет их, по венам легких проникает в левое предсердие и желудочек, но дальше ей нет пути — ведь сердце остановилось. И мы смотрим: наличествует в желудочке вода — стало быть, человек утонул живым. Если вода лишь в верхушках легких, значит, он попал в воду уже мертвым. Ты сам видел сегодня воду в левом предсердии. Смело можно предположить, что жертву сначала утопили, затем изуродовали, а уж после привезли в пещеру...

— Версия принята, дорогой доктор. Теперь о времени наступления смерти.

— Видишь ли, здесь все сложнее, а в нашем случае, может быть, и вообще безнадежно. Выводы можно делать лишь в первые часы после смерти, иногда в первые несколько суток. Для нас этот срок давно миновал. Человека этого утопили, может, неделю назад, а может, и две-три. Поэтому отвечу тебе осторожно, основываясь лишь на процессах разложения: со дня смерти прошла не одна неделя.

#### 14 октября, понедельник

Помимо проблем, вставших перед следствием, которое столкнулось с хитро замаскированным преступлением, предстояло решить и чисто гуманный вопрос — как уведомить Кандиларову.

— Есть три возможности, — докладывал полковнику Бурский. — Первая, правда, слишком грубая, я бы сказал, антигуманная: ведем вдову в морг и показываем ей тело. Это самый точный ход — кому, как не супруге, опознавать собственного мужа?

Цветанов, до сих пор молчавший, поморщился.

— Вы, собственно, с чем сюда пожаловали? Посоветоваться, узнать мое мнение или в очередной раз подразнить начальника? Проблема изложена так, что за первую «возможность» ухватится разве что закоренелый садист.

---

<sup>1</sup> После смерти (лат.).

— Извините, товарищ полковник. Значит, так... вторая возможность. Сообщаем вдове о смерти Кандиларова. Объясняем: тело в таком состоянии, что ей тяжело будет видеть его. По завершении исследований мы передадим ей покойного в закрытом гробу... Третья возможность — вообще не уведомлять бедную женщину. Кандиларова убеждена, что муж в Турции или, может, даже в Австралии, куда и сама, вероятно, надеется упорхнуть. Надо, по-моему, оставить ей все иллюзии и надежды.

— Ладно, — кивнул Цветанов. — А теперь ответьте положите руку на сердце: по возможности чистосердечно, какую из трех возможностей я, по-вашему, выберу?

Бурский и Шатов только переглянулись:

— Ясно, — продолжал полковник. — Красноречиво и искренне! Спасибо. Полагаете, что первую, угадал? Что, мол, взять с Цветанова: службист, закоснел, одеревенел, как и положено начальнику отдела в серьезном нашем заведении... Да, я вам не Эразм Роттердамский, не обессудьте. И все же остановлюсь я на третьем варианте. Даже не из гуманных, а из оперативно-тактических соображений. Следствие только-только началось. Никто еще не знает, что Кандиларов мертв, что его нашли там-то и там-то. Пусть пока вдова остается в неведении, иначе весть разнесется по знакомым, по городу.

Перелистывая какое-то старое дело, Бурский сидел не поднимая глаз. Скучающий Шатов долго курил, вздыхал и наконец потерял терпение.

— Не дает покоя вопрос, зачем преступнику надо было оттягивать время? Ведь он явно «работал» на то, чтобы расследование, вполне вероятное, происходило не скоро, не сейчас. И тут вырисовываются две версии...

— Не стесняйся, выкладывай, — приободрил его Бурский.

— Одна версия: чем позднее вмешается милиция, тем хуже для нее. Свидетели многое забудут, доказательства утратятся, дождь смоем следы. Так или иначе, есть все-таки точка отсчета — тот самый день, когда Кандиларов должен был вернуться с курорта. Срока этого не доставало, и убийца постарался его продлить — открыткой из Стамбула. Что это означает? А то, что четырнадцать «курортных» дней было мало. Для чего? Для того, чтобы что-то сделать, совершить — или довершить. Но не с мертвым, тут вся загвоздка, учти. С живым Кандиларовым. Потому я и склонен допустить, что Кандиларова прикончили не в начале курортного срока, а в конце, может, уже после него... Убийце, заметь, он был для чего-то нужен сразу после отъезда из дома. И нужен был на две-три недели... Окончательный ответ дадут лабораторные анализы. Сам увидишь, как станет тогда раскручиваться эта история!

Бурский улыбнулся горячности своего младшего коллеги.

— Для начала, — сказал он, снимая телефонную трубку, — раскручу-ка я это колесико... пора уже. Привет, доктор! Есть новости?

— Как же, как же! Химический и микробиологический ана-

лизы сошлись... — Брымбаров выдержал паузу и торжественно провозгласил: — Человек захлебнулся в воде!

— Бо-о-же, — протянул Бурский. — Ну и дока же ты!

— Не торопись с издевками, сыщик. Мы исследовали воду в его легких. Она не имеет ничего общего с той, озерной, пещерной. Совершенно другая вода. Озерная — жесткая, с кальциевыми компонентами, в ней множество пещерных микроорганизмов. А в легких вода иная — ни кальция, ни пещерных микроорганизмов. Эту действительно потрясающую новость подтвердил радиоактивационный анализ.

— Так какой же водой он захлебнулся?!

— Я постарался вытянуть из воды, которая была в легких, максимум сведений. Сразу скажу главное: она не хлорирована — значит, не из городского водопровода. Легко предположить, что в какой-то софийской квартире наполнили ванну этой водичкой и сунули в нее Кандиларова. Держали, пока не захлебнулся. Но эта версия не проходит. Ты слышал? Вода не побывала в городских очистных фильтрах и не хлорирована. А так-то она очень чистая, очень мягкая. Похожа на естественную — к примеру, такая вода в горных ручьях, в родниках.

— Еще какую-нибудь зацепочку, голубчик! — взмолился Бурский.

— Есть зацепочка, есть, за ней, глядишь, и вся нить потянется. В воде обнаружены следы молибдена, правда, незначительные. Похоже, ручей или река, где утонул Кандиларов, размывает где-то в верховьях небогатое месторождение молибденовой руды. Попробуй обратиться к геологам.

— Неужели это все?

— Ну и аппетиты у тебя! Ладно, подброшу еще кое-что. Исследовали крупницы грунта и мелкие камешки, застрявшие в тканях лица, сравнили со скальной породой в пещере. Идентичны. Отсюда вывод: покойника привезли, заволокли в пещеру и там, прежде чем швырнуть в озеро, били лицом о скалу. Правда, вывод не окончательный, есть противоречие: шейные позвонки в таком случае должны быть повреждены — а они целы. Допускаю другое: по лицу били увесистым камнем. Но именно там, в пещере, обломком той же скалы.

— Такого камня мы там не нашли, — сказал майор.

— Его могли бросить в озеро. Вообще зловещая история. Впечатление такое, что в пещере орудовал злодей-тяжелоатлет — борец, к примеру, или штангист.

— И еще вопрос, дорогой доктор: нельзя ли уточнить дату смерти?

— В данной ситуации точность исключена. Полагаю, его умертвили дней пятнадцать назад. Это предел точности, и хватит об этом! А сейчас скажи, что делать дальше. Хоронить его не будете? Между прочим, хоронить не в чем, бай Минчо снял с него все — и одежду, и обувь.

— Пожалуйста, поддержи беднягу еще несколько дней. Все-таки жена еще не знает. Да и нам, глядишь, он может понадобиться.

Под вечер в кабинет вошел трассолог Минчо Пырванов. Остановился на пороге, прижимая к груди объемистый сверток в полиэтиленовом мешке, оглядел всех многозначительно и сказал:

— Я уже извелся, дожидаячися, когда вы кончите воду в ступе толочь. И пока Брымбаров вел битву на главном фронте, решил заняться флангами. Знали бы вы, сколько сведений — и каких! — дает одежда, на которую вы свое внимание не очень-то обращаете!

— Почему? Обращаем. Но в нашем случае сведений кот наплакал. Обыскали карманы — они оказались пустыми, — ответил Шатев.

— Цэ-цэ-цэ, — зацокал Пырванов. — Во-первых, не пустые, а опустошенные, улавливаешь разницу? Какой мужик станет ходить с пустыми карманами — над этим вы, ребята, подумали? Где паспорт, где бумажник с деньгами? Был у человека хотя бы носовой платок? Допустим, паспорт взяли, чтобы нельзя было установить личность, деньги — в целях ограбления. А платок, а разные мелочи, которые каждый носит в карманах?

— Да, открытие выдающееся, бай Минчо, — с усмешкой сказал Бурский.

— Мыслящий человек, — сказал бай Минчо, — увидя опустошенные карманы, смекнул бы, что перед тем как тащить покойника в пещеру, его ограбили. Взяли все от часов до грязного носового платка, вывернули карманы, однако проделали это небрежно, о чем речь впереди. Итак, мой вам совет: установите, какие вещи взял в поездку этот бедняга, какой бумажник, какие часы. Если вещички не закопаны где-нибудь в Родопах, они могут послужить уликой.

Пырванов нагнулся, достал из полиэтиленового мешка пакет поменьше, развернул его — там были туфли Кандиларова.

— Вот здесь, с двух сторон, над каблуками хорошо заметны отпечатки пальцев убийцы. Ладно, чтобы быть абсолютно точным — того типа, который, держа за ноги, бил труп лицом о скалу...

— А если это все-таки пальцы самого Кандиларова? — спросил на всякий случай Бурский. — Предположим, когда он туфли надевал.

— Наивно. Потому что все отпечатки я сличил. Эти, — он указал на туфли, — более крупного индивида. Да и само их расположение показывает, как держали туфли в руках.

— Значит, остается выяснить, чьи это руки, — негромко сказал стажер.

— Именно это и остается, — отвечал бай Минчо. — И надеть на них наручники. Но это — ваша забота. Отпечатки я отослал в центральную дактилоскопическую картотеку. Если этот громила уже имел дело с законом — глядишь, и прихлопнем гада... А теперь глядите. — Пырванов достал из мешка измятые темные брюки и из маленького кармашка, предназначенного для часов или ключей, извлек сложенный вдвое листочек бумаги. —

Вот что нашел я в кармашке. И учтите: это почерк Кандиларова.

На глянцевого белой бумаге, скорее всего, оторванной от сигаретной пачки, было написано следующее: «14-19-58 точно над нами пролетел вертолет».

— Номер телефона? — предположил Тодорчев.

— Ты знаешь в Болгарии хоть один, начинающийся на единицу? — возразил Шатов. — Разве только в справочных.

— Верно, — согласился стажер. Подумав, он добавил: — А может быть, это дата? Четырнадцатое число, девятнадцать часов, пятьдесят восемь минут...

— Гляди-ка, что-то уже проблескивает, — заметил Шатов. — И логично, и с текстом стыкуется.

— Не совсем. Если четырнадцать — дата, то какого месяца? — возразил Бурский. Для сентября рано: попрощался с женой шестнадцатого. А четырнадцатого октября он вообще не дождался — это ведь вчерашнее число!

— Тогда, — предложил парень, — может быть и такое прочтение: четырнадцать часов девятнадцать минут пятьдесят восемь секунд. И секунды проставлены, по-моему, неспроста!

— Версия принята, — одобрил Бурский. — Число пятьдесят восемь не может здесь означать, к примеру, минут. Ибо за одну минуту вертолет пролетает не меньше трех километров. Разве это точность? Если же указаны секунды, тогда отклонение может быть небольшим — всего десяток метров.

— Но как умудрился Кандиларов определить время до секунды, когда у него не было часов?

— Это в пещере его нашли без часов. А вертолет он засек с часами на руке. Впрочем, надо проверить это обстоятельство. Спросим у жены, какие часы у него были.

— Дальше, — продолжал Шатов, — переходим к слову «точно». Относится оно ко времени или к вертолету? То есть, что пролетел он не в стороне, а «точно над нами», то есть в зените...

— Можно отнести и к тому, и к другому.

— Теперь — главное, — сказал Шатов. — Почему он сообщил часы, минуты, секунды, но позабыл указать дату? От шестнадцатого сентября до первых дней октября — время немалое. Знать бы эту дату... — Капитан что-то пометил в своем блокноте.

— Да, жалко, — вздохнул стажер.

Бурский слушал, стараясь по возможности воздерживаться от замечаний. Своими соображениями делиться не спешил.

— Перейдем к словам «над нами». Заметь, не «надо мной». Значит, в том месте, над которым пролетел вертолет, Кандиларов был не один.

— Ничего удивительного! — встрепенулся Тодорчев. — Его наверняка заманили в ловушку хитростью либо силой, а потом ограбили и убили. И естественно, что рядом с ним были преступники.

— Всяко бывает, но в данном случае я с тобой согласен, парень, — сказал Шатов. — Написанное позволяет думать имен-

но так. Но вот что хотел сказать Кандиларов, зашифровывая свое послание? Кому оно предназначено?

— Он правильно поступил, что спрятал, — сказал Бурский. — Иначе записка не попала бы к нам... И все равно все неясно: ни где он находился, ни с кем.

— Сам факт, что появление вертолета отмечено с точностью до секунды, достаточно красноречив, — продолжал Шатов. — Ясно, что писал он не в людном месте, не в большом городе, не рядом с аэродромом, где вертолеты появляются часто. Для писавшего это было уникальным событием, и он счел необходимым зафиксировать его с точностью до секунды. Для каких целей? По-моему, чтобы точное время согласовать, допустим... да, с собственным местонахождением. Стало быть, он не знал, где находится. Не знал!

— Да, логично, — оживился Бурский, — но лишь в том случае, если он сам мог действовать логично, если располагал временем. А если боялся, что бумажку найдут — и уловка раскрывается? Здесь же — «пролетел вертолет», обычное замечание, только и всего...

— А я уверен, что это попытка навести нас на место, где находился Кандиларов, — сказал стажер.

— Какая попытка? — изумился Бурский. — Что где-то когда-то какой-то вертолет пролетел над каким-то местом ровно в четырнадцать часов девятнадцать минут пятьдесят восемь секунд? И это — информация?

— Э-э, не такая уж и бедная информация! — возразил Шатов. — Во-первых, почему «где-то»? Известно, что Кандиларов выехал шестнадцатого сентября из Софии, тело обнаружили десятого октября — максимум через десять дней после смерти — в пещере. Значит, записку он мог написать в интервале не более двух недель, во второй половине сентября. И всего вероятней, не так уж далеко от пещеры. Мы уже согласились, что вряд ли его увезли из Видина или Толбухина, скорее всего — откуда-то неподалеку, из Родоп. Больших городов там нет, и мы можем проверить, где именно летали тогда вертолеты. Нет, положение не безнадежное.

— Что значит проверить? — спросил Бурский, но смутная догадка уже осенила его.

— Слава богу, у нас еще нет частных вертолетов, а организации, которые ими располагают, можно по пальцам перечесть: военные, мы, Аэрофлот и — не знаю, может, Министерство здравоохранения. Вот и надо проверить, какие вертолеты барражировали во второй половине сентября над Родопами. Начнем с Родоп, а дальше посмотрим. Надеюсь, путевые листы они заполняют не хуже, чем мы свои протоколы.

Нельзя сказать, чтобы Кандиларова встретила гостя радушно. Или боялась худых вестей, или испытывала столь распространенное смущение при любом контакте с милицией. Однако, вопреки прохладному приему, Шатов получил ценную информацию. К счастью, Кандиларова сама заботилась об одежде супруга и не только носила в химчистку, но и перекладыва-



ла мелкие предметы из костюма в костюм при очередной смене. А менял он костюмы часто. («Истинный джентльмен», — сказала она гордо.) Поскольку перед отбытием мужа на курорт Кандиларова переложила все из летнего костюма в «демисезонный» (он любил это слово), ей ничего не стоило дать подробное описание содержимого его карманов.

— А часы он носил на руке? Какие?

— Ох, часы — его слабость. Вы, верно, заметили в прошлый раз: везде, в каждой комнате, даже в кухне понатыканы часы, разве что в туалете пока не повесил! Наручных часов у него четверо или даже пятеро, одни других дороже. Манья-а-ак. Чуть увидит необычные часы, тут же покупает, на цену даже не глядя.

— А не помните, какие часы он выбрал, уезжая на курорт?

— Как же не помнить. Новехонькие, последние. Все уши мне прожужжал перед отъездом, какие они точные. «Сейко-электроник-супер», пятьсот пятьдесят левов. Не каждый может позволить себе такие, верно? Он, как ненормальный, то и дело сверял их с сигналом радио. «За прошлый месяц, — говорит, — всего на полсекунды и отстала моя «Сейка!» Глупо, правда? Кому нужна такая точность?.. — Кандиларова передохнула, посмотрела на гостя внимательно и спросила вдруг, бледнея: — Зачем вам эти подробности? Я все говорю, говорю, отвечаю на ваши вопросы, а вы что про мужа... — Губы у женщины задрожали. — Скажите мне, скажите хотя бы, жив он? Скажите правду!

— Правду! Мы и сами ее не знаем. Объявили розыск. Получаем разные сигналы, каждый нужно проверять. Собираем информацию об у... — Он чуть было не ляпнул, чего не следует, но мгновенно нашелся: — ...уехавшем на курорт вашем супруге. В настоящее время он находится, вероятно, в Турции. А может, уже в другом месте.

Явившись к Бурскому, капитан произнес с порога:

— Если еще раз придется навещать супругу убитого, я скажу ей правду. Не могу больше, заврался. И вообще, сомневаюсь я, что подобные криминальные приемы нужны. Даже в тактических целях.

— Весьма сочувствую, — сказал Бурский, — но попробуй свои сомнения излить полковнику. А сейчас — за работу! На счастье, в интересующем нас районе побывало всего три вертолета. Один, очевидно, сразу отпадает, военный. Он патрулировал пограничную полосу тридцатого сентября, от двух до трех часов пополудни. Второй принадлежит ГАИ, он следил за движением на шоссе Асеновград — Смолян, но несколько позднее, не в «наше» время — с шестнадцати часов до восемнадцати. Так что, хвала всевышнему, остается последний — гражданской авиации. Вылетел он двадцать пятого сентября, в среду, в четырнадцать ноль пять, с вертодрома в Пловдиве, по заказу санитарной авиации. Какой-то дровосек разрубил себе ногу. В глухом лесу, далеко от дороги. С трудом отыскивали даже поляну для приземления.

— И ты ухватился именно за этот вертолет?

— Никакого другого попросту не было. Если, разумеется, говорить о Родопах, а не о Дунае или Шипке. Так что вот тебе дата: двадцать пятое сентября. В этот день Кандиларов был еще жив!

— Что ж, остается установить место, где этот бедняга написал свою записку.

— Будь спокоен, полковник уже договорился с вертолетчиками. Сегодня в то же самое время — в четырнадцать часов пять минут — тот же вертолет, с тем же пилотом вылетит по тому же маршруту.

## 16 октября, среда

Когда Бурский, Шатев и кинооператор разместились в кабине, майор шутливо спросил пилота, на удивление молодого, с гривой русских вьющихся волос.

— Ну как, подымет нас эта стрекоза?

— Еще как подымет! В прошлый раз, между прочим, тоже трое летели — врач и два санитары. Плюс-минус сто кило для моей стрекозы — не проблема. Как полетим — повыше, пониже?

— Точь-в-точь как двадцать пятого сентября.

— Главное, метеоусловия сходные. Вам повезло — такой же ясный, безветренный день...

— А скорость?

— Как и тогда, двести километров в час. За три минуты десять кмэ — вжик! Идем почти на пределе. Мы тогда спешили — пострадавший, говорят, истекал кровью.

— Как же вы, если не секрет, запомнили курс?

— По звоннице Старой церкви. Скоро она покажется.

Бурский кивнул оператору, и тот застрекотал камерой, направив ее раструбом вниз. Лес внизу не кончался. Справа показалось асфальтированное шоссе. Там, где оно сворачивало в сторону, стала видна двухэтажная постройка под серой крышей.

— Старое лесничество, — объяснил пилот. — Скоро и курорт увидим.

Бурский напряженно следил за движением минутной и секундной стрелок. Он сверил часы в полдень с радиосигналом астрономической обсерватории. Сейчас они показывали 14 часов 19 минут 12 секунд.

Появилась дача, правее — трехэтажная гостиница, а слева по курсу — церквушка со звонницей. Бурский принялся считать вслух:

— Двенадцать. Одиннадцать. Десять. Девять...

Когда пролетели над звонницей, вертолет немного занесло влево, к западу.

На полянах и в гуще леса мелькали дачки.

— Пять. Четыре. Три. Два. Один. Ноль! — возбужденно воскликнул Бурский.

Желая подстраховать оператора, Шатев нацелил вниз объек-

тив старого своего «Пентакона» и при счете «Ноль!» щелкнул затвором. В этот миг внизу проплыла двухэтажная дача с бревенчатыми стенами, а затем снова, без конца и края, потянулся лесной массив.

Сразу после возвращения в Пловдив Бурский позвонил Лилкову, который вскоре присоединился к группе.

— Он может оказаться нам полезным, — словно оправдываясь, сказал Бурский Шатеву. — Все-таки местный, знает тут каждую кочку.

Капитан деликатно промолчал. А минут через пять Лилков, тяжело дыша, втиснулся на заднее сиденье их машины. Через некоторое время Бурский сказал:

— Слушай внимательно, Пухи. Возле Старой церкви, на даче, кажется, совершено тяжкое преступление.

— Тот, — ну, который в пещере? — смекнул Пухи.

— Похоже. Пока это лишь подозрение. Надо действовать так, чтобы не вызвать подозрений, понял? Думаю, мы сойдем за съемочную группу. Я, допустим, сценарист... Ники — помощник режиссера, кинооператор у нас настоящий. А ты — ты якобы режиссер. Согласен?

— Стоп. Не пройдет. Сторожом курортных дач работает Иван, мой старинный приятель. Он меня знает как облупленного.

— Тогда ты будешь сценаристом, а я — режиссером. И запомни: мы подыскали натуру для фильма из жизни партизан. Надо присмотреть дачу, на которой будет скрываться от жандармов раненый, отставший от партизанского отряда.

Вдали уже показался отель «Горицвет», ближайшее к шоссе курортное здание.

— Знаешь, — сказал Лилков Бурскому, — можно обосноваться здесь. Переночуем, обговорим все в деталях.

Солнце склонялось к верхушкам деревьев, неподвижно замерших в полном безветрии. Даже птицы умолкли. Сквозь темные стволы и золото листвы показались наконец бревенчатые стены двухэтажного добротного дома.

Отсюда, с земли, местность выглядела незнакомой, но Бурский еще издалека заметил «свою» дачу и, когда приблизился к ней, сказал:

— Вот это дом так дом.

— Правильно сориентировались, — сказал Лилков. — Эта дача принадлежала господину Кондюкову, богачу, белоэмигранту, в тридцатые годы он был известным лесопромышленником. Когда-то у сей виллы даже изысканное название было — «Горный цветок», помню, табличка висела — и на ней буквы славянской вязью.

— А до Кондюкова чья она была? — спросил Бурский.

— Он ее построил для молоденькой любовницы. А сам уже был полупарализованным стариком. Он скончался еще во время войны. А вилла с тех пор переходила из рук в руки.

— Кто теперь владелец? — спросил Бурский.

— Это знает Иван.

Они спокойно осмотрели и сфотографировали красавицу дачу со всех сторон. Ставни на окнах были закрыты, на двери висел замок.

В пустом ресторане они заняли столик и с аппетитом принялись за ужин. Все оказалось необыкновенно вкусным. Вскоре появились и лесорубы — живописные, почти как в вестернах; не преминул заглянуть на огонек и сторож Иван, которого Лилков тут же пригласил в компанию. Ивана он представил как управляющего курортом. Это явно польстило гостю. После второй рюмки лицо его покраснелось, он разговорился. Сказал, какая для него большая честь — беседовать с работниками кино.

Года полтора назад дачу, по его словам, приобрел господин Бангеев — «виноват, товарищ Бангеев». До него много лет владельцем был какой-то Ликоманов. Имени его Иван припомнить так и не смог: и не Антон, и не Андрей, какое-то заковыристое. Широкой души был господин, любезный, воспитанный. Нынешний же владелец дачи упрям и прижимист, навещается редко.

Ивану объяснили, для чего нужна дача съемочной группе. Замысел фильма он с важной миной одобрил, готов был помочь со сценарием, поскольку помнил военные времена, и охотно сообщил телефон Бангеева. Если киногруппа что-нибудь заплатит этому скупердю, уверял Иван, тот на все согласится, особенно сейчас, по окончании курортного сезона. Ведь до следующего лета дача будет пустовать (впрочем, и этим летом она стояла пустая).

— Нет, — вспомнил Иван, — недавно там были двое. Когда ж это было? Да, кажись, месяц назад... Даже меньше месяца. Я ведь за этой дачкой присматриваю... Вроде и не мое дело, но рядом курортные корпуса, мало ли что... Услыхал я однажды: кто-то там, в доме, разговаривает. Подхожу, зову: «Господин Бангеев!» Кричал, кричал — никто не отвечает. Ну, думаю, дело нечисто, и решил подняться на террасу, замок осмотреть. Подымаюсь — и выходит мне навстречу человек. Нет, не Цвятко Бангеев, а какой-то вообще мне неизвестный. Смуглый такой, здоровенный. Я, говорит, от Бангеева, он дал мне ключи. И показывает связку. Правда, издалека: не такой уж я простак, не стал к нему подходить близко. Мы, мол, здесь водопроводные трубы в порядок приводим, вместе с братом. «А, с братом», — киваю я ему, а тут и брат показался, тоже смуглый, но комплекцией совсем жиденький, совсем как подросток. Оказывается, они еще и обои задумали сменить — машиной обои привезли. А машину оставили в рощице поодаль, почти рядом с шоссе. После уж я ее осмотрел. Синий «Москвич».

Вряд ли словоохотливый Иван запомнил номер, да и не хотелось проявлять чрезмерный, как говорится, нездоровый интерес, и все же Бурский, не сдержавшись, под укоризненным взглядом Шатева уприсил:

— Интересно, почему это именно у «Москвичей» такие стран-

ные номера? Неужели от марки зависит? И буквы чудные, правда?

— Номера как номера, — возразил Иван важно. — У всех машин они одинаковы. У братьев этих тоже был обычный. А вот буквы я запомнил. Первая А, вторая В, третья С. Мальчишки их так читают: «А Вот Столичная», или «А Вот Софийская». У вас же тоже буквы такие, верно?

«Глазастый этот Иван», — подумал Бурский, решительно меняя тему.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что братья работали на даче дней десять. Когда в начале октября Иван снова наведася к ним, дом был пуст, дверь закрыта, синий «Москвич» исчез.

## 17 октября, четверг

Полковник принял Бурского незамедлительно. После подробного доклада майор поделился своими сомнениями. Спросил стоило ли взламывать дачу, чтобы не приезжать вторично. Цветанов ценил искренность своих помощников. Любую работу, выполняемую формально, считал каторгой.

— Я понимаю твоё состояние, Траян, — сказал полковник. — Не взломали замок, не ворвались, как разбойники, на дачу без санкции прокурора — всё это абсолютно правильно. Но что может произойти на необитаемой даче за полдня, даже за день? Скажи, а сколько времени надо, чтобы туда добраться?

— Около двух с половиной часов.

— Пустяки. А сколько дней прошло с тех пор, как Кандиларов засек вертолёт? Двадцать. И ты надеешься обнаружить какие-то следы? Полагаешь, что тот, кто их оставил (если оставил, а не замел своевременно, двумя неделями раньше), теперь, в нашу честь, непременно вернется на дачу. Зачем? Чтобы уничтожить эти следы? Кто пойдёт на такой риск? А кроме того, откуда он узнает, что вы были там и проявили интерес к даче? Этот ваш местный — сторож Иван — предупрежден, что надо молчать?

— Киношники разве предупреждают?

— Та-а-ак... Допустим, версия с запиской принята. Версия с дачей тоже. Но зачем проникать внутрь дачи? Погоди. Владелец дачи — Бангеев... Фамилия достаточно характерная, редкая. Найти будет легко. Допустим, найдется. И что может выясниться после знакомства с ним?

— Прошлой ночью я ломал голову и над этим. Прорисовываются три возможности. Первая — он убийца или замешан в убийстве. Вторая — ничего общего не имеет с преступлением, и «братья» действительно клеили и ремонтировали. Третья — он их нанял для работы на даче, дал ключи, а они, кроме обусловленного договором, сварганили темное дельце. Совершили убийство. Для себя, так сказать, не ставя хозяина в известность.

— В любом случае надо выходить на след Цвятко Бангеева.

Пока ехали в Пловдив, Бурский колебался, звать с собою Лилкова или действовать на сей раз официально. Полковник ничего не знал о приятеле Бурского. Стоило заикнуться на сей счет — пришлось бы выложить правду о его миссии «сценариста», а Цветанов ох как не любил самостоятельности. Вот и приходилось искать правильный ответ в одиночку. Именно в одиночку, потому что Шатев выяснял в Софии личность Бангеева, а Тодорчев да бай Минчо вряд ли помогли бы Бурскому «просчитать» тактику дальнейших действий.

Пока они толкались возле дачи, кинематографическую легенду еще как-то можно было оправдать. Но теперь пора, кажется, показать удостоверение. Другого пути нет. Какие уж тут киношники, если предстоят и обыски, и изымания вещественных доказательств в присутствии понятых, и допросы.

Чудесному превращению Бурского из режиссера в следователя Иван, кажется, не удивился, только в конце разговора, намекая на позавчерашнюю встречу, обронил хитрую фразу насчет каких-то спортивного вида мужчин, которые иногда чуть-чуть поддериживают плечом. Он явно давал понять, что заметил пистолет, который Бурский носил под мышкой, и Траян еще раз восхитился дьявольской наблюдательностью сторожа.

Эксперт бай Минчо и его помощник Марин были, по выражению Минчо, местными «многоцелевыми следопытами». В два счета разделившись с висячим замком, они принялись за хитрый английский — древний, наверное довоенный, много раз подвергавшийся насилию. Легкость, с какой «следопыты» проникли в дом, наводила на мысль, что подобным же манером туда мог проникнуть кто угодно, что один из «смуглых братьев» мог показать Ивану любые ключи, не обязательно доверенные ему Бангеевым.

Когда Марин открыл дверь, Бурский попросил всех остаться на террасе. Осторожно ступив на порог, он осветил фонарем просторный холл.

— Первыми за мной входят бай Минчо и Марин, — сказал он. — На полу следы — явно от последних посетителей. Просьба не затоптать. Откройте ставни и проведите сюда понятых. Тодорчев будет вести протокол, я диктую. Гошо, ты останься здесь, — приказал он шоферу. — Наблюдай, чтобы посторонние не вертелись поблизости.

Так начался тяжелый, продолжительный обыск. После того как в холле «обрабатывали» пол, осмотрели стены, отметив отсутствие каких-либо обоев. Их и не могло быть, ни новых, ни старых, поскольку дача была сложена из толстых цельных бревен — торговец лесом не жалел материала.

— Иван! — Бурский обернулся к сторожу, который вместе с женой согласился быть понятым, — а тот «смуглый» — что он тебе говорит? Что их прислал Бангеев?

— Водопровод починить, обои переклеить... — Иван беспомощно огляделся, и вдруг его взорвало: — Ах, сукины дети! Знал же я, что стены здесь бревенчатые, и надо же — клонул на удочку!

«С этой своей сверхнаблюдательностью — и клюнул? — подумал Бурский. — Шалишь, брат... Но, с другой стороны, он ведь мог и промолчать, что бывал в этом доме, никто его за язык не тянул...»

Обычно дачи обставляются старой, ставшей ненужной в городе мебелью. Здесь же обстановка напоминала городские хоромы Кандиларова: все новое, дорогое, купленное на сертификаты или привезенное из-за границы. Однако богатая изящная мебель и весь интерьер говорили о тонком вкусе — последнее у Кандиларова отсутствовало начисто. Бурский диктовал, отмечал все детали окружающей обстановки. В сущности, дача была не так уж и велика, особенно если сравнить ее с загородными домами, возведенными расплодившимися в последнее время состоятельными гражданами. Высокий первый этаж занимали холл и кухня, на втором этаже были две спальни с ванной и туалетом и крохотный коридор. Пространство между крышей и потолком использовалось, кажется, как чулан.

Всего интересней оказался подвал, разделенный на несколько помещений: погреб для напитков, холодильник для провизии, кладовая со множеством шкафов и полочек. И тут же каморка с железной застланной кроватью, печкой, столом, двумя стульями. Туалет и умывальник были и здесь. Странно, при всем великолепии двух этажей только это помещение выглядело обитаемым. На полу валялись окурки, раздавленные подошвой. На столе — посуда с остатками пищи, грязные тарелки, вилка и нож. Кто здесь жил? Ясно было, что не владелец дачи. Может, кто-нибудь из «смуглых братьев»? А не тут ли держали под арестом Кандиларова?

Оба эксперта молча принялись за работу. Бурский отвел в сторону Ивана.

— Кто так обставил дачу? — спросил он. — Бангеев?

— Да нет, это господин Ликоманов, сразу после покупки. Четыре, а то и пять годочков тому назад. Шоссе тогда было заасфальтировано только до лесничества, сюда еле дополз крытый грузовик. Грома-а-дный. Ну и потрудились мы тогда, таская ящики да шкафы. Я тоже помогал, а как же. А всю старую мебель — верите, всю! — господин Ликоманов мне подарил. Хоть и старая, она сто лет еще простоят. Деньги за нее взять наотрез отказался. Наоборот, мне заплатил за погрузку-разгрузку. Ну, конечно, и за обещание приглядывать за дачей. Помню, сам господин Ликоманов в белом «мерседесе» прикатил, а с ним четверо грузчиков, здоровенные парни, он их почему-то докерами называл. — Тут Иван вытарашил глаза и, помолчав, воскликнул: — Погоди-погоди!..

— Ты чего, Иван? — недоумзнно спросил Бурский.

— Ну и ну!.. Да один-то из этих, из докеров, и был тот самый...

— Смуглый? Тот, который ключи тебе показывал в конце сентября?

— Близко я не подходил, но похож! Я, конечно, не совсем уверен...

— Кто еще с ними был?

— Да шофер грузовика, тоже здоровенный, просто-таки бык племенной. Сразу всю мебель расставили, только цветной теле-

визор господин Ликоманов после привез, уже летом. Сам привез, а я ему помогал — и внести, и настроить.

Поражало, сколько ценностей хранил владелец никем не охраняемой, небрежно запертой дачи. Допустим, за мебель можно не опасаться: она тяжелая, выносить ее неудобно. Но сервизы, ковры, телевизор, дорогая видеоаппаратура, сотни видеокассет, антикварные безделушки — неужто Иван действительно не уполномочен охранять эти богатства? У Ликоманова он деньги за присмотр дачи вроде бы получал. Почему же Бангеев отказался от услуг сторожа? Загадка... Или есть у Ивана ключи, и он это скрывает. С какой целью?.. Любой миллионер позаботился бы об охране такого гнездышка. Значит, и Ликоманов, и Бангеев — миллионеры, для которых потеря нескольких десятков тысяч левов пустяк, как говорится, ниже уровня шумов в электронной системе... Да, круто разворачивалось дело.

Пока эксперты закрывали дверь, выходящую на террасу, Бурский окликнул стажера.

— Петко! Достань-ка термос из моей сумки, налей свежей воды — в пути горло промочим. Но сначала вымой и хорошенько ополосни термос, а то в нем кофе был. Понял?

Тодорчев, многозначительно кивнув, пошел к черному ходу.

## 19 октября, суббота

Да, вода оказалась той самой, что была в легких Кандиларова.

Не менее категоричное заключение дали трассологи: шесть или семь человек, все мужчины, оставили следы в подвальной комнате дачи. Самые свежие, недавние следы — очень крупного человека и еще двух поменьше, полегче. Крупные полностью совпали с теми, что были на песке в пещере. Там же — следы, оставленные туфлями Кандиларова.

Дактилоскопические анализы показали, что Кандиларов не только побывал на даче, но почти две недели провел в подземной комнате. Самым же интересным и важным оказалось то, что среди отпечатков нашлось множество таких, какие в самом начале обнаружил бай Минчо на туфлях покойного Кандиларова. Похоже было, преступник не предполагал, что вилла подвергнется столь основательному обыску.

Закончив доклад, Бурский победно посмотрел на стажера и Шатова.

— Владелец дачи Цвятко Константинов Бангеев родился двенадцатого июня тысяча девятьсот тридцать второго года в городе Русе, — негромко начал Шатов. — Сын генерала Константина Бангеева. Мать — Елена, девичья фамилия Толева, происходит из богатой русенской семьи, дочь знаменитого Джоко Толева.

— Чем же он знаменит, этот Толев? — спросил вот уже полчаса молчавший полковник.

— В двадцатые годы Джоко знаменит был в городе Русе своей фамилией: Толев, он же Толевич, он же Толеску, он же Толирис, он же, наконец, Тологлу. В зависимости от выгоды и настроения Джоко примыкал к различным политическим и национальным течениям.



— Любопытно, что собой представляет гибрид, в котором смешались «кровя» русенских богатеев и царского генерала, — задумчиво сказал Бурский.

— Это настоящее чудо, можешь мне верить. Цвятко занимает должность заместителя начальника отдела валютных операций в Министерстве финансов. Но вернемся к царскому генералу. Во время второй мировой войны он вдруг демонстративно подал в отставку. Рапорт не приняли. Поползли слухи, что генерал обижен — при очередном повышении его обошли. Позднее он отказался отправить подчиненные ему армейские подразделения на борьбу против партизан. А ведь, будучи, в сущности, умным и прозорливым — в этом ему не откажешь, — он вовремя понял, как будет развиваться европейская история после битвы под Сталинградом и особенно после Курской дуги. Все-таки генерал, стратег... Чуть раньше, в сорок первом — сорок втором годах, Бангеев командовал дивизией на юге Болгарии. Именно в это время он внезапно разбогател. Злые языки говорили, что военные машины, доставляющие в дивизию боеприпасы и продовольствие, возвращались обратно не пустыми, а нагруженными мебелью и разным другим товаром — вплоть до мешков с табаком. Грабеж казны проходил для генерала безнаказанно и до Девятого сентября<sup>1</sup>, и после. Почему «до», понять можно: кто станет позорить армию, судить боевого генерала, к тому же обиженного и подавшего в отставку. Но и позднее, уже при нашей народной власти, генерал, представьте себе, тоже не унывал.

— Он еще жив? — спросил Бурский.

— Нет. Отдал богу душу в семьдесят втором. Был он тогда уже восьмидесятилетним старцем.

— Почему тебя так заинтересовал ворюга-генерал? — поинтересовался майор.

— Продолжай, Николай, — спокойно сказал полковник. — Мы пока еще не знаем, что интересно в биографии ворюги.

— Хорошо. Выйдя в отставку, он стал директором крупнейшей фирмы по сбыту табака. Не забывайте о грузовиках с табаком! Торговала фирма с немцами, разумеется. И вот наш генерал проворачивает следующую доблестную аферу: приблизительно в июле — августе сорок четвертого берет огромный аванс у немецких партнеров, а поставку товара, то есть табака, задерживает и задерживает. До Девятого сентября, когда уж и поставлять стало некому. Генерал тут же раззвонил направо-налево — дескать, он единственный болгарский торговец, сумевший облапошить фашистов. Так оно и было. Однако если вы думаете, что на том деяния его кончились, то глубоко ошибаетесь. Вдруг все узнают, что огромную сумму, полученную от немцев, всю до единого лева, генерал не присвоил, а внес в кассу Отечественного фронта. После чего его официально провозгласили торговцем-патриотом — появилось тогда такое «звание». Но и это не все! Оказывается, еще будучи командиром дивизии, он помогал партизанам (кто утверждает, что постоянно, а кто — два-три раза, не больше), причем не только деньги им давал, но и оружие. Конечно, грузовиками гранаты не отправлял, а так — то па-

---

<sup>1</sup> Девятое сентября 1944 года — день освобождения Болгарии от немецко-фашистских захватчиков.

рабеллум, то маузер, однажды даже «шмайссер» с двумя магазинами. И получилось — вроде и царский генерал, и партизанский общик.

— Не он один так поступал, — сказал вдруг Тодорчев. — Генерал Займов, например... И генерал Никифоров!

— Ты погоди, не ставь их в один ряд, — строго посмотрев на стажера, посоветовал полковник. — Слушаем дальше.

— Дальше рассказывать особенно нечего, — продолжал Шатев. — Разве что упомянуть его последний, самый удачный, по моему, номер. Когда началась национализация и был обнародован закон об ограничении крупных владений, Бангеев и здесь вышел сухим из воды, или, как тогда говорили, «не был затронут». Ну, было у него на тот час две квартиры: в одной он жил с семьей, другую сдавал, получая дополнительный доход: все-таки надо было кормить жену, сына (то есть нашего Цвятко) и двух дочерей. И опять он вписался в рамки законности. К слову сказать, обе квартиры пятикомнатные, но излишков площади ему не записали... Как он содеял это финансово-юридическое чудо и куда подевались немалые его богатства — неизвестно. Поди теперь скажи, что он не умен и не прозорлив.

— Да, занятно, — сказал полковник, — что известно о сыне чудо-торговца?

— Его биография нехитрая. В пятьдесят первом окончил гимназию. В армии не служил — у него оказалось плоскостопие (а может, не взяли, потому что сын бывшего царского генерала). Поступил на экономический факультет. В пятьдесят шестом, во время венгерских событий, его исключили из комсомола и из университета, но вскоре выяснилось, что по ошибке, по недоразумению, и Бангеев-младший закончил университет. Некоторое время занимался финансами в Софийском горсовете, а с шестидесятого года трудится в Министерстве финансов — сначала референтом, а ныне, как я уже сообщил, он заместитель начальника отдела валютных операций.

— Семейное положение? — спросил Цветанов.

— Дважды женат, но детей нет. Первый раз женился в тридцатипятилетнем возрасте, на некоей Стефке Паневой. В семидесятом году развелся. В семьдесят третьем заключил брак с гражданкой Жанеттой Аврамовой. Через пять лет она умерла от рака, и с той поры Бангеев живет один.

— Вижу, ты немало постарался. Просто удивительно, где ты раздобыл столько сведений о Бангееве, даже его знаменитого деда Толеску не забыл, — сказал полковник. — Расскажи еще о Цвятко Бангееве. В конце концов, только он нас сейчас интересует.

— Главные сведения — из его личного дела в министерстве. Начальник отдела кадров на диво словоохотлив. Я так и не понял, питает ли он зависть к Бангееву или хотел оправдаться перед нами за то, что держат на высоком посту «такую фигуру». Встретился я и с первой его супругой, теперь она Стефка Мандражиева, счастливая мать двоих детей. Адвокат, между прочим. Она-то мне и поведала некоторые подробности его происхождения (все эти Толеску и Тологлу). О его генеалогии она говорила то всерьез, то с какой-то скрытой иронией. А на вопрос, почему развелись, ответила кратко: «Великий род меня не

принял. Кто я для них? Дочь хлебопека, не более». Я не спросил, почему же русенский аристократ предложил руку и сердце дочери хлебопека. Это и так ясно: с тех пор прошло восемнадцать лет, но и теперь эта женщина — красавица, — сказал Шатев. — Что же касается характеристик Бангеева в личном деле, то в них он — выше всяких похвал. И с кем бы в министерстве я о нем ни заговорил, все дуют в одну дуду: умный, интеллигентный, образованный, воспитанный, услужливый и т.д. Может, и есть люди, настроенные против него, но с такими я не столкнулся.

— А мне сразу попался именно такой, — сказал Бурский. — Иван, сторож. Он обрисовал Бангеева отнюдь не розовой краской. Так что...

— Хорошо-хорошо, — сказал полковник. — Пора нам обобщить результаты розыска. Начнем с главного: кто убил Кандиларова?

— Думаю, ответ ясен, — сказал Бурский. — Тот самый смуглый детина, чьи отпечатки пальцев остались на обуви Кандиларова, а следы подошв — на даче и в пещере.

— Минутку, — остановил его полковник и нажал кнопку секретора. — Стоянов, принесли тебе справку?

— Принесли, сейчас тебе перешлю. И прости за опоздание, мы тут бьемся над одной задачей. А пока записывай — чувствую, горит там у тебя... Итак, Ангел Асенов Насуфов. Задерживался за хулиганство четвертым отделением милиции, оказал сопротивление и был направлен сроком на пятнадцать суток на принудительные работы. Место принудительных работ — кирпичная фабрика. Сбежал оттуда, был пойман и снова получил пятнадцать суток.

— Это все? — спросил полковник. — Неужели стали заносить в картотеку мелкие проступки?

— Не обязательно. Просто здесь к карточке припилен рапорт капитана Консулова, который тогда дежурил в четвертом отделении.

— Знаю Консулова. Прочитай, пожалуйста.

— «Физически чрезвычайно силен, — читал начальник картотеки, — морально безнравствен, лишен сдерживающих центров. Без определенных занятий. Он со своей компанией отлавливает по дворам собак и кошек. Сдирает шкурки с живых животных и продает их скорнякам. В преступном мире известен под кличкой Нанай Маро, утверждает, что на цыганском жаргоне это означает «нет хлеба». Потенциальный убийца. Поэтому я снял у него отпечатки пальцев. На всякий случай».

— Фактический материал наводит на мысль, что этот Ангел и есть убийца, — сказал Бурский. — Тогда остаются, по крайней мере, три вопроса: почему убили Кандиларова, зачем перед этим его похитили и держали полмесяца в изоляции, зачем убийцам необходимо было оттянуть розыск, посылая открытки даже из Стамбула?

— Правильно, — сказал полковник. — Но не пора ли объявить о смерти Кандиларова и передать тело вдове для похорон? Сейчас, на мой взгляд, надо сделать вид, что мы успокоились, выполнив главную задачу: Кандиларова просила найти пропавшего мужа — мы его нашли, хотя и мертвого.

После первого же звонка Кандиларова открыла, словно ждала посетителя, стоя за дверью. А может быть, если судить по одежде, она собиралась выйти. Наряд был торжественный: белое платье с огромными ярко-красными цветами, черные изящные туфли, ожерелье — два ряда больших темных зерен, вероятно, гранатовых. На щеках пылали два искусно наведенных ярких пятна. «Вдова — в красном?» — подумал Бурский.

— Заходите, — пригласила она, — вам повезло, я чуть не ушла.

В гостиной она усадила гостя в кресло и после неловкой паузы спросила:

— Неужели его нашли? В Стамбуле?

— Нет, не в Стамбуле... У нас нашли, в пещере.

— В какой пещере? Почему в пещере? — Кандиларова, кажется, не сразу осознала смысл страшных слов. — Не может быть!

— Увы, это так, — тихо сказал майор и вкратце сообщил подробности. Вдова невидящим взглядом смотрела в одну точку. В самом деле потрясена или симулирует? В такие мгновения очень важно проследить за поведением. Сначала она порывисто вскочила, но тут же села, беспомощно сгорбившись. Переживает? А если сама, пусть и косвенно, замешана в убийстве?

— Неудобно мне рассказывать вам подробности, они, понимаете... Хотя смотреть еще страшней. Он падал в озеро с высоты почти двадцати метров и так обезобразил лицо, что по снимкам мы не могли его опознать. Потому и приходили к вам — взять отпечатки его пальцев... Лучше всего было бы избавить вас от процедуры опознания.

— А где... где он сейчас?

— В морге. Моя задача — кроме сообщения ужасной вести — поговорить с вами о том, когда и как мы вам передадим... Мы предлагаем — в закрытом гробу.

— А в гробу — действительно будет он?

— Вы сомневаетесь? Ведь я представляю здесь закон, понимаете? Впрочем, если у вас есть сомнения, если вы действительно хотели бы...

— Нет! Нет! Нет! — закричала она.

— Надо назначить день похорон, позаботиться о некрологе. Вручаю вам документы о смерти.

Документы она положила, не глядя, на столик. Помолчала. Потом спросила:

— Как писать в некрологе, от чего он умер?

— Напишите: трагически погиб. На всякий случай оставлю свой телефон... Как полагаете, почему ваш супруг покончил с собой?

Она даже не попыталась скрыть изумления.

— Покончил с собой? Но я поняла — несчастный случай.

То ли она была глупа, то ли его принимала за дурака.

— Простите, ведь камень на шее...

— Тогда, значит, самоубийство? Но почему?

— Именно это я и хотел бы узнать. Не замечали ли вы чего-нибудь такого, что могло бы навести вас на мысль о...

— Да вы что! Ему и в голову не могла прийти мысль о самоубийстве.

— Вот, значит, как. А мы, если бы не открытки, оформляя документацию, написали бы «самоубийство».

— Какие открытки? — с отменным разыгранным удивлением спросила вдова.

— Те самые, что вы нам любезно передали. Что муж ваш отдыхал на курорте, куда он даже не доехал. Что сбежал в Стамбул, где и духу его не было. Спрашивается, кто посылал открытки? Не с неба же они свалились.

— И я ужасно изумлена! — пролепетала Кандиларова.

Шатев неустанно наблюдал за Насуфовым. Уже на третий день он познакомился с ним, и случилось это гораздо проще и непринужденнее, чем можно было ожидать. Нанай Маро оказалась личностью сверхконтактной — то, что называется массовиком-затейником.

Обитал Насуфов большей частью в своем любимом дневном баре «Пуэрто-Рико»: пил коньяк (не иначе как «Преслав») и кока-колу, иногда лениво жевал бутерброд, хрустел соленым миндалем. Из динамиков лился хрипловатый голос — надоевший шлягер довоенных лет, но на музыку здесь внимания не обращали, не она привлекала посетителей. Это были «бизнесмены» и многочисленные их сообщники, на блатном жаргоне презрительно именуемые «шестерками». Время от времени они подсаживались к столикам, шушукались о чем-то и, получив распоряжения, исчезали. Исчезали из бара, чтобы вскоре появиться у валютных магазинов, возле самых фешенебельных отелей, в аэропорту, на вокзале. Финансовые «операции» производились в баре, иногда пакеты оставляли на столе, как бы забывая взять, иногда деньги запихивали прямо в сумку того, кому они предназначались.

Нанай Маро был крупным мужчиной. На смуглом его лице выделялся крючковатый нос, светло-карие глаза казались желтыми из-за нездоровой желтизны белков. Присмотревшись внимательнее, Шатев, однако, не нашел в Нанай Маро никаких признаков нездоровья. Наоборот, он выглядел глыбой, монументом и был, вероятно, страшно силен. «Шестерки» иначе, как Батя, его не называли.

Однажды Нанай Маро поманил Шатева перстом. Шатев сделал вид, что не замечает приглашения. Тогда Нанай Маро подошел сам и, не спросив разрешения, сел напротив.

— Што у тебя, сердешный? — спросил он кротко. — Чего ежишься? Случаем, ботиночки не жмут?

Отмалчиваться было бессмысленно.

— Кажись, ты Нанай Маро? — спросил капитан.

— Кажись, я. Кто тебе сказал это, а?

— Да один твой паренек. Как появится, покажу.

— Конечно, покажешь. В чем нужда у тебя?

— Да путешествую, и вот понадобились зелененькие.

— Пять к одному — не проблема. Хотя и предпочитаем, как дорогой наш народный банк, покупать.

— Дело-то в том, что я не купить хочу, а поменять... — И, поскольку Нанай Маро молча ждал, Шатев закончил: —

Сменять хочу старинный семейный перстень. Большой бриллиант...

Насуфов схватил наживку.

— Приволоки. Оценим. — После паузы добавил: — Только зелененькими?

Шатов кивнул.

— Меня больше устроило бы марками, — грустно покачав головой, сказал Нанай Маро и сделал выразительный жест рукой. И тут капитан отчетливо разглядел марку часов собеседника — «Сейко».

### 23 октября, среда

На утренней оперативке Шатов предложил предпринять решительные меры против убийц.

— О, неужто они стали известны тебе все наперечет? — хитро спросил полковник.

— Двое известны: Насуфов и один из его «шестерок» на даче. Плюс Бангеев, который предоставил им свою дачу.

— Пылкое воображение — штука коварная, особенно в нашей работе. Надо всегда контролировать его, подчинять логике, голосу разума. Конкретно: что ты предлагаешь? Какие меры?

— Самые элементарные, обусловленные законом. Вызвать Бангеева или встретиться с ним на нейтральной полосе. Допросить — кому, когда, для каких целей предоставлял дачу.

— А он скажет: знать ничего не знаю, ведать не ведаю! Это же ясно. Очная ставка с Насуфовым пройдет с таким же успехом. Что мы ему инкриминируем? Следы? Показания Ивана? Да, скажет Ангел, был я на даче несколько дней, отдыхал, поправлял здоровье. Ничего не повредил, ничего — боже упаси! — не украл. И что же, мы обвиним его в незаконном проникновении в личное строение?

Вопросы Цветанов ставил серьезные. Поскольку охотников ответить не нашлось, полковник продолжал:

— Я согласен, что Насуфов может быть убийцей. Но с какой целью он совершил преступление, по чьему поручению? Пока мы не узнаем это, спешить с арестом нельзя. Думать надо, Шатов. Ты, Троян, что скажешь?

— Не пойму, товарищ полковник, что связывает Нанай Маро с Кандиларовым? Они принадлежат к разным социальным слоям. Я допускаю, что они не знали друг друга. Зачем тогда Насуфов похищает, держит две недели на даче, убивает? Что хотел узнать или получить от своего узника полуграмотный Насуфов? Не был ли он всего лишь орудием в чьих-то руках? Кому служил?

— Бангееву! — почти закричал Шатов. — Кому еще, кроме Бангеева! Он же хозяин дачи!

— Примитивное заключение, — холодно остановил его Бурский. — Не витает ли над всем этим делом еще чья-то зловещая тень?

— Пусть так. Возможно. Но тогда тем более надо потолковать с Бангеевым. Согласен, он станет все отрицать. Поставим его в известность, что мы побывали на его даче.

— А как ты объяснишь ему наш интерес именно к его даче — на отшибе третьесортного курорта, по окончании дачного сезона? Что ж, выложи тогда и про записочку в потайном кармане Кандиларова, и про вертолет... Молчишь? — Полковник нахмурился. — Может, по-твоему, подоспело время раскрыть наши карты?.. Как ни странно, я верю, что Насуфова послал на дачу Бангеев. Не обои, конечно, менять. Я сам согласился бы поговорить с Нанай Маро, но только при условии, если вы найдете благовидный предлог для такого свидания.

— А что тут думать? — сказал Тодорчев. — Районное начальство посетило курорт с целью профилактического осмотра. Иван, как и положено сторожу, сообщил, что неизвестные лица проживали на даче в отсутствие владельца. А так как последний прописан в Софии, нам поручили его уведомить.

— Bravo, юноша, — похвалил стажера Цветанов. — Но ставлю еще одно условие. Кто-то — может, даже Бурский, если он для надежности согласится снова привлечь своего приятеля журналиста... — Говоря о Лилкове, полковник хитро прищурился.

## 24 октября, четверг

Машину оставили перед отелем-рестораном «Горицвет» и, не заходя туда, отправились к сторожу. Дома была только Пенка. Оказывается, Иван пошел звонить в Софию. Пенка указала им конфискованную дачу, где нижний этаж приспособили под почту и даже табличку повесили «Почта — Телефон — Продажа газет и журналов». Сезон кончился, и почтовый начальник отправился в лес на заготовку дров.

На подходе к почте они увидели Ивана, который кинулся им навстречу с радостным воплем:

— Да я ж вам собираюсь звонить! На дачу кто-то залез. К господину Бангееву!

— Ты кого-то видел? — спросил Бурский.

— Да нет, только свет горит — люстра в большой комнате. Опять же замок на кухне сорван.

Подойдя к даче, решили сначала разведать обстановку. Дверь, выходящая на террасу, была закрыта, а та, что вела в кухню, приотворилась — замок с нее вообще исчез.

— Пухи, иди понаблюдай за террасой, — распорядился Бурский. — Только к двери близко не подходи. Иван, зайди с противоположной стороны. Если что не так, меня зови.

Он достал пистолет и осторожно переступил порог. Лампочка здесь тоже светилась, но все было так, как они оставили после обыска...

Нет, не все: на столе стояла большая красная сумка.

Тишина абсолютная. Бурскому показалось смешным стоять так, судорожно сжимая пистолет, и он уже хотел сунуть его в кобурю под мышку, но вдруг услышал тихий стон — даже не стон, а сдавленное, еле слышное всхрипывание. Он прислушался. Хрипение повторилось. Тогда он рванул на себя дверь, которая распахнулась бесшумно, и с пистолетом на изготовку

шагнул в гостиную. Свет большой пятирожковой люстры поначалу ослепил, и Бурский не сразу увидел фигуру в кресле.

Мужчина — крупный, очень смуглый (должно быть, Нанай Маро, хоть Бурский никогда его и не видел) — снова всхрапнул. Казалось, он разглядывал незваного гостя желтыми глазами из-под полуопущенных век... Но нет, он спал.

Бурский не решался приблизиться. Опасаясь ловушки, так же бесшумно отступил в кухню.

В течение около получаса они втроем успели обшарить всю дачу. На втором этаже, в спальне, обнаружили еще одну сумку, желто-коричневую. И здесь светился абажур-бра над кроватью.

Вернулись в гостиную. Незвестный так и не переменял положения в кресле. Рассмотрев его вблизи более внимательно, обнаружили, что он без сознания. Вся правая половина его тела будто задеревенела. Инсульт (а это, наверное, инсульт) застал его, похоже, с рюмкой в руке — рюмка упала на ковер и потому не разбилась. На столе стояли тарелки с нарезанной дорогой колбасой двух сортов, хлебом, черной икрой, мешочек с соленым миндалем, бутылка «Преслава».

Нанай Маро время от времени всхрапывал, бессмысленно глядя перед собой.

Пересилив отвращение, Бурский попробовал закрыть Насуфову глаза, но они тут же открылись. Нет, такое не сыграешь. Действительно, похоже на инсульт.

После некоторых колебаний, оставив пистолет Лилкову со всевозможными оговорками и наставлениями, обидевшими Пухи, Бурский с Иваном отправились на почту, где, на удивление, быстро связались со столицей. Полковник был на месте и пообещал выслать команду. Потом вдруг, забеспокоившись, решил сам ее возглавить, а майору наказал ничего до его приезда не предпринимать.

Наконец послышалась сирена «скорой помощи», на поляне появились люди. Иван шел рядом с врачом, за ними — два санитары с носилками. Шествие завершал милиционер.

Санитары внесли носилки, врач занялся Нанай Маро, но уже через минуту выпрямился и обернулся к Бурскому.

— Обширный мозговой инсульт, — сказал он. — Пульс слабый, прощупывается с трудом. Кровоизлияние уже распространилось на оба полушария...

— Выживет?

— Неизвестно, счет идет на минуты, а до Пловдива трястись да трястись. По правде говоря, положение безнадежное. Но не будем терять время, надо ехать немедленно.

— Конечно, конечно, только одна небольшая формальность!

На глазах у изумленных медиков Бурский тщательно обыскал парализованного, обшарил все карманы, памятуя о случае с потайным кармашком Кандиларова. Снял с руки злополучные часы Кандиларова и два аляповатых золотых перстня с печатками.

Ничего интересного: бумажник с документами, сотня левов, ключи, маленькая записная книжка, так и не начатая. Единствен-



ная находка, заслуживающая внимания, — белый конверт в книжке, а в нем двадцать стадолларовых купюр.

Прежде чем «скорая» отправилась в путь, Бурский приказал милиционеру охранять пострадавшего вплоть до самой больницы. Затем отпустил Ивана.

— О чем это мы беседовали до приезда твоего знакомого? — спросил майор, когда они с Лилковым остались вдвоем.

— О том о сем... — Пухи устало потянулся. — Ты мне толковал о разнице между синонимами «смотреть» и «видеть». Так сказать, уроки майора Бурского.

— А, уроки! Давай-ка я тебя проэкзаменую. Поведай мне, пожалуйста, что же ты в этом доме видишь.

— Вижу, много чего вижу. Схватил бы за шкуру владельца дачи и без долгих разговоров — в катажку!

— Откуда вдруг такая свирепость?

— От барахла здешнего, от каждой вещички. Не вижу, слышишь, не вижу я тут ничего отечественного, болгарского, все оттуда. Вот эта видеосистема — знаешь, на сколько долларов она потянет? А холодильник, гарнитуры, а ковры? Да здесь денешки прямо в воздухе летают, чувствуешь? Откуда они взялись, а? Откуда? У чиновника с зарплатой в несколько сот левов. Вор, воруя!

— Не горячись, Пухи! Давай-ка продолжим урок. Я спросил: что ты видишь — не как журналист и гражданин, а как криминалист.

— Как бывший криминалист. Ладно. Некто на даче получил инсульт, наслаждаясь едой и коньяком. А когда... — Он задумался.

— Чтобы играть честно, должен тебя предупредить: по всей вероятности, этот некто и зашвырнул в озеро тело Кандиларова. Мы подозреваем также, что он — убийца. Но похоже, кое-кто уже пронюхал о наших подозрениях.

— Думаешь, ему устроили здесь инсульт?

— Считаю это гипотезой, не больше... Итак, что еще ты видишь? Не забудь о сумках.

— Не забыл. Судя по ним, этот, как его... Насуфов прибыл сюда, чтобы провести несколько дней на даче. Но случился инсульт, паралич. Если бы мы не подоспели, кто знает, сколько еще...

— Не забывай, первым забил тревогу Иван. Ну, Пухи, ты меня разочаровал. Ленишься думать и делать выводы из очевидных фактов. Ты знаешь, что последний автобус был здесь в воскресенье. Вчера до полуночи машины тоже не показывались — этого ты можешь уже и не знать. Что ж, по-твоему, этот громила пешком топал из Пловдива с двумя сумками?

— Пешком исключено. Наверняка была машина.

— Логично. А теперь куда делась? Сама вернулась, что ли?

— Значит, в машине был кто-то еще.

— Опять логично. Этот кто-то привез Насуфова — не к самой даче, иначе остались бы следы, а оставил машину на шоссе. Помог донести сумки и укатил. Это должно было произойти ночью, между часом и двумя. Посидели тут немного, закусили, потолковали и расстались.

— И что же, они на прощанье и по рюмочке не опрокину-

ли? При такой-то закуске? — Лилков обвел рукою стол. — Только где же тогда вторая рюмка?

— Возможны несколько объяснений. Одно: «Я за рулем, вдруг гаишник остановит?» Второе: Насуфов открыл бутылку после ухода спутника. А самое вероятное — третье: уехавший знал, что за напиток в бутылке, и потому не пил.

— Но бутылка опустошена примерно до половины. Из нее пили и до того, как Насуфов опрокинул свою рюмку. А закусить он не успел: смотри, хлеб не надкушен, тарелка с закусками полным-полна, икра не тронута. Значит, уже первая рюмка его свалила.

— Bravo! Теперь ты мне нравишься. В сумке еще четыре бутылки «Преслава». Но там мы вряд ли что обнаружим. Итак, вывод?

— Насуфов раньше пил из этой бутылки. Она была, как говорится, опробована, и потому он ни в чем не сомневался...

Выходит, яд всыпали перед последней рюмкой.

## 25 октября, пятница

— Итак, перехожу к изложению результатов моего исследования, — сказал доктор Брымбаров. — Тридцатипятилетний мужчина, исключительно здоровый, мускулистый, пропорционально сложенный. Никаких повреждений, ни внешних, ни внутренних, никаких царапин, кровоподтеков. Смерть наступила в результате обширного инсульта, охватившего мозг, отчего была парализована левая половина тела, а затем и правая. Желудок абсолютно пустой — перед смертью Насуфов только выпил около ста граммов коньяка «Преслав». Выпил на голодный желудок — и получил инсульт! И тогда меня осенило: что, если ему подлили в рюмку нечто такое, от чего разорвался кровеносный сосуд? Начали исследовать содержимое бутылки, а я в справочниках роюсь. И сумел кое-что отыскать. Это вещество можно купить в аптеке, но не у нас — на Западе: по спецрецепту, за подписью трех специалистов. Называется это зелье, дорогие коллеги, стеностен.

— Значит, инсульт-то насильственный? Это подозрительно, — сказал Бурский. — Зачем искать за кордоном стеностен, если можно убить как-нибудь попроще. Если, разумеется, в обоих случаях убийца один и тот же.

— Не исключено, что убийца руководствовался иными, неизвестными нам побуждениями, — сказал полковник. — Пора подумать о дальнейших наших действиях.

— Сначала — разговор с Бангеевым, — предложил Бурский. — Уже двое убиты у него на даче. Явный перебор, не так ли?

— Верно. Возьми его на себя, — распорядился Цветанов. — Далее: шофер. Поручим это капитану Шатеву. И последнее... Насуфов — это единство в двойной роли. Убийца и убитый. Надо установить его связи, его занятия, особенно в последние месяцы и недели жизни, и потом — как и почему он оказался на даче. Этим узлом вопросов займусь я сам. Или, точнее, специальная группа. Возглавит ее капитан Консулов. Бурский, не-

медленно уведоми родных Насуфова. И наблюдай: стресс может вызвать полезную для нас реакцию.

— Понял, товарищ полковник. — Бурский замолчал, словно что-то помешало ему договорить.

— Ты хочешь еще что-то сказать? Говори. Для того мы и собрались.

— С тех пор, как мы промахнулись с Нанай Маро, я беспрестанно думаю: почему оба нашли свою смерть на той даче? С Кандиларовым ясно. Но почему и Насуфова потребовалось убить там же — как говорится, на месте преступления?

— Допустим, его туда заманили.

— Да-да, и еще кое-что. На похоронах я наблюдал за бывшей супругой Кандиларова и его детьми, сыном и дочерью. Держались они холодно, отчужденно. Я даже удивился, зачем они вообще пришли. Есть и в этом какая-то загадка. Считаю целесообразным встретиться с детьми или хотя бы с бывшей супругой Кандиларова.

## 28 октября, понедельник

Бангеев явился минута в минуту, разодетый, словно лорд, которого пригласили не в уголовный розыск, а на прием в посольство. Полковник настоял, чтобы Бурский принял гостя один на один в своем кабинете, и даже дал странное указание быть при допросе предельно учтивым.

Бангеев был сама любезность, он улыбался, исчерпывающе отвечал на вопросы. Ни угодничества, ни многословия. Истекли полчаса, а он не задавал традиционного вопроса: по какому, дескать, случаю меня допрашивают? Что, собственно, произошло? Всем своим поведением он красноречиво подчеркивал, что если оказался здесь, значит, есть тому причины, и придет время, когда ему все непременно объяснят.

— Знаете вы человека по имени Ангел Асенов Насуфов? — спросил наконец Бурский.

— Нет, я не знаю человека с таким именем, — ни секунды не думая, ответил Бангеев.

— А может, он известен вам как Нанай Маро?

— Это что, имя человека? Впервые слышу.

На вопрос, не мог бы он рассказать, где и как провел ночь с двадцать третьего на двадцать четвертое сентября, со среды на четверг, Бангеев без колебаний ответил:

— Отчего же не рассказать? В тот день мой молодой коллега, сотрудник по отделу, успешно защитил кандидатскую диссертацию. Я присутствовал на защите. Затем он пригласил, как принято, пятнадцать-двадцать человек на ужин в Красный зал ресторана «Болгария». Ужин затянулся приблизительно до полуночи, после чего почти вся компания переместилась в ночной бар — не помню его названия — на бульваре Витоша. Там просидели часов до четырех. Я, признаться, перебрал, еле держался на ногах, хотя это и не в моих привычках... К счастью, два мои сотрудника были столь любезны, что проводили меня до самого моего порога.

Порывшись в кармане пиджака, Бангеев достал смятую бу-

мажку и подал майору. Действительно: его пригласили на защиту двадцать третьего, в 16.00. Выходит, ночь с Насуфовым отпадает... Что же остается?

— Знакомы вы с Петко Кандиларовым?

— Кандиларов? Интересная фамилия, несколько старомодная... Нет, незнаком.

— Владеете недвижимым имуществом?

— О, вопрос совсем как в налоговом управлении. Это уже больше по моей части. Кстати, налоговому управлению известно, что мне принадлежит квартира и дача на курорте Старая Церковь. Это в Родопах. Крохотное курортное местечко, но очень, очень приятное.

— Где вы держите ключи от дачи?

— Где их можно держать? Дома. У меня нет привычки носить все ключи с собой. Последний раз я был на даче двадцатого августа. Зимой собираюсь туда на неделю — покататься на лыжах. Если, разумеется, дорога окажется расчищенной, а то, бывает, на машине не проедешь.

— Какой модели и цвета ваш автомобиль?

— «Лада», кофейного цвета.

— Давали вы кому-нибудь ключи от дачи?

— Об этом и речи быть не может. Да и кто захочет сейчас туда тащиться? За двести километров. Курорт не обустроенный, а одной природой сыт не будешь.

— Вы все еще не поинтересовались, — сказал Бурский, — с какой целью я вас пригласил и почему проверяю алиби в ночь на двадцать четвертое... Не так давно на вашей даче совершены два убийства.

Сначала Бангеев не среагировал, будто не об убийствах шла речь. Затем лицо его побелело, взгляд стал рассеянным, даже испуганным. Несомненно, «лорд» был потрясен, однако и тут сумел удержаться от банальных возгласов и продолжал сосредоточенно смотреть на Бурского.

— В середине прошлого месяца три человека проникли на вашу дачу и провели там две недели. Один жил в подвальной комнатухе, двое — в спальне на втором этаже.

— Какие-нибудь бродяги?

— Нет, у них были ключи. Полученные от вас. По их, конечно, утверждению. Кто бы мог воспользоваться вашей дачей для своих зверских забав?

— Кто угодно мог сорвать замок.

— Да, но первый раз открывали ключами.

— Нет, не знаю, ничего не пойму...

Шатев, приехав на окраину столицы, до тех пор мерил ее широкими своими шагами, пока не нашел дом Насуфова. Это было одноэтажное каменное здание на улице, обозначенной номером, поскольку городские власти еще не подыскивали ей подходящего названия. Двор был обширный, в конце его под жестяным навесом стоял светло-синий «Москвич» с номером АВС 9981. Чем не машина, что появлялась в Старой Церкви! И как это Иван не запомнил номер? Нет ведь ничего проще: перемножь первые две цифры — и получишь две последние.

Шатеву ничего другого не оставалось, как снова пройти мимо дома, внимательно его оглядывая. Теперь его заметили: во двор вышла смуглая (смуглая!) женщина лет сорока пяти — пятидесяти, держа в руке половник. Она медленно приблизилась.

— Чего вылупился?

— Мне бы Ангела, — смиренно сказал Шатев.

— Нету твоего Ангела. Двигай своим путем. Не на что тут глazier. Чего тебе от него надо-то?

— Да сговорились мы насчет машины. Посмотреть надо, что за тарихтелка.

Капитан стрелял наугад — и, кажется, попал в цель, поскольку женщина сбавила тон. Пригласив войти, она повела его к машине. Ключ торчал в зажигании...

— А где Ангел?

— Не знаю. Где-то запропастился. С четверга пропал. Вечером, часов в десять, поехал куда-то. Утром смотрю: машина на месте, а его нет. И до сих пор не показывается.

— А кто же машину привел?

— Он и привел, кому ж еще. Только я его не видела.

— Кто-нибудь после этого трогал машину?

— Ну да, пусть попробует. Ангел кому угодно руки-ноги переломает. Спиридон и тот побаивается... Слушай, а чего это ты меня допрашиваешь? Ты кто такой?

Тем временем две машины остановились напротив.

— Капитан милиции я, хозяйка, — сказал по-прежнему смиренно Шатев.

— Надо же! Капитан. Погоди, я сейчас вот участкового позову! — Она оглянулась и увидела оперативников во главе с седовласым Цветановым в форме.

Женщина по имени Цона оказалась теткой Нанай Маро — сестрой отца. Ошарашенная появлением милиционеров, она без разговоров сдала семейную крепость. Напрасно Цветанов чуть ли не силой пытался предъявить ей разрешение прокурора на обыск — Цона не пожелала с ним познакомиться (если, конечно, вообще умела читать).

Когда группа вошла в дом, Шатев с дактилоскопистом Миньо Драгановым обследовали синий «Москвич».

— Следы одного только Нанай Маро, — сказал Миньо. — Я их уже знаю, последнее время насмотрелся. На баранке, на рычаге переключения передач, на ключе зажигания и на левой передней дверце сильно размазаны, почти негодны для идентификации. Или их пытались стереть, или тот, кто привел сюда машину, был в перчатках.

Не намного богаче был и улов в доме. Тетка показала оперативникам комнату Ангела. Выяснилось, что жил Ангел припеваючи, одевался сверхмодно, пил дорогой коньяк, как болгарский, так и иностранный, о чем свидетельствовала батарея пустых бутылок. Однако ни валюты, ни золота, ни драгоценностей обыск не выявил.

Вернулись домой муж и сын Цоны. Симо Рашидов оказался работником транспорта. Спиридон, паренек лет шестнадцати, был в модном джинсовом костюме, но в грязных ботинках.

— Прошу уведомить всех родных и близких, что Ангел умер, — отчеканил полковник.

— Умер! О господи ты боже мой! — завопила Цона.

— Кончай! — заорал на жену Рашидов. — Марш на кухню, там и вопи сколько влезет!

Он не только не скорбел — наоборот, выражение спокойствия и умиротворенности появилось на его лице.

Самой интересной была реакция племянника Нанай Маро. Парнишка был глубоко потрясен. Глаза его, словно потеряв способность видеть, выражали скорбь, кроме того — ужас. Будто Спиридон готов был услышать страшную весть, но, услышав, все-таки отказывался в нее поверить.

Из разговора полковника с Рашидовым становилось ясно, что Ангел разъезжал по всей Болгарии. Не бывал дома по нескольким дней, иногда пропадал неделями. То на машине уезжал, то уходил, оставляя ее дома. Но ни разу не случалось, чтобы машину за него доставил домой кто-то другой.

В телефонном справочнике майор не обнаружил номера, а соответственно и адреса бывшей супруги Петко Кандиларова. Пришлось обратиться в райсовет. Оказалось, теперь она — Мария Тодорчева Бончева. Майор позвонил по указанному в справочнике телефону и договорился встретиться с ней в тот же вечер. Бончева согласилась, поставив, однако, непременное условие: на встрече должен присутствовать ее сын.

Приняли гостя учтиво, но сдержанно, кофе не предложили. Первая половина беседы больше походила на монолог. Кажется, до сих пор еще глубоко обиженная супруга — еще бы, без мужа воспитала двух таких детей! — не высказала миру всех своих болей и обид.

Воспользовавшись краткой паузой, Бурский сказал:

— Сожалею, но ваш бывший супруг убит. Однако я посетил вас не только для того, чтобы сообщить эту печальную весть. Поделитесь, пожалуйста, вашими соображениями. Убийство — тяжкое преступление, и чтобы на него решиться, нужны какие-то причины — из ряда вон, необычные, понимаете?

— Такие причины были! — резко сказала Мария. — Возникли они после развода, когда эта негодница...

— Вы, очевидно, ждете, что мы назовем убийцу? — спросил сын. — Не вы, а мы?

— Нет-нет, — возразил Бурский. — Убийца уже задержан.

— Как это задержан? — спросила Бончева с каким-то странным смущением. — Да я еще вчера его видела...

— Где?

— На улице...

— Мама! — почти прокричал сын.

Бурский посмотрел на него долгим взглядом. Тот встретил его спокойно. Он, конечно, знал, о ком идет речь.

— Кто же этот убийца? — спокойно спросил сын Кандиларова.

— Ангел Асенов Насуфов.

— Впервые слышу о таком. И он сознался?

— Ни в чем он не сознался. Пока мы до него добрались, он был уже мертв. Потому-то мы ищем человека, который распорядился убить... Кандиларова. Иначе говоря — вашего отца.

После недолгой паузы Мария произнесла:

— Да, похоже, это почерк...

— Мама! — снова одернул ее сын.

## 29 октября, вторник

Подчиняясь какому-то внезапному побуждению, не вполне ясно даже ему самому, капитан Консулов отправился на похороны Нанай Маро достаточно странно одетым: в потертых джинсах, стоптанных туфлях и ярко-красных носках, в сверхмодной серой куртке с бесчисленными карманами и заклепками. Вершиной маскировки была розовая майка, на которой во всю грудь пестрели громадные буквы «Полис оф Нью-Джерси». С шеи свисала позолоченная цепочка с крестом. Непокорные свои волосы капитан разлохматил, чтобы портрет «своего парня» казался подлинником.

Похороны прошли более чем скромно, зато публика собралась шумная и разномастная. Хватало тут проныр, торгашей, спекулянтов, которые приехали в личных машинах, как важные господа.

Отец покойного так и не появился. Тетка Нанай Маро, подерживаемая мужем, с криками и руганью пыталась открыть крышку гроба, чтобы увидеть тело любимого Ангела (еще неизвестно, от чего он скончался, кто его прикончил!). Дело чуть не дошло до драки с кладбищенскими служителями. Спиридон, племянник Насуфова, безмолвно стоял рядом с родителями.

Бросив, как водится, свою горсть земли, Консулов вместе с другими скорбящими двинулся к выходу. Спиридона он старался не выпускать из вида. Симо и Цона сели в чью-то машину, а Спиридон пошел к автобусной остановке. Вскочив за ним в автобус, Консулов приблизился вплотную.

— Спиридон, — сказал он тихо, — сделай вид, что мы не знаем друг друга. Очень надо поговорить.

Парнишка обернувшись, внимательно поглядел на незнакомца. Кажется, остался доволен его видом: шикарный тип!

— Про что? — спросил Спиридон.

— Про Батю. Но пока — тихо! На следующей сойдем, держись у меня в кильватере. Усек? И не спрашивай, кто я да что. Будет нужно — узнаешь.

Заинтригованный, Спиридон вышел за Консуловым на следующей остановке и прошел следом в ближайшую забегаловку. Заведение пустовало: было еще слишком рано. Капитан выбрал дальний столик в углу, сходил к стойке, принес две бутылки лимонада.

— Раджу небось знаешь? Это он меня послал.

Спиридон ничего не ответил, наклонил голову, давая понять, что знает, и знает очень хорошо. Конечно, Раджу капитан выдумал, рассчитывая на юношескую самоуверенность собеседника.

— Ему и Нанай Маро — обоим готовили удар, который достался одному Ангелу... Раджа очень переживает: закадычные они с Батей друзья были. Хочет отомстить... Только, пока легавые вынюхивают, кто кокнул Ангела, дожидеч следы смое, снежок их заметет...

Взгляд Спиридона стал острым; напряженно глядя в глаза Консулову, парень рассказал, что его родители, едва уехала милиция, принялись судачить о наследстве, о легковой машине, о том, как бы обойти при дележке этого пьяницу — отца Ангела. И вот наконец хоть кто-то в этом мире думает о мести!..

— Слушай, парень, ты только намекни, кто убил Нанай Маро. Мы эту суку сразу отправим на тот свет — лично извиниться перед Ангелом. Лично!

Спиридон, отпивая лимонад маленькими глотками, очевидно, колебался.

— Мы с Раджой знаем, что ты этого гада, может, и не видел. Но Батя — а как он тебя любил! — ведь должен он был тебе хоть сказать, кто он такой, а?

— О ком сказать?

— С кем он поедет на дачу. Тогда, в последний вечер. Где его и пришили.

— Знаю, — дрогнувшим голосом проговорил Спиридон. — Он мне сказал. Я своими глазами этого типа видел, правда, издалека. Ночью — нет, уже чуть рассвело (наутро после отъезда Бати) — слышу, мотор тарахтит. Выглянул в окно — машина под навес въезжает. Дай, думаю, Батю встречу. Пока одевался, пока двери отпирал, гляжу — он уже у калитки. Прогуляться, думаю, пошел. И не стал его окликать, чтобы наших не разбудить. А оказалось, не Батя то был, а этот... Будь он проклят, паскуда!

— Кто?

— Жентельмен...

— Ну и ну! Быть не может!

— Может, может. Именно так Батя его называл. — Спиридон испытующе глядел на собеседника.

«Сейчас или никогда! — думал Консулов. — Эх, только бы у Жентельмена был сын! Ладно, рискнем...»

— Знаю я Жентельмена. Отъявленный негодяй. Самого, правда, не видал, но с сыном его имел дело.

— Сын Жентельмена вел тогда машину Бати.

В десятку!.. Дело сделано. Пора исчезать.

— Только не вздумай трепаться, слышишь? — Голос Спиридона снова дрожал. — Если Жентельмен пронюхает, пощады не будет никому. Батю пришил, меня и подавно пришьет. Я для него — что тебе мошка!

Время поджимало. Можно было, конечно, предстать и в таком живописном костюме, однако Консулов решил все-таки пожертвовать точностью и прийти чуть позже, зато прилично одетым.

Когда он явился на планерку, полковник уже делал выводы. — А если и разговор с дочерью Кандиларова не даст результатов, тогда надо снова допросить всех. Особое внимание — к матери и сыну Бончевым. Действуйте, товарищи.

— Можно и мне высказаться, товарищ полковник? — смиренно попросил Консулов.

Полковник сердито глянул на него.

— Приходишь к самому концу, а потом задерживай из-за тебя совещание... Ладно, высказывайся!



— Тогда я просто сообщу, кто ездил с Нанай Маро в Старую Церковь. Кто подсыпал стеностен в коньяк. Кто вернулся на той же машине в Софию в четыре часа утра. И, наконец, кто приказал Нанай Маро убить Кандиларова.

Воцарилось молчание.

— Андроник Кочев Ликоманов, товарищ полковник, — отчеканил Консулов. — По кличке Джентльмен, или, в произношении некоторых свидетелей, Жентельмен.

Консулов подробно описал, как он подбирался к Ликоманову. И наконец подытожил:

— Удивила меня низкая цена, назначенная за «Москвич», — всего-навсего тысяча двести левов. А стоит такая машина тысяч пять-шесть, не меньше. Нанай Маро, можно сказать, получил ее даром... Кто-то хотел сделать подарок Нанай Маро. За некую услугу.

— Уже сделанную или предстоящую, — уточнил Бурский.

— Но не за уголовщину, поверьте моему слову! — воскликнул Консулов. — Слишком давно продал машину сын... Да, я забыл сообщить имя сына: Тервел Андроников Ликоманов.

— Bravo, капитан! — похвалил полковник. — Итак, подвожу итог. Допустим, что Ликоманов был с Насуфовым на даче, подсыпал стеностен, вернулся в Софию. Возможно также, что по его указке Нанай Маро прикончил кто-то другой. Но все это, ребята, не более догадки. Где доказательства? Свидетели — где?

— Мертвые, — мрачно проговорил Тодорчев.

— Ну, не все. Ведь Спиридон-то пока что живой, — поправился Бурский. — Не исключено, что он тоже сопровождал Кандиларова на дачу, а может, и в пещере побывал.

— И меня беспокоит это «пока что живой», — сказал полковник. — Надо немедленно задержать Спиридона. Таким образом мы его спасем. А как с ним быть дальше — поглядим. Сравним отпечатки пальцев и все такое. Поручим это капитану Шатеву.

— Но ведь если Ликоманов узнает, что Спиридон арестован...

— И пусть узнает. А мы уведомим пограничников, чтобы он случайно не покинул страну вместе с женой и сыном. — После паузы Цветанов добавил: — За Бангеевым в этом плане тоже надо присмотреть, а может быть, и за Верджинией Кандиларовой.

### 30 октября, среда

Шатев облачился в мундир и, сопровождаемый старшиной, поехал на операцию. Главной ее целью было поднять как можно больше шума при аресте Спиридона. Чтобы как можно больше людей, а заодно и Ликоманов, узнали об этом.

Внешне на первом допросе Спиридон держался спокойно, даже гордо — явно запомнил уроки Бати.

Оказалось, почти во все пункты анкеты, включая и образование, надо было вписывать «нет». Подросток воспользовался краткой паузой и задал вопрос:

— За что меня замели, а, папаша?

— Я что тебе сказал? — строго спросил капитан. — Спрашиваю здесь я. Отвечай: где набирали воду в ведро, в котором твой Батя утопил бая Петко?

— Какое ведро? Какой Петко?

— Ладно, для начала я сам отвечу, но учти, в последний раз. Красное ведро было, пластмассовое. А бай Петко — это Кандиларов. Будто бы и не называл его так Нанай Маро, когда вы на дачу в его машине ехали? В синеньком «Москвиче». Или никогда на той даче не был? Давай-ка вспоминать: двухэтажная, бревенчатая, с террасой...

— Не был! Не был! Не был!

— Не ори, я не глухой. Что же, отвезти тебя туда или пригласить к нам сторожа Ивана и его жену? Они ведь видели тебя там, дитятко невинное!

Спиридон словно язык проглотил.

— Должен признаться, — сказал капитан миролюбиво, — ты мне симпатичен. Может, не так уж и симпатичен, но вижу, не совсем пропащий. Я думаю, в пещере ты не был. Тогда, ночью, когда Нанай Маро бросил труп в озеро. Но учти: наказание одинаковое — и за убийство, и за соучастие. А если убийство умышленное, тогда высшая мера... Тебе сколько лет, Спиридон?

— Еще семна-а-дцати нет, — жалобно протянул парень.

— Это меняет дело. В таком возрасте не дают «вышки». А вот на сколько лет сядешь, зависит от тебя самого. Искреннее признание может убавить срок... Подумай и отвечай. Как Нанай Маро взял тебя с собой в Родопы. И как вы прихватили бай Петко. И как Нанай Маро держал его в подвальной комнате. И как бай Петко писал открытки, и кто одну из них отправил с курорта «Милина вода». Давай, Спиридон, признавайся по собственной воле. Так я и запишу. И не забывай: эти акулы убили Батю — Жентельмен и его дружки.

Спиридон тяжело вздохнул. Помолчав, вздохнул еще раз и сказал:

— Хорошо! Согласен. Если вы напишете, что по собственной воле...

### 31 октября, четверг

— Андроник Кочев Ликоманов — генеральный директор объединения внешней торговли, — докладывал Бурский. — Проблема вот в чем: можем ли мы расследовать дела таких людей, как Ликоманов?

Бурский замолчал.

— Так волнуешься, что лишился дара речи? — спросил Цветанов.

— Я всегда нервничаю, когда человек, получивший недостижимые для многих из нас блага — как заслуженные, так и незаслуженные, — становится рвачом, хищником и совершает преступление... Итак: Андроник Кочев Ликоманов родился пятнадцатого января тридцать четвертого года. Единственный сын видного сливенского революционера Кочо Ликоманова. В мае сорок четвертого года, окруженный жандармами в своем доме,

там же, в селе Мраморове, Кочо отстреливался до последнего патрона. Дом подожгли, и Ликоманов заживо сгорел, но не сдался. Ныне на том месте воздвигнут памятник. Жена и сын Кочо Ликоманова дожили до Девятого сентября, когда и для них взошло солнце. Именно с этого момента и вплоть до своей смерти мать, беззастенчиво используя героические заслуги покойного мужа, добивалась всяческих благ для себя, но еще больше — для сына. Сначала гимназист, потом студент-стипендиат, он по окончании Экономического института имени Карла Маркса был направлен в аспирантуру в Советский Союз, в Харьков, там защитил кандидатскую диссертацию. Вся дальнейшая жизнь сына Кочо — как победное шествие. Назначают его, естественно, по специальности — в торговлю, точнее, заведующим отделом объединения внешней торговли. Видимо, там-то он и разлакомился — растут аппетиты в этом отделе, должен вам сказать. Затем он стал директором, заместителем генерального, а семь лет назад и генеральным директором объединения Спецэкспорт. В прошлом году возведен в ранг замминистра... Да, я не сказал еще, что он женат на Анетте Петровой. Ее брат Чавдар — ныне заместитель генерального директора объединения Спецэкспорт по кадрам.

— Ну и семейка! — сказал Консулов, но полковник метнул на него такой взгляд, что смельчак тут же примолк.

— У Андроника и Анетты — единственный сын Тервел. Предчувствую, что этот мальчик может стать интереснейшим объектом для изучения. Особенно заинтересует тех, кто любит выскакивать, когда им не дают слова. Двухлетний юноша с папашей — генеральным директором, а также дядюшкой — заместителем генерального! Как вам нравится? Это не Нанай Маро и не Кандиларов, даже не Бангеев. Звонки начнут сыпаться из очень даже высоких инстанций.

— Насчет звонков и инстанций не беспокойся, — сказал полковник. — Звонить-то будут мне.

— Ох, извините, но боюсь, что звонить станут еще выше! Во всяком случае, везде, где бы я ни побывал — от отдела кадров министерства и до кабинета секретаря парторганизации, — я чувствовал не только удивление, но и ледяной холод. Даже разговаривать не желают! И не столько из уважения к товарищу генеральному директору, сколько из-за какого-то страха. Лавируют, уходят от разговора, не желая попасть в неловкое положение. Соблюдают, скажем так, осторожность. Держатся в рамках. И все же кое-что я узнал. Ликоманову принадлежит огромная двухэтажная квартира в квартале Лозенец. Дача в Драгалевцах и еще одна — севернее Варны. Сын также обзавелся квартирой, обставил ее, полагаю, не хуже отцовской. А насчет отцовской мебелишки — судите по даче в Старой Церкви. И с транспортом не бедствуют. Кроме служебной машины у Ликоманова серебристый «мерседес-бенц», обычно в нем разъезжает Анетта. А у Тервела «вольво», зато с такой диковинкой, как мотор «ямаха».

— И у нас такие появились? Ишь ты, не знал, — не утерпел Консулов, но на сей раз полковник не сделал ему замечания — видно, тот также находился под впечатлением рассказанного.

— Да-а-а... крепкий орешек, Траян, — помолчав, сказал Цветанов. — Это все?

— Разве так уж мало? Не забывайте: в моем распоряжении был всего один день.

— Понятно. А сейчас послушаем Консулова, который перескажет свою вторую беседу с Марией Бончевой, если таковая состоялась. Тебе слово, капитан.

Консулов включил запись беседы. Прошло минут десять.

— Достаточно для этого начальника, не правда ли? Теперь обобщаю. Что дает разговор с Бончевой? Главное, он нарисовал нам Ликоманова — крупного, беспощадного, зловещего хищника.

Познакомившись с Кандиларовым, Ликоманов сразу оценил его возможности, хотя сначала и считал обычной райсоветовской сошкой. Начал обхаживать, намекал, что до сих пор не имел своего человека в райсовете. Там (вы ведь представляете возможности представителей народной власти) деньги сами текут в руки... Загребай, сколько загребешь! Вначале Кандиларов, как вы слышали, делился доходами с благоверной, но только вначале. Затем он перестал рассказывать ей о своих аферах. К сожалению, Бончева не знает о причинах, заставивших Ликоманова пойти на убийство. Связь между супругами давно была прекращена. Бончева только и твердила: причина всех зол — Ликоманов.

— Ну, кое-что мог бы добавить я, — сказал Шатев. — Прежде всего должен сказать: к концу допроса Спиридона мы стали почти друзьями, и я убежден, что парень сказал мне все. И вот что Спиридон сообщил о нашем деле. Шестнадцатого сентября поутру Нанай Маро посадил его в машину. Пока, мол, зубрилки будут горбатиться в школе, лучше ему отдохнуть в Родопях. На остановке возле Окружной больницы они подождали известного Спиридону гражданина — Петко Кандиларова. По пути Батя предложил ему кофе, налил полную крышку от термоса. Выпив кофе, Кандиларов довольно быстро заснул. Проснулся уже на даче в Старой Церкви, в подвале. Подробности рассказывал Спиридон равнодушно. Видимо, достойный родственник Бати... Одним словом, Бате требовалось вытянуть из жертвы какие-то сведения. Нанай Маро допрашивал, применяя единственный способ пытки — засовывал голову несчастного в красное ведро с холодной водой. А Спиридон приносил и относил ведро. Что именно пытался Батя у Кандиларова, Спиридон не знает, в «беседах» он участия не принимал — играл роль водоноса, не более. Однажды, в первые еще дни, Насуфов связал Кандиларова, запер в подвале, оставив под надзором Спиридона, и на несколько часов, почти на полдня, уехал. Думаю, он отвезил Ликоманову написанные Кандиларовым открытки, а уж затем их отправили, откуда было надо.

— Теперь становится понятно и обращение «милая Виргиния», — сказал Бурский. — Единственная возможность испуганному, измученному человеку подать сигнал — написать имя жены неверно. Допусти он любой другой намек — и Нанай Маро понял бы. Супруга удивилась, только и всего... это нам надо было не зевать...

— И еще, — продолжал Шатев. — Спиридон уверяет, что На-

най Маро и не думал убивать Кандиларова. Просто переусердствовал. Разошелся как-то, трясется, орет, что не верит Кандиларову, что тот обманывает, скрывает главное. А когда в очередной раз поднял пленника над ведром и посмотрел на лицо, — вдруг переполошился, веревку развязал, начал по щекам бить, делать искусственное дыхание. Да бесполезно. Умер уже Кандиларов. И тогда его отвезли в пещеру. А Спиридон действительно в пещере не был, сидел в машине. Потом они вернулись в Софию.

— Не всему я верю, — сказал полковник. — Насчет непреднамеренного убийства Спиридон врет. И с Бати снимает немалую часть вины, и себя обеляет.

— Согласен с вами, врет, — сказал Бурский. — Нанай Маро было приказано убить, как только он получит необходимые сведения. Иначе как выходит? Что после всех мучений Кандиларова отпустить? Да разве он бессловесная тварь? Не отомстит за свое похищение, за инквизицию? Нет, таким сказочкам верить нельзя! Его не собирались оставлять в живых.

— И все же придумал, распланировал, организовал Ликоманов! — сказал полковник. — Общество обеспечило его практически всем, о чем можно мечтать, а он решается на самое страшное преступление. Разве убийства не связаны с махинациями? Чего они добивались от Кандиларова? Что-то для них было архиважным, если преодолели страх наказания, инстинкт самосохранения!

— Может, успехи настолько вскружили голову Ликоманову, что он поверил во вседозволенность? — размышлял Бурский. — Решил, что может вершить суд и расправу безнаказанно. Разве я не сын Кочо Ликоманова! Да... — Бурский хотел что-то добавить, но промолчал.

— Я предлагаю подразнить Джентльмена, — возбужденно заговорил Консулов. — Этот «носорог» либо побежит в свою берлогу, либо повернется и станет огрызаться.

— Нельзя ли поточнее? — попросил полковник.

— Можно. Арестовали Спиридона. Беседовали с Бончевой. То же самое надо сообщить и Верджинии Кандиларовой. После похода майора Бурского в министерство там тоже задымилось. Нужно, следовательно, провести обстоятельный разговор с Бангеевым. Я уверен, что он — первый приспешник «носорога» в махинациях и знает чрезвычайно много. Все-таки ареной действия, притом дважды, была его дача, купленная у Ликоманова. Случайное совпадение? А на допросе непременно выявятся новые персонажи.

— Замысел грандиозный. И что он может дать?

— Мы играем в жмурки — слышали про Джентльмена, но не знаем, кто он такой. Разведать о признании Спиридона он уже не сможет. Это, не удивляйтесь, дает ему большое преимущество в состязании с нами, и он непременно это преимущество использует. Как — не знаю. Его преимущество исчезнет, как только мы узнаем, кто кроется за фасадом фирмы Джентльмена. Он не сомневается, что мы узнаем, но понимает, что нам потребуется определенное время. Вот этим-то промежутком времени он обязательно воспользуется. И сам залезет в капкан. Если умен. А он умен!

Телефон зазвонил так резко, что Бурский вздрогнул. В трубке рокотал командный бас подполковника Антонова из паспортного отдела.

— Привет, Бурский, моряк на проводе.

Привычку играть морскими словечками этот человек сохранил со времен флотской службы.

— Мы тут паспорт выписали. В Грецию кое-кто засобирался. Но что-то меня смутило, вот и звоню. Вроде и не из вашего списка. В списке значится: Верджиния Христова Кандиларова. А мы выдали паспорт Петко Христову Кандиларову. Ты ничего не перепутал?

— Паспорт у тебя?

— Пока да, после обеда передадим в «Балкантурист». Экскурсия в Грецию. Послезавтра.

— Отлично. Прими мою величайшую благодарность за бдительную службу на суше. Знаешь что, нельзя ли к тебе прислать одного из моих ребят? Тоже хочу посмотреть на паспорт. Ненадолго.

Цветанов долго рассматривал паспорт, листал его. Затем остановился взглядом на фотоснимке.

— Но это ведь не он!

— Нет, разумеется.

— Однофамилец? Полный тезка?

— Неужели не догадываетесь, кто это может быть? Говорил ведь Крум, что преступник преподнесет нам такое, что мы возьмем его голыми руками!

— Значит, «носорог» и впрямь в капкане. Гляди-ка! Да... Ты уверен?

— Я знакомился с его анкетой в отделе кадров, там тоже есть снимок. Господин Ликоманов собственной персоной. Хорошо, что я атеист. Иначе возвел бы очи горе и возблагодарил господа. Вот удача!.. Как будем действовать?

— Пусть все идет своим чередом. Завтра после обеда в «Балкантуристе» группе вручат паспорта. Он должен будет взамен этого отдать свой — я хочу сказать, паспорт покойного Петко Кандиларова. Явно замыслил побег. Прихватит с собою все самое ценное. А мы его задержим у границы. И устроим там первый допрос.

— Прямо на границе! Ох, и начнется заваруха!

— Начнется. Для начала с вашего разрешения схожу к прокурору за санкцией. А вы, насколько я понимаю, кое-куда пойдете.

— Какой прокурор? Какие хождения повыше? Никуда ни шагу! Видишь ли, там, на границе, другая обстановка. Там действует статья процессуального кодекса, которая позволяет нам задерживать кого бы то ни было без чьего-либо предварительного разрешения. Когда лицо задержано при бегстве; когда не установлена личность; когда задержано при совершении преступления. Удовлетворяют эти цитаты самолюбие кандидата юриспруденции? А уж потом пусть поднимается трезвон.

## 1 ноября, пятница

В 17.30 группа отъезжающих собралась в коридоре бюро «Балкантурист» на бульваре Александра Стамболийского. Отсутствовала лишь супружеская чета из Ихтимана. Когда прозвучала фамилия Кандиларов, Ликоманов отдал свой паспорт и со спокойным лицом, улыбаясь, взял заграничный. Выслушав все полагающиеся инструкции, туристы разошлись. Одним из последних ушел капитан Шатов.

## 2 ноября, суббота

Утром туристы собрались снова. На этот раз прибыли и супруги из Ихтимана. Автобус тронулся ровно в восемь. А в восемь пятнадцать в «Балкантуристе» появились Цветанов и Бурский. После краткого разговора с директором они взяли у него паспорт Петко Христо Кандиларова с искусно переклеенной фотографией Ликоманова. Меньше чем через час черная «Волга» обогнала автобус. По пути к границе он должен был сделать остановку у придорожного ресторанчика, где экскурсанты обычно пьют кофе, так что времени на осмысление предстоящей операции у Бурского было достаточно.

— Я проверил, — сказал он. — Документы на выезд в Грецию поданы девятнадцатого сентября, через два-три дня было бы уже поздно — их бы просто не приняли. Значит, не позднее восемнадцатого паспорт был подделан. Процедура нехитрая: осторожно срезал фото, приклеил свое — и готово! А кто станет вглядываться, полностью ли совпадает сухая печать? Эти цыпочки из «Балкантуриста», принимающие документы? Как ни прищурь, но подделку можно обнаружить лишь при сильном увеличении.

— И все это время Ликоманов ходил с двумя паспортами...

— Зачем же с двумя? С тремя. Семнадцатого июля районная милиция вручила ему новый — взамен утерянного, точнее, якобы украденного в трамвае.

— Ну и ну. Вот это предусмотрительность. На всякий случай — или с далеко идущими планами?

— Судите сами. Снимки на новый паспорт он заказывал в одной из столичных фотографий, в центре города, совсем рядом с нашим управлением. Причем заказал и получил вдвое больше фотографий, чем требуется. Излишек пошел на иностранный паспорт.

— Гляди-ка ты! Выходит, еще четыре месяца назад он запланировал убить Кандиларова и бежать за границу. Дальновидный тип.

— А чего стоит фокус с открыткой! — сказал Бурский. — С той, стамбульской. Выходит, он давно уже поручил кому-то прихватить в Стамбуле чистый конверт с маркой. Да, на много ходов вперед считает. Кстати, товарищ полковник, я кое-что пропустил. Вчера Шатов, со слов Спиридона, сообщил мне, что Насуфов служил в строительных войсках. Его рота несколько месяцев квартировала в селе Петровско. Может, тогда он узнал про пещеру?

— Это пока оставим, сейчас нам не до Нанай Маро...

Автобус подъехал к КПП. Руководитель группы собрала паспорт, еще раз проверила по списку и понесла документы пограничникам. Вернувшись, сообщила, что декларации будут заверены без досмотра багажа, предстоит лишь выборочная проверка.

— Первый... второй... пятый... восьмой... четырнадцатый, — перечислял пограничник, равнодушно скользя взглядом по списку. — В КПП зайдут Петко Кандиларов и Николай Шатев с ручной кладью.

Чемоданы обоих осматривали внимательно, дотошно, однако ничего недозволенного не обнаружили.

— У вас перстень, — сказал пограничник Ликоманову.

— Притом старинный, — ответил тот. — Вписан в декларацию.

— Верно. Вот он. — Пограничник обвел кружком что-то написанное в декларации. — Возвращайтесь с перстенем.

— Не беспокойтесь. Семейная драгоценность. Ни за что на свете с ним не расстанусь.

— Ну, раз такое дело... — И пограничник шлепнул печатью по декларации.

В этот момент вошли Цветанов и Бурский. Когда Ликоманов попытался выйти, Бурский загородил ему дорогу, а Цветанов сказал пограничникам, что автобус может трогаться.

— Кто вы такие?! — возмутился Ликоманов. — И по какому праву...

Полковник, достав удостоверение, показал его задержанному.

— А это мои помощники — майор Бурский и капитан Шатев. Познакомьтесь — у нас впереди общее дело. И довольно долгое.

— Вы что, не понимаете? Я уезжаю в Грецию.

— Кто уезжает? Пожалуйста, представьтесь.

— Как это кто? Я, Петко Кандиларов!

— Не смешите меня, Ликоманов!

Ликоманов ничего не ответил, не вышел из равновесия — может быть, лишь немного побледнел. Его отвели в соседнюю комнату с зарешеченным высоким окном, и здесь полковник показал ему паспорт Кандиларова.

— Как оказался у вас паспорт человека, который убит и недавно похоронен? По какому праву пытаетесь вы с паспортом на чужое имя пересечь границу?

Ликоманов молчал.

Обыск не дал результатов. И тут Бурский, взяв бумажник крокодиловой кожи, достал из потайного кармашка синий клочок бумаги. Это была половина небрежно разорванной десятилевой купюры. Он показал ее всем и прочитал вслух серию и номер: «ДР 559551».

— Гражданин Андроник Кочев Ликоманов, — сказал полковник, — вы обязаны ответить на наши вопросы. Отвечайте. Как вы, Андроник Ликоманов, завладели паспортом Петко Христо Кандиларова? Вот этим документом.

Ликоманов молчал.

Посетив, как говорится, высокие инстанции, полковник вернулся в управление, где его ждал Бурский. Майор заметил, что настроение Цветанова поднялось. Значит, «наверху» все знают и



одобрили дальнейшие действия — «вопреки тому, что...»

Ввели Ликоманова.

— Проходите, гражданин Ликоманов, садитесь. — Цветанов указал на стул против себя. — Что ж вы не поблагодарите, не поздороваетесь? Да разве так себя держат джентльмены? Вы — наш доморощенный мошенник и спекулянт — «Мейд ин Мраморово!». Мошенник и спекулянт, переродившийся в опасного преступника, в убийцу.

Ликоманов застыл, откинувшись на спинку стула, все так же молча глядя перед собой.

— Значит, будем молчать? Ничего, на суде заговорите, станете просить о снисхождении. Не ссылайтесь тогда на вашего отца, на имя его пресветлое, втопанное вами в грязь!.. — Подавляя вспыхнувшее в душе негодование, Цветанов помолчал. — Не будем терять время, — заключил он. — Довожу до вашего сведения: переводитесь из общей камеры в одиночку. Сидите там наедине с собственными мыслишками, покуда не созреете для искреннего признания, ежели, разумеется, созреете. В таком случае дайте знать.

Ликоманова вывели. Нервно вскочив, полковник принялся расхаживать по кабинету.

— Да ты сиди, сиди! — сказал он вставшему с места Бурскому. — Откуда только берутся эти типы? Откуда их безоглядная вседозволенность, их безмерная жадность? Ничего нет для них святого... Докатались, дальше некуда! Должен тебе сознаться, хотелось бы, чтобы он «раскололся».

— И без него обойдемся. — Бурский пожал плечами. — Не будем рассчитывать на благоволение врага. Тем более что правая его рука, Бангеев, уже «раскололся». Так строчит — не остановишь.

— Чудное дело! Неужто упал, как перезрелая груша? Любопытно.

Цветанов снова сел, ожидая разъяснений.

— Я думаю, он узнал, что мы задержали его шефа, и потому признался во всем. Как он озлобился на Ликоманова, когда выяснилось, что тот использовал дачу для своих злодеяний. Только и повторяет как заведенный: «Значит, переметнись он благополучно за границу — вся ответственность легла бы на меня!» И чтобы очиститься от подозрения в убийствах, рассказал о «бизнесе»... Кстати, это его словечко — «бизнес». Точно из рога изобилия посыпалось: подкупы, сделки, спекуляция — в общем, нарисовал каждую ниточку паутины, сплетенной Ликомановым. Должно быть, решил: и без меня, дескать, в конце концов все всплывет на свет божий, так уж пусть лучше с моей помощью. Вот уж иезуит!

— Было у кого научиться. Разве наш молчаливник не иезуит?

— Я думаю, этот ручеек не зажурчит. Все-таки два убийства — не шутка. Джентльмен!.. Вы заметили, как мало Ликоманов походит на джентльмена? Старый пошлый бабник — осанка, височки залитанные... А вот Бангеев и впрямь смахивает на Джентльмена. О, это выдающийся делец. Кое-какие его операции — вершина преступной премудрости. А знаете, как его величали? Фараон! Обожают они громкие клички.

— Почему же именно Фараон?

— Бангеев восседал на вершине пирамиды. Финансовой. И каковы были, на ваш взгляд, четыре угла или опорные точки сей пирамиды? Только не расстраивайтесь, товарищ полковник, как расстроился я, осознав все до конца. Эти углы, по выражению самого Бангеева, покоились на трех наших «БЕЗ».

— Да этих «без» у нас, вероятно, можно насчитать не три, а тридцать три.

— Бангеев знал главные: БЕЗграмотность, БЕЗответственность, БЕЗразличие.

Лицо полковника помрачнело.

— Да, крупную мы выловили акулу, — сказал он наконец. — Полковник Генков сегодня меня даже благодарил. «За жирный кусок», как он выразился, ибо в результате спасены многие и многие миллионы. Что ж... вот случай, когда смерть двух негодяев — один спекулянт и взяточник, а другой убийца — послужила на благо обществу.

— Смерть негодяев — и общественное благо? Печальная логика.

— Нашему ведомству не до веселья, Траян. Не будь этих убийств — и Бангеев тоже бы молчал. Да-а... — Полковник вздохнул. — Давай подумаем о расследовании. Чем теперь займемся?

— Осталась ювелирная работа — выстроить систему доказательств. Главная проблема лично для меня — половинка купюры. Ясно, что возвращаться из-за рубежа Ликоманов не думал. Какие перспективы были у него там? Ну, продал бы он перстень за несколько тысяч долларов — хоть в Салониках, хоть в Афинах — любому меняле. И тотчас покинул бы Грецию. Там небезопасно: предъяви мы доказательства, что он уголовный преступник — и Греция, дружественная страна, выдала бы нам беглеца. Стало быть, Ликоманов решил улепетывать на Запад. И здесь на первый план выступает половинка купюры. Я провел небольшое исследование. У купюр в один, три и пять левов номер только с одной стороны. А вот на десяти- и двадцатилевых номер дублируется. Теперь представьте: недостающая половинка хранится где-то в банковском сейфе или у некоего господина. Соединить половинки купюры воедино — значит утвердить некое свое право или полномочие. О каком праве может идти речь? О праве жить на Западе припеваючи. Собрать плоды своей многолетней деятельности в качестве джентльмена здесь, в Болгарии. Не обязательно все плоды — но, допустим, значительную часть.

— Возможно. Логично, — сказал полковник. — Жаль, что мы не знаем, кому, когда и где надо предъявить половинку нашей купюры.

— Да, не знаем. Последние дни я над этой загадкой только и бьюсь.

— А результат?

— Ликоманов мог и сам вывозить на Запад свои капиталы — думаю, для него это не было проблемой. Но почему так часто наведывался за рубеж Кандиларов? Италия, Швейцария, Франция, Австрия, Западная Германия. Откуда брал денежки на туристические вояжи скромный чиновник райсовета, мы уже знаем. В этом году, весной, он снова посетил Швейцарию. Не думаю

что его занимали красоты Альп или восхождение на Монблан. Уж не был ли Кандиларов посыльным Ликоманова? Не дело Джентльмена — рисковать по мелочам, можно нанять исполнителя. Ничего, что он урвет и себе кусочек, пусть и на свой счет положит две-три сотни долларов, бизнес есть бизнес. Но в нашем случае что-то разладилось в системе Ликоманов — Кандиларов. Слуга, видимо, проштрафился всерьез — на крупную добычу замахнулся.

— Так-так, ты на верном пути... И потому Ликоманов дал указание этому садисту Нанай Маро увезти провинившегося на дачу и учинить там допрос с пристрастием... Постой, а не у Кандиларова ли была вторая половинка купюры? Не из-за нее ли он поплатился жизнью? Похоже, Траян, похоже. Эта половинка кое-что значила для Ликоманова, если так окрашена кровью.

— Остается выяснить, кому нужно предъявить нашу половинку, — лукаво улыбнулся Бурский. — Кому, где, когда...

— Ты и это вычислил? — изумился полковник. — А ну-ка выкладывай!

— Думаю, что вычислил. Ход рассуждений такой: допустим, ценности хранятся в Швейцарии, ведь последний раз Кандиларов был именно там. Но где именно? У частного лица? В банке? Если в банке, то в каком — там их тьма-тьмушая. Кандиларова пытали — и он выложил, кажется, все, и где находится вторая половинка купюры. Иначе он был бы еще жив, верно? Но адрес, возможно, пароль, код, имя человека в Швейцарии — разве такая цифирь и иностранные буквы для интеллекта Нанай Маро? Кандиларов, конечно же, написал все по-французски.

— Правдоподобно. Насуфов передал половинку и записку Ликоманову. А записку мы не нашли...

— Ничего удивительного. Мог выучить наизусть и уничтожить. Предъявлять ведь нужно полкупюры, верно? Но...

— Без «но» здесь никак не обойдешься, — сказал Цветанов.

— Именно так. Помните, в вещах Насуфова нашелся жалкий блокнотик, дешевый, за шестьдесят стотинок, — такие продаются на каждом углу. Пленные часами «Сейко», мы не обратили на него внимания. Оно и понятно — все страницы были чистыми. Ни одной записи. Пусто. Но однажды меня осенило, и я пересчитал листочки. Сорок девять! Почему же не пятьдесят, как положено? Значит, кто-то оторвал первую страничку. Кто? Да Нанай Маро! И передал Ликоманову. Что же было там написано?

— Кому, где, когда! — восхищенно сказал полковник.

— И слава богу, что Нанай Маро не был склонен к писанине. А может, и специально купил блокнот перед поездкой на дачу.

— Погоди... Сумели прочесть текст, отпечатавшийся на втором листке? Силач Нанай Маро давил на авторучку... И ты все это время молчал?

— Сумели, хотя он не так уж и нажимал. Этот кроссворд мы решили скопом, с помощью всевозможных средств и приборов. Вас интересует подробный рассказ о наших муках или конечный результат?

— О муках еще поведаешь. А сейчас — давай-ка листок с адресом!

— Я помню его наизусть: Лихтенштейн, Вадуц. Обердорфергассе, семнадцать, Резервербанк, герр Науман, десять-двенадцать

— Значит, Лихтенштейн, — сказал полковник. — Не так уж далеко от Швейцарии. Герр Науман, говоришь? А цифры в конце — это не телефон. Похоже, указание на время. Допустим, с десяти до двенадцати. Оно понятно, люди на Западе занятые, не хотят, чтобы их целый день беспокоили. Придется и нам быть точными, как знаменитые швейцарские часы...

## ЭПИЛОГ

После ареста Джентльмена многие люди заговорили. Очень многие. Будто плотина прорвалась. Как снежный ком, нарастали показания подчиненных Ликоманова из объединения, помощников его по «бизнесу». Ни с того ни с сего пожаловал какой-то тип из Спецэкспорта и сообщил, что заместитель генерального директора — шурин Ликоманова — передал ему письмо и попросил опустить его в Стамбуле (видимо, на свидетеля подействовал страх, что его объявят соучастником убийцы).

Расследование «бизнеса» еще не закончено. Идут допросы, распухают тома дела, теперь уже разделенного на два самостоятельных: грабеж, взяточничество, казнокрадство — одна преступная стихия, убийства — другая. Дело столь обширное и запутанное, что скоро, вероятно, можно будет издать его в виде учебника для студентов-правоведов.

Вероятно, вас интересует и судьба половинки купюры. Двое наших дипломатов из посольства в Берне явились однажды в упомянутый банк в 11 часов. Герр Науман взял половинку купюры, извлек из ящика стола другую, соединил, внимательно исследовал линию отрыва, серию, номер. После чего — притом без лишних разговоров — завел гостей в бронированную комнату, открыл сейф и достал оттуда объемистый пакет.

Да, забыл упомянуть, что однажды Ликоманов заговорил. Только однажды! Нет, он не собирался давать показания. Заявил, что желает исповедаться. Притом у католического священника. Непременно у католического, поелику католическая вера — самая истинная. А ведь всю жизнь выдавал себя за атеиста, хотя и атеистом оказался поддельным.

Мы посоветовались. Обсудили разные предложения. Например, замаскировать видеомэгнитофон в камере. Консулов даже предложил сыграть роль падре: облачиться в рясу, вызубрить несколько молитв на латыни. Долго мы думали и над этой проблемой. А потом шеф сказал как отрезал:

— Здесь исповедуем только мы.

**Авторизованный перевод с болгарского Ю. МЕДВЕДЕВА**

## ОБ АВТОРАХ

**АЛЕКСАНДР КАЗАНЦЕВ** — известный советский писатель-фантаст. Родился в 1906 году в городе Акмолинске (ныне Целиноград). Окончил Томский технологический институт. Автор романов «Пылающий остров», «Фаэты», «Клокочущая пустота» и многих других. Лауреат пяти литературных премий, в том числе специальной премии III Всевропейского конгресса фантастов. Один из инициаторов создания «Искателя» и его старейший автор.

**ДИМИТР ПЕЕВ** родился в 1910 году в Пловдиве. Доктор юридических наук. Главный редактор еженедельника ЦК ДКСМ «Орбита». Один из основателей современной болгарской фантастической и приключенческой литературы. На русский язык переведены произведения Д. Пеева «Алиби», «Чаша терпения», «Линия отклонения», «Вероятность равна нулю» и другие. «Искатель» в разные годы опубликовал ряд произведений писателя.

---

На I, II, IV страницах обложки рисунки Юрия **МАКАРОВА** к фантастической повести «ТАЙНА НУЛЯ»

На III странице обложки рисунок Игоря **БЛИОХА** к повести «ДЖЕНТЛЬМЕН»

---

Под редакцией **А. ПОЛЕЩУКА** и **Е. КУЗЬМИНА**

Редактор выпуска **С. БЕЛОЗЕРОВ**

Художественный редактор **В. КУХАРУК**

Технический редактор **И. ВОРОБЬЕВА**

---

Адрес редакции: 125015, Москва, Новодмитровская ул. 5а  
Тел. 285-80-10, 285-88-84

Сдано в набор 13.09.88. Подписано в печать 20.10.88. А01180.

Формат 84×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Бумага газетная. Печать высокая.

Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,56. Уч.-изд. л. 10,2.

Тираж 300 000 экз. Цена 60 коп. Заказ 219.

---

© «Искатель», 1988 г.

---

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»,  
103030, Москва, К-30, Суцеская, 21





# ИСКАТЕЛЬ

Александр КАЗАНЦЕВ  
Димитр ПЕЕВ

Цена 60 коп.

